

К. Ю. Решетников

**Морфология праенисейского глагола:
некоторые результаты грамматической реконструкции**

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Наличие генетического родства между енисейскими языками — кетским, югским (сымским), коттским, ассанским, аринским и пумпокольским — было осознано как более или менее очевидный факт еще в прошлом веке. Тем не менее, сравнительно-исторические исследования традиционно играют в енисейстике маргинальную роль. Причинами этого являются скудость материала всех енисейских языков, кроме сохранившегося до наших дней кетского и полностью исчезнувшего только в середине XX-го в. югского, обусловленная, в свою очередь, прежде всего отсутствием письменной традиции, а также — отчасти — недостаточная известность этого материала (см. [Хелимский 1986]). Несмотря на то, что проблемы исторической интерпретации енисейских фактов издавна занимали исследователей

в не меньшей степени, нежели проблемы их синхронного описания (что было вызвано, с одной стороны, неясностью в отношении генетических связей енисейской семьи, с другой — обнаружением отдельных материальных и типологических сходств с языками, географически весьма отдаленными от енисейского ареала, в частности с кавказскими и баскским), разыскания, направленные на систематизацию данных внутриенисейского сравнения, на протяжении долгого времени носили спорадический характер (в частности, почти не проводилось исследований по сравнительной фонетике — едва ли не единственной работой, затрагивавшей эту тему, оставался [Дульзон 1962]), и попытки диахронического изучения енисейского материала сводились, как правило, либо к довольно беспорядочным сопоставлениям с самыми разными языками (такие сопоставления содержатся, например, в работах [Bouda 1957], [Tailleur 1958], а также [Ramstedt 1907]), либо (это касается преимущественно грамматики) к (квази-)историческим построениям без выхода за пределы близкородственных кетского и югского, иногда небезынтересным, но часто абсолютно спекулятивным и в значительной мере произвольным (подобные штудии можно найти прежде всего в работах А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича).

Исследования, ориентированные на последовательное сравнение данных разных енисейских языков (resp. на реконструкцию праенисейского состояния), начались только в конце 60-х годов нашего века.

Основным результатом этих исследований (среди авторов которых следует назвать прежде всего В. Н. Топорова, Г. К. Вернера и С. А. Старостина) явились возникновение концепций сравнительно-исторической фонетики енисейских языков (см. [Старостин 1982; Вернер 1990b]) и реконструкция фонологической системы, а также представительного фрагмента словаря праенисейского языка (см. прежде всего [Старостин 1982]), с учетом которой оказалось возможным приступить к эффективному сравнению енисейского материала с материалом других языко-

вых семей (см. [Старостин 1982; Starostin 1984; Старостин 1995; Орёл 1995]).

Что же касается сравнительно-исторической морфологии, то уровень ее разработанности до сих пор остается в целом довольно низким — работы, специально посвященные этой теме, единичны. Это обуславливается как отсутствием вплоть до самого недавнего времени хорошей фонетической базы для сравнения, так и нерешенностью проблемы формализованных синхронных описаний морфологических систем енисейских языков. Между тем, разработки в этой области представляют значительный интерес.

Во-первых, естественно ожидать, что реконструкция морфологического строя праенисейского языка (далее ПЕ) сделает возможным систематический учет элементов морфологического уровня и при изучении генетических связей енисейских языков (которое, как убедительно показывает сопоставление работ последних лет с более ранними, может дать реальные результаты только будучи основанным на анализе праязыковых фактов), и при воссоздании картины их ранних ареальных связей (в частности, ранних енисейско-самодийских контактов, представляющих определенный интерес для уралистики), а как первое, так и второе весьма важно, в частности, для решения широкого круга вопросов, касающихся языковой и этнической истории Средней Сибири. Во-вторых, праенисейская морфологическая система и картина ее модификации в языках-потомках могут предоставить специфические факты, ценные для (диахронической) типологии (это представляется тем более вероятным, что некоторые морфологические явления в енисейских языках можно охарактеризовать как типологически редкие).

Двумя наиболее актуальными задачами сравнительно-исторической морфологии енисейских языков являются реконструкция праенисейской системы именного словоизменения и реконструкция праенисейской глагольной системы.

Несмотря на то, что первую задачу нельзя считать решенной, более или менее четкие (хотя и не бесспорные) представления о

системе праенисейского именного склонения уже имеются (см. [Вернер 1990а]). Что же касается реконструкции глагольной системы, то она, несмотря на исследования, результаты которых изложены в [Вернер 1982], [Вернер 1990а], [Werner 1994] и [Старостин Г. 1995], все еще находится на предварительном этапе. Из гипотез, высказывавшихся здесь по тем или иным вопросам, лишь немногие кажутся достаточно убедительными; кроме того, даже в случае принятия каких-то из этих гипотез невозможно составить целостной картины праенисейской глагольной грамматики: остаются неясными дистрибуция, а также парадигматические и порядковые характеристики многих восстанавливаемых морфем, равно как и то, каким набором парадигматических типов располагал праенисейский глагол.

Что касается исторических исследований по енисейскому глаголу, проводимых Г. К. Вернером, то характерной их чертой является построение различных гипотез преимущественно на кетско-югском материале при слабой задействованности данных коттского языка, которые в небольшом, но все же достаточном для систематического использования объеме были собраны М. А. Кастреном — в этом отношении Г. К. Вернер как бы продолжает линию А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича (см. выше), хотя его интерпретации и отличаются гораздо большей систематизированностью (такая ситуация имеет место при том, что Г. К. Вернер является прекрасным знатоком коттского, будучи автором монографии, посвященной его описанию — см. [Вернер 1990а]). С другой стороны, в тех случаях, когда Г. К. Вернер все же обращается к коттскому глаголу в рамках сравнительного исследования, сравнительно-исторический метод применяется им лишь эпизодически, что отражается, в частности, в отсутствии целостной системы сравнительно-исторической морфологии (при наличии целого ряда заслуживающих всяческого внимания гипотез об исторической связи между отдельными морфемами), равно как и в ориентации преимущественно не на эксплицитную реконструкцию морфем, праформ, парадигм и формально-

семантических классов (которая является наиболее надежным путем к воссозданию морфологической модели праязыка), а на постулирование абстрактных грамматических явлений, основанное на структурных параллелях и лишь в малой степени подкрепленное конкретным праязыковым материалом (необходимо отметить, что все это связано с недостаточным учетом фонетических соответствий, на которые должно опираться любое морфологическое сравнение). При том, что в работах Г. К. Вернера исторические интерпретации последовательно скоррелированы с утверждениями синхронного (описательного) характера, они все же не всегда основаны на строгом формализованном синхронном описании. В целом же можно сказать, что, несмотря на несомненную значимость некоторых исторических концепций Г. К. Вернера (ср., например, предпринятую им попытку реконструкции праенисейского именного склонения — см. выше, а также его гипотезу о наличии активного строя в праенисейском), его сравнительные исследования — даже тогда, когда в них затрагивается историческая проблематика — носят, по крайней мере в плане методологии, более типологический, нежели сравнительно-исторический характер (что в очередной раз наглядно демонстрирует относительно недавняя монография [Werner 1994], которую с некоторыми оговорками можно отнести к числу работ по грамматической типологии родственных языков).

Особое место среди исследований по данному вопросу занимает указанная работа Г. С. Старостина (нашего соавтора по синхронному описанию системы кетского глагола — см. [Решетников — Старостин 1995]), некоторые результаты которой используются в настоящей статье¹. Это самая последняя из известных нам работ по исторической морфологии енисейского глаго-

¹ Строго говоря, Г. С. Старостиним написано две работы по праенисейской глагольной реконструкции. Однако, поскольку вторая является переработанным и дополненным вариантом первой, содержа, в частности, очерк морфологии коттского глагола, мы ссылаемся только на вторую.

ла, и в ней, соответственно, учитывается опыт (в первую очередь — негативный) всех (правда, весьма немногочисленных) предшествующих исследований, затрагивавших эту тему. Кроме того, это единственная работа, где ставится цель выполнить (хотя бы в самых общих чертах) реконструкцию праенисейской глагольной системы в целом, а не каких-то ее фрагментов вне связи с другими (как это отчасти имеет место в работах других авторов) и где для достижения этой цели последовательно применяется сравнительно-исторический метод. К числу достоинств работы относится также то, что при историческом анализе автор опирается на вполне определенные и, более того, довольно строго формализованные системы синхронного описания (кетский материал трактуется в соответствии с [Решетников — Старостин 1995], а коттский — согласно специально написанному автором грамматическому очерку, предваряющему изложение результатов реконструкции и содержащему дополнения и коррективы к описанию, предложенному в [Вернер 1990а]). Тем не менее, некоторые весьма важные факты, обнаруживающиеся при сравнительном изучении кетско-югской и коттской систем, не нашли отражения и здесь, в связи с чем даже в случае этого исследования говорить о воссоздании системы, а не ее разрозненных частей, можно лишь с серьезными оговорками. Причиной этого явилась некоторая беглость анализа, в какой-то мере обусловленная, по-видимому, априорным убеждением в крайней ограниченности возможностей кетско-коттского сравнения (лишь отчасти верным), а также, возможно, предварительным характером статьи (?). Определенную роль сыграло также то обстоятельство, что при описании коттской глагольной системы данный автор (впрочем, возможно, как и все или почти все, кто за последние сто лет обращался к изучению коттского) использовал материалы М. А. Кастрена только в том виде, в каком они представлены в издании А. Шифнера, в которое, как выяснилось, не попали некоторые важные записи — см. ниже. Ряд других замечаний по поводу этой работы см. далее.

В отличие от Г. С. Старостина, мы не можем определить содержание нашей статьи как реконструкцию праенисейской глагольной системы (эта задача включает в себя, в частности, разработку таких нетривиальных, но, как кажется, вполне перспективных тем, как реконструкция праенисейской системы форм с пассивным значением и типов образования инфинитива). Данная работа посвящена прежде всего реконструкции типов праенисейских глагольных основ и их дистрибуции, а также реконструкции парадигматических классов праенисейского глагола. Сразу же оговоримся, что термин «тип основы» имеет в данном случае другое значение, нежели то, в котором он употреблялся в некоторых исследованиях по енисейским языкам (например, Е. А. Крейновичем — см. [Крейнович 1968а: 11—14]). Речь идет, в частности, не о количестве корней в составе основы и не о типах их соотношения по «рангам» и функциям. Под типами основы здесь понимаются формальные классы, на которые глагольные основы разбиваются в соответствии с наличием (или отсутствием) особых вокалических элементов, функция которых может быть определена как собственно основообразующая и которые в принципе аналогичны морфемам, характеризующим, например, русские или латинские «спряжения»² (морфонология некоторых из этих аффиксов в енисейских языках такова, что можно говорить о наличии у них определенной словоизменительной роли, которая, однако, при строгом формальном подходе должна быть определена как плеонастическая; собственно го-

² Что касается термина «спряжение», то он уже использовался для обозначения данной категории применительно к енисейским языкам (см. [Решетников — Старостин 1995: 78—86; Старостин Г.: 131—136]), однако, здесь мы предпочитаем пользоваться другим термином во избежание путаницы: типами спряжения логично и удобно называть разновидности словоизменительной структуры (например, хотелось бы говорить о субъектном и объектном спряжениях, вкладывая в слово «спряжение» только один смысл). Что же касается типа основы в смысле того или иного набора ее составляющих, то его мы будем обозначать как структуру (или структурную разновидность) основы.

воря, ситуация здесь в целом аналогична той, которая имеет место в случаях «аддитивных» чередований — с той разницей, что элементы, определяющие тип основы, не относятся к корню). Кроме того, в настоящей статье делается попытка синхронной и исторической интерпретации одного специфического явления, обнаруживающегося при анализе глагольных систем енисейских языков. Предпринимается также реконструкция системы субъектных и объектных показателей (частично она дана в самом начале), так как многие результаты соответствующего исследования, проведенного Г. С. Старостиным, должны быть, на наш взгляд, дополнены и отчасти пересмотрены (необходимость этого возникает, в частности, в свете реконструкции других элементов системы праенисейского глагола — см. выше). В заключение приводятся некоторые соображения из области дальней реконструкции (т. е. исторические интерпретации, основанные на внутреннем анализе реконструированной системы). Отметим, что, с одной стороны, все феномены, исследуемые в данной работе, тесно связаны друг с другом и в общем не могут изучаться по отдельности, с другой — все затрагиваемые нами темы (за исключением реконструкции личных показателей) до сих пор либо находили лишь самое минимальное и/или неадекватное отражение в литературе, либо вообще не разрабатывались (так, реконструкция системы парадигматических классов праенисейского глагола производится впервые). Сравнительно-исторический анализ и реконструкция во всех случаях предваряется синхронными описаниями, которые даются отдельно и большинство из которых содержит интерпретации, новые по сравнению с предлагавшимися в [Решетников — Старостин 1995] и упомянутом выше коттском очерке в [Старостин Г. 1995]; в одном случае демонстрируется процедура внутренней реконструкции.

В приложениях представлена реконструкция еще двух рядов личных (точнее, актантных) показателей (тех, которые адекватнее всего трактовать как рефлексивные, и тех, которые использовались для образования предикативных форм имени и наре-

чия), а также реконструкция праенисейских источников специфических словообразовательных элементов, именуемых согласно используемой нами терминологии превербами (необходимые оговорки по поводу ряда терминов, используемых в нашей работе, см. ниже). Данные классы праенисейских морфем уже были реконструированы в [Старостин Г. 1995], и мы в целом согласны с этими реконструкциями. Указанные приложения даются по двум причинам: во первых, это облегчает восприятие основной части работы и придает изложению более целостный и систематический характер, во вторых, в нескольких случаях мы делаем необходимые на наш взгляд дополнения и коррективы к уже имеющимся решениям (при этом мелкие поправки нами специально не оговариваются) и демонстрируем возможность альтернативных интерпретаций. В качестве приложения приводится также анализ морфонологии некоторых из кетских личных показателей (уместный здесь постольку, поскольку он релевантен для обоснования наших взглядов на систему кетско-югского спряжения). Это приложение содержит *addenda et corrigenda* к [Решетников — Старостин 1995]; производимая в нем демонстрация синхронной картины в кетском представляет собой попытку более эксплицитного и формализованного описания, нежели то, которое представлено в соответствующих разделах указанной работы.

В качестве фонетической основы для реконструкции нами используется концепция, изложенная в [Старостин 1982].

Основным методом, применяемым в работе, является сравнительно-исторический. Учитываются как общие принципы, принятые в современной компаративистике, так и особые методологические установки, связанные со спецификой грамматической реконструкции.

Одним из самых важных принципов является последовательное применение фонетического критерия при установлении этимологического тождества морфем. Основанием для возведения грамматических морфем сравниваемых языков к общему

источнику (возможного, разумеется, лишь при допустимости семантической связи между ними) должно служить наличие у соотношения элементов фонетического состава этих морфем места в системе регулярных фонетических соответствий между сравниваемыми языками. Этот принцип, однако, применяется с той оговоркой, что в грамматических морфемах возможны специфические фонетические условия (объясняющиеся их позиционными и/или акцентными, а также сочетаемостными особенностями), и, следовательно, особые фонетические развития, не все из которых встречаются в корпусе форм, послужившем базой для установления стандартного набора фонетических соответствий (resp. правил рефлексии праязыковых фонем); данная оговорка особенно оправдана в тех случаях, когда корпус морфем, на котором разработана стандартная модель рефлексии, невелик по объёму или структурно однороден (оба эти обстоятельства налицо в енисейских языках, историческая фонетика которых разрабатывалась на двух-трех сотнях этимологий и при этом имела дело главным образом с одно- и двусложными именными основами).

Имеется два обстоятельства, довольно сильно осложняющих нашу задачу. Во-первых, грамматическая реконструкция не может быть столь же точной, как реконструкция фонетической системы праязыка, так как морфологические изменения, как известно, не подвержены действию регулярных законов. Во-вторых, при том, что у нас есть возможность более или менее детального сравнения чрезвычайно близких друг к другу кетского и югского с коттским (материал остальных языков, к сожалению, может играть только вспомогательную роль ввиду его скудости), объем засвидетельствованного коттского материала все же очень ограничен (причем неполнота коттских данных носит специфический характер, т. к. мы сталкиваемся не только с относительно небольшим количеством зафиксированных парадигм, но и, по-видимому, с неполной зафиксированностью многих из них). Важным компенсирующим фактором в данной си-

туации является, однако, то обстоятельство, что (как выясняется в результате детального сравнительного анализа, производимого, в свою очередь, с учетом дополнений к синхронным описаниям) система, представленная в кетском и югском, гораздо ближе к коттской, чем это кажется на первый взгляд и чем это представлялось до сих пор. Близость сравниваемых систем значительно облегчает реконструкцию (позволяя, в частности, с большой долей вероятности восстанавливать не только конкретные парадигматические типы, но и конкретные парадигмы).

Нужно также подчеркнуть, что сама по себе скудость материала, несомненно затрудняющая сравнительно-исторический анализ и реконструкцию, в принципе не означает их невозможности: ср., например, ситуацию, с которой приходится иметь дело при реконструкции лексики и фонологических систем языков для семей большой хронологической глубины, когда сравниваемые языки, во-первых, сами являются результатом реконструкции (что, как правило, обуславливает относительно небольшой — по сравнению с засвидетельствованными языками — объем их словарей), а во-вторых характеризуются более или менее значительной хронологической удаленностью друг от друга (вследствие которой процент общей лексики невелик), и многие соответствия приходится устанавливать по единичным сближениям — такая ситуация часто имеет место в макрокомпаративистике (в частности, в случае ностратики и синокавказского сравнения), а также в известной степени характеризует некоторые общепризнанные языковые семьи.

1.2. Основой сравнения, как было отмечено выше, являются кетско-югская и коттская системы. Кетский материал берется прежде всего из книги Е. А. Крейновича «Глагол кетского языка» [Крейнович 1968a], а также из трех других его работ [Крейнович 1968b; 1968c; 1969]. В связи с главенствующей ролью наследия Е. А. Крейновича (которая обусловлена как относительно большим объемом, так и вполне приемлемым — особенно по срав-

нению с работами многих лингвистов Томской школы — качеством его записей) мы используем в первую очередь данные суломайского говора, составляющие основную часть собранного им кетского материала. При этом систематически используются также другие источники, прежде всего [Дульзон 1968], где содержится огромное количество кетских глагольных парадигм из разных диалектов и говоров (хотя качество записи оставляет желать лучшего) и [Werner 1994]. Наконец, мы учитываем наши полевые записи, сделанные нами во время кетской экспедиции РГГУ 1993 г. в поселках Верхнеимбатское и Келлог и отражающие в основном келлогский говор южнокетского диалекта. К этим записям мы обращаемся прежде всего в тех случаях, когда релевантной оказывается информация о месте ударения в словоформе, как правило, отсутствующая у Е. А. Крейновича и А. П. Дульзона. При этом мы исходим из предположения об отсутствии кардинальных различий в постановке ударения между суломайским говором, на данные которого мы в основном опираемся, и келлогским говором, по крайней мере, в тех формах, которые нас прежде всего интересуют (это предположение основано на акцентуационной корреляции нескольких из изученных нами в Келлоге классов форм с соответствующими акцентуанными — или описательно охарактеризованными с точки зрения акцента — классами форм из [Крейнович 1968а; 1969]). Югские данные приводятся в соответствии с [Дульзон 1968; Werner 1994], а также из статьи Г. К. Вернера [Вернер 1980]. Особое место занимают записи М. А. Кастрена ([Castrén 1858]; нами используются также материалы из кастреновского архива, хранящиеся в библиотеке Хельсинкского университета), которые отражают кетский и югский середины прошлого века и предоставляют специфические возможности для исторического анализа (несмотря на то, что фонетическая и фонологическая интерпретация этих записей часто бывает связана с определенными проблемами из-за неясностей в графике).

Особо следует остановиться на ситуации с коттским. Практически единственным источником коттского грамматического материала являются записи М. А. Кастрена, сделанные им во время работы с пятью (очевидно, последними) носителями коттского языка в середине XIX века (кроме этих записей можно указать только единичные случаи фиксации отдельных форм в материалах Г. Ф. Миллера). До сих пор эти записи были известны исследователям только в том виде, в каком они даются в издании А. Шифнера, подготовленном последним после смерти М. А. Кастрена (на материалах этого издания основывается, в частности, описание коттского языка, предложенное в [Вернер 1990a]). Мы, однако, имели возможность ознакомиться с оригинальным вариантом этих записей, анализ которого позволяет констатировать лакунарность шифнеровского издания и несколько дополнить существовавшие до сих пор представления о морфологии коттского глагола (см. 2.1.2.), а также внести дополнения в словарь коттской глагольной лексики и уточнить значения некоторых из уже известных коттских глаголов, учитывая регулярно приводимые в рукописях Кастрена русские (реже шведские) переводы глагольных форм, отчасти размытые и искаженные при переводе на немецкий (который был сделан для [Castrén 1858]). Таким образом, основным нашим коттским источником являются неопубликованные архивные материалы (их публикацию мы рассчитываем осуществить в ближайшее время).

Ассанский материал, привлекающийся лишь в единичных случаях, приводится в соответствии с работами [Старостин 1982] и [Старостин 1995].

Источниками аринских и пумпокольских форм являются статьи [Топоров 1968] и [Хелимский 1986].

1.3. Судя по известным нам югским данным, предлагаемые в работе описания фрагментов кетской системы, основанные прежде всего на материале суломайского говора (см. выше), вполне

приложимы не только к кетскому, но и к югскому. Различия между кетской и югской системами единичны; относясь преимущественно к области морфонологии, они довольно хорошо поддаются диахронической интерпретации (на подобных случаях мы останавливаемся специально).

1.4. Представляется необходимым сделать специальные предубеждения по поводу используемой в данной работе транскрипции.

Кетские формы приводятся в специальной фонологической записи (случаи, в которых используется фонетическая транскрипция, оговариваются особо). Она отражает следующий набор сегментов:

Согласные	Гласные
b m	i i u
t d n l s	e э o
j	a
k ɣ n	
ɕ	
Н	

Поскольку данная система записи не является стандартной (обычно в работах по кетскому языку используется чисто фонетическая транскрипция), необходимо описать основные нетривиальные правила соответствия вышеприведенных сегментов единицам фонетического уровня, т. е. набор аллофонов и их дистрибуцию в тех случаях, когда фонема имеет различную репрезентацию в зависимости от позиции (правила приводятся в соответствии с материалом суломайского говора в том виде, в каком он отражен у Е. А. Крейновича).

1) **Согласные**

В области консонантизма большим разнообразием аллофонических репрезентаций характеризуются только шумные смычные.

b репрезентуется как [b] в анлауте и в соседстве со звонкими согласными (исключение составляет позиция перед *n*, в которой налицо репрезентация [m]), а также после *k*, *H* и *q*, но как [p] в ауслауте, перед глухими согласными и в позиции после *t* и *s*, а в интервокале имеет аллофон [w];

t репрезентуется как [d] в позиции перед [d] и как [t] в остальных случаях;

d репрезентуется как [d] в анлауте, в постконсонантной позиции (за исключением позиции после *s*) и перед звонкими шумными, но как [t] в ауслауте, после *s* и перед сонантами и глухими согласными, а в интервокале имеет аллофон *ɣ*;

k репрезентуется как [k] в анлауте, ауслауте и перед глухими согласными, а также в позиции после шумных, но как [g] в позиции перед звонкими шумными и после сонантов и как [∅] перед сонантами, а в интервокале имеет аллофон [ɣ], реже — [∅];

q репрезентуется как [q] в анлауте, ауслауте, перед глухими и после шумных, но как [R] перед звонкими шумными, в соседстве с сонантами и в интервокале (в позиции после сонантов встречается также нулевой аллофон);

символом *H* мы обозначаем особый фонологический инвариант, имеющий репрезентацию [h] в анлауте, [∅]/[ɣ] в интервокале и после сонантов, [m] перед *n*, [p] в ауслауте, перед глухими и после шумных и [b] перед звонкими шумными (эта фонема возникла на месте исторического *p).

К этому набору правил нужно сделать одно дополнение. Аллофоны *b*, *d* и *k*, выступающие в интервокале, могут появляться также в кластерах, т. е., е. г., *kb* может репрезентоваться как в виде [gb], так и в виде [ɣw], *bl* может репрезентоваться в виде [bl] и в виде [wl] и т. п. (при этом два типа репрезентации шумных в кластерах находятся, насколько можно судить, в отношении свободного варьирования).

Любой согласный (за исключением велярных и увулярного) может выступать как палатализованный; распределение палатализованных и непалатализованных вариантов ясно не всегда,

однако в большом количестве случаев налицо действие тривиальных позиционных правил, которые мы здесь описывать не будем (на фонологическом уровне палатализация, по-видимому, отсутствует — ни одной минимальной пары на палатализованность/непалатализованность до сих пор не обнаружено).

2) Гласные.

e может быть представлен вариантами [e], [i] и [ä]: [e] появляется, по-видимому, в ударной позиции, [i] — в безударной, а условия появления [ä] не совсем ясны.

Аллофонами *o* могут быть, наряду с [o], также [ä] (по-видимому, в безударной позиции) и [u] (в безударной позиции, а также в ударной позиции после заднеязычного перед сочетанием сонанта с шумным смычным); аллофон [ä] и аллофон [u] под ударением в позиции после заднеязычного перед сочетанием типа -RT- в записях Е. А. Крейновича встречаются, как правило, только в одном классе случаев, а именно тогда, когда *o* репрезентует маркер глагольной основы (см. 4.1.1.), е. g. d-ba-t-o-b-il-tad 'он ко мне пристал' = [ba-t-ä-w-il'-tät], d-h-o-l-[d]-tas 'я встал' = [h-u-l-täs].

a бывает представлен аллофонами [a] и [ä], появление второго из которых имплицитно, по-видимому, безударной позицией.

Любой из приведенных гласных на фонетическом уровне может быть долгим; поскольку, однако, вопрос о количественных оппозициях гласных в глагольных словоформах еще не разработан, долгота нами, как правило, не отмечается.

При цитировании старокетских и югских форм, приводимых М. А. Кастреном, мы сохраняем графические особенности источника (модификации сводятся к игнорированию единичных диакритик, значение которых не совсем ясно, и замене «перечеркнутых» букв, которыми Кастрен обозначал палатализованные согласные, на маркировку палатализации с помощью апострофа).

Для записи югских форм, приводимых по другим источникам, используется стандартизованная фонетическая транскрипция (при этом мы, насколько это позволяет привлекаемый мате-

риал, ориентируемся на записи югских форм у Г. К. Вернера, заметно превосходящие по качеству записи А. П. Дульзона). В некоторых случаях, однако, в записи югских форм могут появляться сегменты, отсутствующие на фонетическом уровне; это происходит тогда, когда учет таких сегментов важен с точки зрения демонстрации и анализа морфологической структуры.

Коттские формы приводятся в том виде, в каком они даны у М. А. Кастрена (с тремя графическими изменениями: во-первых, там, где для обозначения долготы М. А. Кастрен записывает два гласных подряд, мы ставим знак долготы, во-вторых, палатализованный *d*, передаваемый Кастреном через *dj*, записывается нами как *d'*, в третьих, для обозначения велярного носового мы используем символ *ŋ* вместо кастреновской записи *ng*).

Единичные аринские и пумпокольские записи приводятся без каких-либо изменений.

На все эти принципы накладывается морфемное членение (осуществляемое с помощью дефиса), которое мы производим в подавляющем большинстве случаев.

1.5. В работе встречаются некоторые термины, не являющиеся общепринятыми или употребляемые в не совсем стандартном значении. Ниже приводятся эти термины и необходимые пояснения к ним.

Ядро. Лексическая морфема, располагающаяся в конце словоформы (с точки зрения «максимальной» схемы не абсолютном — см. ниже порядковые схемы) и формально обязательная, т. е. глаголов, не имеющих ядра, не существует. Ядро является собственно глагольным корнем и служит «первичной» основой для образования спрягаемых форм.

Модификатор. Лексическая морфема, имеющая иную локализацию в словоформе, нежели ядро (см. порядковые схемы), и, в отличие от ядра, формально необязательная, т. е. возможны глаголы, не имеющие модификаторов. Глаголы, лишённые модификаторов, мы называем *простыми*, а глаголы с модификатора-

ми — сложными. Структуру с модификатором целесообразно рассматривать как производную от структуры, характеризующейся его отсутствием (во многих случаях на синхронном уровне устанавливается соответствующая деривация), а сам модификатор — как зависимый от ядра аналогично элементам префиксальной цепочки. В записях модификаторы иногда фиксируются как отдельные слова (это особенно характерно для коттских материалов Кастрена), однако как системные соображения, так и учет наших полевых материалов заставляет нас (по крайней мере при синхронном описании) рассматривать соответствующие образования как разновидность сложных глаголов, а не как синтаксические сочетания. Подробнее о ядрах и модификаторах см. работы [Решетников — Старостин 1995: 102—113; Старостин Г. 1995: 140—142].

Преверб. Однофонемный словообразовательный элемент, наминающий по своей формальной функции морфемы типа славянских или немецких приставок, но лишенный (эксплицитной) семантики. Во избежание терминологической путаницы подчеркнем, что енисейские превербы характеризуются фиксированной позицией и не отделяются от словоформы (в отличие, например, от морфем, обозначаемых термином «преверб» в описаниях селькупского языка). В кетологической традиции, идущей от Е. А. Крейновича, эти элементы принято называть детерминативами (см., е. г., [Крейнович 1968а: 29—38]). Подробнее см. [Решетников — Старостин 1995: 100—101; Старостин Г. 1995: 141].

1.6. Для того, чтобы сделать нижеследующий анализ более ясным, мы приведем общие порядковые схемы, характеризующие кетско-югский и коттский глагол. Сразу же оговоримся, что эти схемы не отражают некоторых морфем, нами здесь не анализируемых, а также специфических элементов, присутствие которых неочевидно и определению статуса и формальных (в том числе порядковых) характеристик которых посвящены специальные разделы нашей работы.

Кетско-югский:

Суб — М — Об.косв. — Прев. — а/о — b —
 прет.-имп. — Об.прям. — R — плюр.

— где Суб. символизирует показатели одушевленного субъекта, М — модификатор, Об.косв. — показатели косвенного объекта, Прев. — провербы, а/о — маркер основы, b — показатель субъекта вещного класса, прет.-имп. — сонантические показатели претерита-императива, Об.прям. — показатели прямого объекта, R — ядро, плюр. — суффикс, маркирующий мн. ч. субъекта.

В данной структуре наблюдается одна регулярная инверсия, а именно: нереклексивные показатели 3-го л. прямого объекта располагаются не после показателей претерита-императива, а перед ними, е. г. d-il-di-s 'он меня одел', d-il-ku-s 'он тебя одел', d-il-daŋ-s 'он нас одел', d-il-kaŋ-s 'он вас одел', il-di-s 'одень меня', il-daŋ-s 'одень нас', d-il-a-s 'он оделся', d-il-aŋ-s 'они оделись', но d-o-l-s 'он его одел', d-idu-l-s 'он ее одел', d-oŋo-l-s 'он их одел', a-l-s 'одень его', i-l-s 'одень ее', aŋa-l-s 'одень их'; d-il-ku-bak 'он тебя тянул', но d-b-il-bak 'он это тянул'.

Коттский:

Об. — Прев.
 М — $\frac{b-}{b'}$ — V_{тем} — прет.-имп. — рефл. — R — плюр. — Суб.

— где значения М, b, Прев., прет.-имп., R, плюр. и Суб. те же, что в кетско-югском, а Об. — показатели одушевленного объекта, b' — показатель объекта вещного класса, V_{тем} — тематический гласный, рефл. — рефлексивные показатели.

Отметим, что модификаторы (о которых см. выше) исторически представляют собой, несомненно, отдельные слова (ср. выше замечание об особенностях их фиксации), и следующие за ними грамматические морфемы, соответственно, исторически являются не инфиксами, а префиксами.

Схемы отражают ряд необщепринятых интерпретаций (например, в кетском показатели одного из аффиксальных рядов трактуются как маркеры косвенного объекта, а элементы *a* и *o*, традиционно считающиеся показателями времени, объединены в особую морфему, рассматриваемую как маркер основы); все необходимые разъяснения см. ниже в соответствующих разделах.

Данные схемы являются «максимальными»; конкретные структуры могут характеризоваться отсутствием тех или иных элементов (нужно также отметить, что существуют «взаимоисключающие» морфемы, т. е. такие, которые не могут сочетаться друг с другом в пределах одной словоформы, например, по крайней мере на синхронном уровне, превербы и актантные показатели вещного класса в коттском).

2. ПРАЕНИСЕЙСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА

2.1.1. Система морфологической маркировки актантов в кетско-югском

В целом придерживаясь концепций, изложенных в [Буторин 1995] и [Решетников — Старостин 1995], мы различаем в кетско-югском три актанта, выражаемых средствами глагольной морфологии³. Эти актанты мы будем условно нотировать как субъект, прямой объект и косвенный объект (ср. соответственно агенс, пациенс и фактитив в [Буторин 1995] и агентив, объектив и датив в [Решетников — Старостин 1995 и Старостин Г. 1995]).

³ В работах других авторов для системы кетского спряжения был предложен ряд совершенно иных формальных и семантических интерпретаций — см. [Шаббаев 1984; Белимов 1986; Валл — Канакин 1988; Валл — Канакин 1990; Werner 1994] и др. В данной работе мы, однако, не будем производить соответствующего критического разбора — такой разбор отчасти уже был представлен в [Решетников — Старостин 1995]; кроме того, мы намерены еще раз предпринять его в планируемой нами монографии по сравнительно-исторической морфологии енисейских языков.

Под косвенным объектом мы будем понимать актанта, не являющийся ни непосредственным производителем или каузатором действия, ни претерпевающим и характеризующийся как реципиент действия в широком смысле (ср. определение актанта, обозначенного как фактитив, в [Буторин 1995] на стр. 9). Без введения такого (или подобного) семантического аппарата формализованное описание системы глагольной маркировки актантов в кетском языке, с нашей точки зрения, невозможно.

Подчеркнем, что данные значения, находящиеся в одно-однозначном соответствии с единицами плана выражения, относятся к уровню поверхностной, а не глубинной семантики и могут иметь различные корреляты на глубинно-семантическом уровне — так, субъекту может соответствовать как агенс, так и пациент, а косвенному объекту — адресат и комитатив, но также и прямые участники (агенс и пациент)⁴.

Кроме оппозиции собственно актантных значений, оказывается необходимым постулировать еще одну, более специфическую оппозицию, характеризующую объект. Речь идет о разграничении объекта, референция которого отлична от референции субъекта, и объекта, референциально тождественного субъекту. Мы будем, таким образом, различать кореферентный и некорреферентный субъекту прямой и косвенный объект; для кореферентного прямого объекта будет использоваться также термин «рефлексив» (см. также [Буторин 1995: 9—14; Решетников — Старостин 1995: 42]). Соответственно, нужно выделить особую категорию соотношения референций субъекта и объекта. Нужно отметить, что некорреферентнообъектные формы далеко не

⁴ Именно в целях эксплицитного выражения поверхностного характера введенной нами «триады» значений (которое становится особенно важным в свете попыток описания кетского как «ролевого» языка, лишенного поверхностно-семантического аппарата — см. [Валл — Канакин 1988; Валл — Канакин 1990]) в данной работе не будут использоваться применявшиеся в [Решетников — Старостин 1995] термины Ч. Филлмора, которыми последний обозначал глубинные, а не поверхностные актаны.

во всех случаях противопоставляются соответствующим кореферентнообъектным. Аналогичным образом существует большое количество глаголов, допускающих только кореферентнообъектное спряжение. Подчеркнем, что при формализованном описании мы не можем проводить принципиальных различий между кореферентнообъектными формами, имеющими некореферентнообъектные пары, и аналогичными формами, не имеющими таких пар (о другом подходе см. [Валл — Канакин 1990: 39]). Следует также иметь в виду, что среди глаголов, оформляющихся по кореферентнообъектному типу, есть такие, которые на глубинном уровне являются одноактантными (ср. замечание С. С. Буторина о характере кетского рефлексива [Буторин 1995: 14]: автор отмечает, что «рефлексивный показатель является многозначным и обладает широким кругом производных и сопряженных значений», ввиду чего рефлексивное спряжение «используется в кетском для образования не только собственно рефлексивов (рефлексивных глаголов), но и формальных рефлексивов (квазирефлексивов)»).

Для маркировки каждого из трех актантов используется особый ряд показателей-мегаморфов, выражающих, кроме значений категории актанта, также значения категорий лица, класса и числа (исключение составляет субъект, у которого р1. маркируется с помощью особого форманта, дистанцированного от формантов лица — класса).

Значения категории соотношения референций выражаются в рядах косвенного и прямого объекта: в обоих различается два подряда, в одном из которых маркируется некореферентный, а в другом — кореферентный объект (далее мы будем обозначать эти подряды соответственно как некореферентный и кореферентный; кореферентно-прямообъектный ряд можно обозначить также как рефлексивный). Кореферентный и некореферентный подряды обоих рядов различаются по материальному составу только в 3-м лице; в 1-м и 2-м лицах кореферентность выражается путем совмещения в словоформе субъектного и

прямо- или косвеннообъектного показателей одного и того же лица и числа.

В ряде случаев значения или сочетания значений одних актантных категорий имплицитно нейтрализуют (на формальном уровне) оппозиций между всеми или некоторыми значениями других актантных категорий: 1-е и 2-е лица индифферентны по отношению к классу, в pl. нейтрализуются м. кл. и ж. кл., а у субъекта и объекта в вещ. кл. не различается число; специфические нейтрализации имеют место также в кореферентных подрядах объектных рядов — в прямообъектном ряду в sg. здесь нейтрализуются классные оппозиции, а в косвеннообъектном в 3-м лице — классные и числовые.

Позиция показателей указанных рядов в словоформе строго фиксирована; локализация каждого ряда отлична от локализации других рядов (в соответствии с чем возможно наличие показателей всех трех рядов в одной словоформе).

Ниже описываются соответствующие ряды показателей.

Субъектный ряд

1-е л. di/d

2-е л. ku/k

3-е л. sg. м. кл. du/d

ж. кл. də

pl. du/d

вещ. кл. b

Все субъектные показатели, кроме показателя субъекта вещного класса b, имеют особый морфологический статус, представляя собой разновидность клитик; об этом, а также о распределении вариантов типа ku/k см. в Приложении 4.

Множественное число субъекта маркируется специальным суффиксом $-(i)n/\eta$; в случае наличия в словоформе показателей кореферентного субъекту прямого объекта этот суффикс может

опускаться. При субъекте вещного класса множественное число выражается, по-видимому, лишь в единичных парадигмах — окончательная формулировка здесь возможна только после дополнительной проверки материала.

В формах императива субъектные показатели элиминируются.

В глаголах, не содержащих преверба и модификатора и при этом являющихся атематическими (о различении тематических и атематических глаголов в кетско-югском см. в 4.1.1.) перед показателем *b* налицо (по-видимому, всегда акцентируемый) элемент *bim-*, исчезающий в претерите, е. г. *bim-b-i-qol* ‘это заживет (о ране)’, *b-in-qol* ‘это зажило (о ране)’. Причины закреплённости этого элемента только за одним видом основы неясны. Что касается его исчезновения в претерите, то здесь причины, по-видимому, историко-фонетические: есть основания предполагать обусловленную безударной позицией редукцию типа **bim-b-in-qol* (>**bm-b-in-qol*) > *b-in-qol*; историческая интерпретация *bim-* как результата удвоения показателя *b* (е. г., у Г. К. Вернера [Werner 1994: 135]) ошибочна: этот элемент, по-видимому, этимологически связан с местоимением *bin* ‘сам’ (-*m-* < -*n-* по ассимиляции с последующим *b-*) — см. [Решетников — Старостин 1995: 47—48].

В ряде глаголов наблюдается особая конструкция, характеризующаяся наличием в субъектном ряду только показателя вещного субъекта, но не каких-либо других. Эта конструкция возможна только в тех глаголах, которые аффигируют показатели косвенного объекта (о которых см. ниже), е. г., *ba-k-a-b-de* ‘я слышу’ (= ‘мне это слышится’), *ba-ti-b-git* ‘я чую’ (= ‘мне это пахнет’). В ряде случаев *b* в подобной конструкции не имеет референта, е. г. *bo-k-b-un* ‘я поскользнулся’, *bo-k-a-b-itn* ‘я выбегу’; формально, однако, данная конструкция во всех случаях является вещносубъектной. Заметим, что рассмотренный феномен следует, по-видимому, отличать от той ситуации, когда появление каких-либо показателей, кроме вещносубъектного, невозможно исключительно по причинам семантического (а не формального) характера (е. г., *bim-b-a* ‘это пройдет (о времени)’).

Необходимо сделать оговорку по поводу показателя субъекта вещного класса.

Посмотрим, к примеру, на следующие кетские парадигмы:

a)

di-t-a-qot 'я лежу'	d-t-o-l-qot 'я лежал'
ku-t-a-qot 'ты лежишь'	k-t-o-l-qot 'ты лежал'
du-t-a-qot 'он лежит'	d-t-o-l-qot 'он лежал'
də-t-a-qot 'она лежит'	də-t-o-l-qot 'она лежала'
di-t-a-dam-in 'мы лежим'	d-t-o-l-dam-in 'мы лежали'
ku-t-a-dam-in 'вы лежите'	k-t-o-l-dam-in 'вы лежали'
du-t-a-dam-in 'они лежат'	d-t-o-l-dam-in 'они лежали'
t-a-b-qot 'это лежит'	t-o-b-il-qot 'это лежало'
t-a-b-dam-in	t-o-b-il-dam-in
'эти (предметы) лежат'	'эти (предметы) лежали'
t-a-l-lot 'лежи'	t-a-dam-in/t-a-l-lot-n 'лежите'

b)

d-k-a-d-taŋ 'он меня втащит'	d-k-o-n-di-taŋ 'он меня втащил'
d-k-a-ku-taŋ	d-k-o-n-ku-taŋ
'он тебя втащит'	'он тебя втащил'
d-k-a-j-taŋ 'он его втащит'	d-k-o-n-taŋ 'он его втащил'
d-k-i-j-taŋ 'он её втащит'	d-k-idu-n-taŋ 'он её втащил'
d-k-a-daŋ-taŋ 'он нас втащит'	d-k-o-n-daŋ-taŋ 'он нас втащил'
d-k-a-kaŋ-taŋ 'он вас втащит'	d-k-o-n-kaŋ-taŋ 'он вас втащил'
d-k-aŋa-taŋ 'он их втащит'	d-k-oŋo-n-taŋ 'он их втащил'
d-k-a-b-taŋ 'он это втащит'	d-k-o-b-il-taŋ 'он это втащил'

k-a-n-di-taŋ 'втащи меня'
k-a-n-taŋ 'втащи его'
k-i-n-taŋ 'втащи её'
k-a-n-daŋ-taŋ 'втащи нас'
k-aŋa-n-taŋ 'втащи их'
k-a-taŋ 'втащи это'

с)

d-t-a-d-daq 'я упаду'	d-t-o-l-d-daq 'я упал'
k-t-a-ku-daq 'ты упадешь'	k-t-o-l-ku-daq 'ты упал'
d-t-a-ja-daq 'он упадет'	d-t-o-l-a-daq 'он упал'
də-t-a-ja-daq 'она упадет'	də-t-o-l-a-daq 'она упала'
d-t-a-daŋ-da-q-ŋ 'мы упадем'	d-t-o-l-daŋ-da-q-ŋ 'мы упали'
k-t-a-kaŋ-da-q-ŋ 'вы упадете'	k-t-o-l-kaŋ-da-q-ŋ 'вы упали'
d-t-a-jaŋ-da-q-ŋ 'они упадут'	d-t-o-l-aŋ-da-q-ŋ 'они упали'
t-a-b-a-da-q-ŋ	t-o-b-l-a-da-q-ŋ
'эти (предметы) упадут'	'эти (предметы) упали'
t-a-l-ku-daq 'упади'	t-a-l-kaŋ-da-q-ŋ 'упадите'

Сравнивая парадигмы а) и с) с парадигмой б), где представлены показатели прямого объекта (о которых см. ниже), мы видим, что показатели субъекта и прямого объекта вещ. кл. материально совпадают — оба они экспонируются фонемой *b*. Можно, далее, заметить, что позиция показателя вещного субъекта не совпадает с позицией других субъектных показателей; сравнивая парадигмы а) и б), можно сказать, что его позиция совпадает с позицией показателей прямого объекта. На основании этого можно было бы вообще не выделять показатель субъекта вещного класса и считать, что в вещных формах парадигм типа а) и с) имеет место маркировка не субъекта, а прямого объекта, постулируя, таким образом, невозможность субъектного маркирования неодушевленных участников и объясняя ее инактивностью последних. Такое решение представлялось нам адекватным ранее — см. [Решетников — Старостин 1995: 45—47], где для описания форм с показателем *b*, маркирующим субъект вещного класса, введен термин «квазиобъектив». Ныне автор настоящей работы склонен, однако, отказаться от этого решения ввиду одного обстоятельства, не учтенного ранее.

Обращаясь к вещным формам парадигм типа с), мы видим, что *b* в этих формах сочетается с показателем *a*, имеющим в нашем описании статус возвратно-объектного (см. ниже описание

показателей прямого объекта), и, следовательно, сам не может быть объектным; поскольку *a* является показателем объекта, кореферентного субъекту, и, таким образом, может появляться только в субъектных формах, логично считать, что *b* здесь как раз и является показателем субъекта. Можно было бы считать *a* не показателем объекта, кореферентного субъекту, а лишь показателем кореферентности объекта субъекту. В этом случае интерпретация *b* как объектного показателя стала бы возможной; наличие кореферентности, однако, все равно предполагало бы субъектный характер подобных форм, и ввиду этого нам не осталось бы ничего другого, кроме как постулировать в них особый нулевой маркер вещного субъекта, не встречающийся ни в каких других формах, что было бы довольно некрасивым *ad hoc*-овым решением. Следовательно, даже интерпретируя *b* как объектный показатель в парадигмах типа *a*), мы все равно вынуждены будем постулировать субъектный *b* для парадигм типа *c*) (вопреки [Решетников — Старостин 1995]). Поэтому мы будем рассматривать показатель *b* как объектный только в парадигмах, подобных парадигме *b*), а для того *b*, который фигурирует в парадигмах типа *a*) и *c*), постулируем субъектное значение.

Таким образом, в систему вводится одно исключение из правила, согласно которому показатели, маркирующие один и тот же актант, занимают одну и ту же позицию.

Необходимо, однако, заметить следующее. Учитывая парадигмы типа *c*), мы можем сказать, что позиция субъектного *b*, не совпадая с позицией других субъектных показателей, не является и объектной, так как в указанных парадигмах *b* располагается перед объектным показателем *a* (ситуация здесь, правда, осложняется тем, что существуют прямообъектные показатели, позиция которых не совпадает с позицией *a* — см. 1.6.).

Отметим, что решение, представленное выше (то есть введение субъектного показателя вещного класса наряду с объектным), типологически более приемлемо, чем трактовка, принятая в [Решетников — Старостин 1995], согласно которой «квазиобъ-

ективный» *b* в парадигмах типа *a*) не противопоставляется субъектным показателям в пределах одного ряда, а составляет особый объектный ряд с другим «квазиобъективным» показателем, появляющимся во всех одушевленно-субъектных формах подобных парадигм (наряду с субъектными показателями) в той же «объектной» позиции, что и *b*, и имеющим не вполне ясную семантику (в глаголе 'лежать', приведенным выше в качестве примера, этот элемент представлен нулевым морфом; о теперешней интерпретации данной морфемы см. в 3.1.1.), в результате чего парадигмы типа *a*) оказываются «полуторорядными» (так как объектный ряд у них считается заполненным во всех формах, а субъектный — только в формах одушевленного субъекта) и характеризуются «заменой» субъекта на объект в вещно-субъектных формах (находящей особое семантическое объяснение — см. выше). Такая трактовка была продиктована пафосом следования формальным (позиционным и парадигматическим) характеристикам морфем при их семантической интерпретации, «перевесившим» желательность построения более нормальной системы (при этом было упущено из виду, что предпосылки к ее созданию обнаруживаются как раз в области формальных характеристик — см. выше анализ парадигм типа *c*)).

Косвеннообъектный ряд имеет следующий состав:

1-я разновидность	2-я разновидность
<i>Некорреферентный погряг</i>	<i>Некорреферентный погряг</i>
1-е л. sg. <i>ba</i>	1-е л. sg. <i>bo</i>
pl. <i>dəŋ/daŋ</i>	pl. <i>dəŋ/daŋ</i>
2-е л. sg. <i>ku</i>	2-е л. sg. <i>ku</i>
pl. <i>kəŋ/kaŋ</i>	pl. <i>kəŋ/kaŋ</i>
3-е л. sg. м. кл. <i>a</i>	3-е л. sg. м. кл. <i>o</i>
ж. кл. <i>i/∅</i>	ж. кл. <i>u/∅</i>
pl. <i>aŋ</i>	pl. <i>oŋ</i>
вещ. кл. <i>∅</i> , спорад. <i>i</i>	вещ. кл. <i>∅</i> , <i>u</i>

<i>Кореферентный погряг</i>	<i>Кореферентный погряг</i>
1-е л. sg. ba	1-е л. sg. bo
pl. dəŋ/daŋ	pl. dəŋ/daŋ
2-е л. sg. ku	2-е л. sg. ku
pl. kəŋ/kaŋ	pl. kəŋ/kaŋ
3-е л. bu	3-е л. bu

Различие между разновидностями (в традиционной нотации обозначаемыми соответственно как ряды *ba/a* и *ba/bu* и ряды *bo/o* и *bo/bu*) сводится, как видно из таблицы, к различию между огласовками в показателе 1-го л. sg. и некорреферентных показателях 3-го л. м. и ж. классов. Нетрудно заметить, что в первой разновидности налицо иллабиальные огласовки (*i* в показателе sg. ж. кл. и *a* в других), а во второй — лабиальные (*u* в показателе sg. ж. кл. и *o* в других); в соответствии с этим в дальнейшем мы будем использовать для этих разновидностей обозначения «иллабиальная» и «лабиальная».

Распределение между иллабиальной и лабиальной огласовками является (на синхронном уровне) лексическим.

∅ в показателе женского класса имплицитно безударной позицией (исторически, несомненно, мы имеем здесь дело с обусловленными отсутствием акцента редукцией и выпадением *i* и *u*, т. е., е. г., *d-ej-∅-t-a-b-it* 'он ее не тронет' < **d-ej-i-t-a-b-it*, ср. *d-ej-a-t-a-b-it* 'он его не тронет', *d-es-∅-k-uj* 'он ее позовет' < **d-es-u-k-uj*, ср. *d-es-o-k-uj* 'он его позовет' и т. п.).

Показатели косвенного объекта характеризуются специфическим контекстуальным ограничением: существует весьма редко нарушаемое правило, согласно которому они могут встречаться только в сочетании с превербами. При этом для иллабиальной разновидности возможно сочетание с любыми превербами, а для лабиальной — только с превербом *k* (фонетически реализуемым в виде *k/γ/∅* — см. 1.4.). Никакой синхронной мотивации этих закономерностей, по-видимому, не существует, однако причины их появления несколько проясняются при диахроническом анализе (см. 5.).

Состав прямообъектного ряда можно отразить в следующей таблице:

<i>Некорреферентный подряд</i>	<i>Корреферентный подряд</i>
1-е л. sg. d(i)	1-е л. sg. d(i)
pl. daŋ	pl. daŋ
2-е л. sg. ku	2-е л. sg. ku
pl. kaŋ	pl. kaŋ
3-е л. sg. м. кл. aʃ/a/o	3-е л. вещ. кл., sg. одуш. кл.
ж. кл. ij/i/∅/idu/id/did	ja/sa/a
pl. aŋa/oŋo/aŋ/oŋ/aŋ(i)s	pl. одуш. кл. jaŋ/saŋ/aŋ
вещ. кл. b	

О распределении морфонологических вариантов показателей 3-го л. (aʃ/a/o и т. п.) см. в Приложении 4.

Показатель вещного класса b регулярно опускается в формах императива, е. g. du-b-daŋ 'он это мнет' и d-b-il-daŋ 'он это мял', но i-daŋ 'мни это'; не исключена трактовка его отсутствия в этих формах как нулевой репрезентации.

В дальнейшем объектный b мы будем обозначать как b', чтобы он не путался с аналогичным субъектным показателем (не прибегая к штриховой нотации только при записи конкретных форм).

Помимо «полноценных» корреферентно-прямообъектных (рефлексивных) глаголов оказывается необходимым выделить также особый класс глаголов с «дефектным» рефлексивным спряжением, которое характеризуется наличием рефлексивных показателей только в формах pl., е. g. di-daŋ-qut(-n) 'мы шаманим', ku-kaŋ-qut(-n) 'вы шаманите', du-jaŋ-qut(-n) 'они шаманят', но di-j-qut 'я шаманю', ku-j-qut 'ты шаманишь', du-j-qut 'он шаманит'. Такое спряжение мы будем в дальнейшем называть «полурефлексивным».

Существует также особый «дефектный» тип выстраивания некорреферентно-объектного подряда, характеризующийся наличием только показателя вещного объекта b'. В отличие от «де-

фектного» рефлексивного типа, данный тип обычно фигурирует при определенных формальных условиях, а именно при наличии показателей косвенного объекта (ср. выше ситуацию с неполным выстраиванием субъектного ряда), е. g. d-ba-ki-b-daɣ 'он в меня выстрелит', d-ən-a-t-a-b-do 'он его тычет', d-o-k-b-i-taɲ 'он его обвенчает' etc. Нужно отметить, что в подобных конструкциях b', как правило, не имеет референта, т. е. является как бы «пустой» морфемой. Формально, однако, такие конструкции являются прямообъектными.

2.1.2. Система морфологической маркировки актантов в коттском.

В коттском различается всего два актанта, находящихся регулярное выражение на уровне глагольной морфологии, а именно субъект и объект. Категория объекта, однако, не является однородной, т. к. помимо показателей, которые могут быть определены как маркеры «обычного» объекта, т. е. лица или предмета, отличного от субъекта и выражающегося также на синтаксическом уровне именем или местоимением, выделяются особые показатели, маркирующие объект, референциально тождественный субъекту, т. е. рефлексивные — ср. ситуацию в кетско-югском (см. [Старостин Г. 1995: 125; 129—130]).

Кроме собственно актантных значений, актантные показатели маркируют также лицо, число и — в 3-м л. — класс (мужской, женский и, в нашем описании, вещный) соответствующих актантов (исключение составляют рефлексивные показатели, не маркирующие класс).

Несмотря на неполноту записей, оказывается возможным получить более или менее полную информацию о соответствующих парадигматических рядах, хотя есть и отдельные неясности (попытка устранить которые будет предпринята в данном разделе). Сегментный состав этих рядов может быть предварительно представлен в следующем виде:

Субъект	Объект	
	<i>Нерефлексив</i>	<i>Рефлексив</i>
1-е л. sg. aŋ	1-е л. sg. aŋ/eŋ	1-е — 2-е л. sg. i
pl. toŋ	pl. oŋ	pl. oŋ
2-е л. sg. u	2-е л. sg. u	3-е л. sg. d'a/a
pl. oŋ	pl. oŋ	pl. d'aŋ/aŋ
3-е л. sg. м. кл., pl. ∅ вещ. кл. b	3-е л. sg. м. кл. a pl. одуш. кл. aŋ	

В [Старостин Г. 1995] наличие в субъектном ряду показателя вещного класса *b* не постулируется — этот показатель рассматривается только как объектный. Однако мы — по аналогии с кетско-югским — все же будем описывать показатель *b* в случаях типа *b-a-ri* ‘это поспеет’ как субъектный (обоснование наличия субъектного показателя в аналогичных кетско-югских конструкциях см. выше); о коттском объектном *b* см. ниже. При последующем носовом *b > m* (*m-a-n-a-ri* ‘это поспело’).

Помимо приведенных рефлексивных показателей, существовал также, по-видимому, особый возвратный показатель *a*, позиция которого совпадала с позицией нерефлексивных показателей.

Множественное число субъекта плеонастически маркируется с помощью суффикса (a)n.

В дальнейшем, исключительно из соображений краткости, мы будем нотировать вышеприведенные нерефлексивный и рефлексивный объектные ряды как объектный и рефлексивный соответственно.

Распределение aŋ и eŋ в 1-м л. sg. объекта не совсем ясно (прежде всего из-за недостатка данных), однако несомненен его фонетический характер (можно заметить, что вариант eŋ встречается после *š* и *j*, а также при *e* в предшествующем слове — см. примеры, приводимые ниже; очевидно, eŋ вторично из aŋ).

Что касается вариантов aŋ и ŋ в показателе 1-го л. sg. субъектного ряда, то здесь записи опять-таки отражают дополнительное распределение по фонетическим контекстам: появление ва-

рианта η имплицитруется позицией после k , тогда как $a\eta$ налицо во всех других позициях; пометы М. А. Кастрена наряду с единичными записями свидетельствуют о том, что $a\eta$ могло появляться и после k , т. е. η на самом деле был, по-видимому, позиционно обусловленным свободным вариантом $a\eta$. Представляется вероятным, что $\eta < *a\eta$ в результате редукции (см. [Старостин Г. 1995: 125]).

Варианты $d'a$ и $d'a\eta$ в рефлексивных показателях 3-го л. выступают в формах настоящего-будущего времени, а варианты a и $a\eta$ — в формах прошедшего времени (мы рассматриваем последовательности с d' и без него как морфонологические варианты и, соответственно, не выделяем d' в качестве самостоятельного элемента, чтобы избежать постулирования морфемы с трудноопределимой семантикой), е. г., $d'\bar{a}-gei$ 'он родится', $d'\bar{a}\eta-ei$ 'они родятся', $a-n-\bar{a}-gei$ 'он родился', $a-n-\bar{a}\eta-ei$ 'они родились'. В трех случаях (глаголы 'оставаться', 'приносить' и 'уносить') вариант без d' фигурирует и в настояще-будущем времени: $thi:-a-gaj$ 'он останется', $p\bar{e}t-\bar{e}-ta$ (< $p\bar{e}t-\bar{a}-ta$) 'он принесет', $p\bar{e}t-\bar{e}\eta-ai$ (< $p\bar{e}t-\bar{a}\eta-tai$) 'они принесут', $p\bar{e}t-\bar{e}-ga$ (< $p\bar{e}t-\bar{a}-ga$) 'он унесет', $p\bar{e}t-\bar{e}\eta-a$ (< $p\bar{e}t-\bar{a}\eta-ga$) 'они унесут' ($\bar{e} < \bar{a}$ здесь, по-видимому, под влиянием e предшествующего слога); можно заметить, что в этих глаголах рефлексивным показателям предшествует преверб (в первом случае) или модификатор (в двух других случаях), тогда как во всех остальных глаголах рефлексивные показатели находятся в начале словоформы.

Позиция всех показателей в словоформе строго фиксирована. Объектные и рефлексивные показатели располагаются в препозиции к ядру, а субъектные показатели — в постпозиции к нему (исключение составляет показатель вещного субъекта b , располагающийся перед ядром). Как объектные, так и рефлексивные показатели располагаются в постпозиции к модификатору; при наличии в основе преверба объектные показатели регулярно занимают позицию перед ним, а рефлексивные — после него (ср. выше факторы, определяющие репрезентацию рефлексивных показателей 3-го л.). См. также 1.6.

В отношении показателя субъекта вещного класса наблюдаются нетривиальные дистрибуционные ограничения — в частности, он не встречается в глаголах о/а-типа (см. 4.1.2.), а также в превербных глаголах.

Анализ записей позволяет прийти к выводу, что объектные показатели относились к иному классу морфем, нежели субъектные и рефлексивные.

Наряду с единичными записями, отражающими объектные показатели как морфемы, открывающие префиксальную цепочку (е. г. *u-d'-ō-thi-aŋ* 'я тебя стегаю'), встречаются также случаи записи объектных показателей отдельно от словоформы, е. г. *a d'-ā-j-aŋ* 'я его выгоню'.

Имеется также несколько записей, в которых объектный показатель объединен в одно слово с предшествующим глагольной словоформе местоимением, е. г. *aj-a ā-thi-aŋ* 'я его бью'.

В большинстве тех случаев, когда объектному показателю предшествует модификатор, записанный как самостоятельное слово, объектный показатель записывается как составляющий одно слово с модификатором, а не с остальной частью словоформы, е. г. *ar-ū th-a-ša-ra-j-aŋ* 'я тебя обманываю' (хотя встречаются и единичные обратные случаи).

После объектных показателей налицо анлаутная, а не инлаутная репрезентация согласных (например, в *u-d'-ō-thi-aŋ* 'я тебя стегаю', где за объектным показателем *u* следует *d'*, развивающийся из **j* и ряда других фонем (вероятно, через стадию **j*) только в анлауте, а в инлауте вообще отсутствующий — см. [Старостин 1982: 175—176, 177—178]).

Все эти факты, по-видимому, говорят о том, что рассматриваемые показатели не имели аффиксального статуса. Есть поэтому основания полагать, что они имели клитический статус. Показательно их объединение то с последующим, то с предшествующим словом, свидетельствующее, по-видимому, о том, что они могли выступать как в качестве проклитик, так и в качестве энклитик (ср. поведение кетских субъектных показателей — см.

Приложение 4). Заметим, что записи, которые бы отражали последовательность типа «местоимение + объектный показатель» с объектным показателем, примыкающим к глаголу, а не к местоимению (т. е. записи типа ***aj ad'ājaŋ*) отсутствуют. Это может свидетельствовать о том, что принятие объектным показателем проклитического статуса было возможно только в том случае, если ему не предшествовало местоимение.

Не выходя за рамки материала, представленного в [Castrén 1858], мы должны были бы констатировать, что в коттском помимо субъектных, субъектно-объектных и объектных глаголов существовали также глаголы, лишённые каких-либо актантных показателей, т. е. безличные или, точнее, «безактантные». Действительно, записи М. А. Кастрена как будто бы отражают по крайней мере три таких глагола:

‘ночевать’: *haśāgal* (презенс-футурум), *halaśāgal* (претерит), *halśāgal* (императив)

‘понимать’: *hušti* (презенс-футурум), *hūleti* (претерит)

‘слышать’: *hōti* (презенс-футурум), *hōlati* (претерит)

Ответить на вопрос, каким образом семантика этих глаголов коррелирует с безличным характером действия, крайне затруднительно. Между тем, учет данных, не попавших в [Castrén 1858], позволяет предполагать, что приведенные записи не отражают реальной картины.

В одной из неопубликованных частей кастреновского манускрипта парадигма глагола ‘ночевать’ выглядит следующим образом:

ajeŋ haśāgal ‘я ночую’
u haśāgal ‘ты ночуешь’
ujōa haśāgal ‘он ночует’
ajōŋŋ haśāgal ‘мы ночуем’
auŋŋŋ haśāgal ‘вы ночуете’
unīaŋŋ haśāgal ‘они ночуют’

Здесь уже налицо объектные показатели, примыкающие, однако, не к глагольной словоформе, а к предшествующему местоимению (aj-eŋ < aj-aŋ, uĵō-a etc.) — ср. наблюдения относительно объектных показателей, сделанные выше.

Представляется очевидным, что запись, не отражающая наличия объектных показателей (hačāgal etc.) является неполной: в ней просто оказались незафиксированными последовательности типа «местоимение + клитический объектный показатель» (в фонетическом отношении представлявшие собой, по всей видимости, отдельное слово). Таким образом, мы можем утверждать, что безличность глагола 'ночевать' фиктивна, и что в действительности он является объектным⁵. Имеются все основания считать, что такова же ситуация и с двумя другими безличными глаголами, т. е. на самом деле речь должна идти о последовательностях типа aj-eŋ hušti (< aj-aŋ hūšti) 'я понимаю', uĵō-a hušti 'он понимает', aj-eŋ hōti 'я слышу', uĵō-a hōti 'он слышит' и т. п. (полные записи для этих глаголов отсутствуют, вероятно, лишь по случайности)⁶. Следовательно, необходимость постулировать для коттского особый класс безличных глаголов отпадает.

С другой стороны, в представленный выше инвентарь морфем, служащих для маркировки субъекта и объекта, нужно, по-видимому, внести ряд дополнений.

⁵ В ряде случаев объектные показатели в коттском (как и в кетско-югском) выступают в одноактантных глаголах, т. е. в глаголах, для которых ожидалось бы субъектное спряжение, е. г. ēn-eŋ-a-i-še 'я забуду', en-oŋ-a-i-še 'мы забудем', ular-aŋ-a-i 'я хочу пить', ular-oŋ-a-i 'мы хотим пить', that-eŋ-ā-ta 'я переплыву', that-oŋ-ā-ta 'мы переплывем'; сюда же, по-видимому, относится глагол, представленный формой ŋ-a-i-teaŋ 'я хочу': ŋ- здесь, скорее всего, < aŋ в результате редукции.

⁶ Ср. аналогичную ситуацию в кетских и югских записях А. П. Дульзона, где незафиксированным иногда оказывается клитический показатель субъекта женского класса də (записываемый А. П. Дульзоном как дь): е. г., наряду с кет. бу дь илдебок 'она меня тянула' мы находим также кет. илгобок в значении 'она тебя тянула' и кет. олобок в значении 'она его тянула', хотя совершенно очевидно, что на самом деле имеют место формы də ilgobok и də olobok, при отражении которых не записан də [Дульзон 1968: 175].

Можно предполагать, что Ø в 3-м л. субъекта выступал не только в sg. м. кл. и pl., но и в sg. ж. кл. Случаи перевода форм с нулем в субъектном ряду как относящихся к субъекту женского класса отсутствуют, однако засвидетельствованы предложения ega aš-č-ai, 'солнце взойдет', ega aš-n-ai 'солнце взошло' и ega thēgin 'солнце зайдет', где формы с нулем в субъектном ряду согласуются со словом ega 'солнце', для которого как будто бы установлена принадлежность к женскому классу (см. [Werner 1994, 29]).

Показатель sg. ж. кл. в объектном ряду не засвидетельствован; его существование, однако, можно предполагать на основании системных соображений и сравнения с кетско-югским.

В одной парадигме в качестве рефлексивного показателя 1-го — 2-го л. pl. выступает, как и в sg., i, a не oŋ, e. g. th-i-gaj-en-toŋ 'мы останемся' (ср. th-i-gaj-aŋ 'я останусь', thī-a-gaj 'он останется').

Зафиксированы многочисленные транзитивные формы, в которых отсутствуют показатели объекта, e. g. hačīraŋ 'я закрою', āthiaŋ 'я бью', ašrō'īcaŋ 'я подниму'. Эти формы до сих пор трактовались как формально безобъектные (интранзитивные). Основываясь на такой трактовке, Г. К. Вернер считает, что транзитивный глагол в коттском имел два типа спряжения — объектный и безобъектный, второй из которых употреблялся в случае отсутствия в описываемой ситуации объекта (см., e. g., [Werner 1994: 19], где указанная особенность приписывается не только коттскому, но и вообще всем енисейским языкам, что в любом случае совершенно не оправдано — ср. отсутствие безобъектного спряжения у объектных глаголов в кетско-югском), а Г. С. Старостинным глаголы, представленные рассматриваемыми формами, выделяются в особый класс «переходных с невыраженным объектом» [Старостин Г. 1995: 126]. На самом деле ситуация с этими формами далеко не так проста, как может показаться.

Учитывая случай с «безличными» глаголами (см. выше), мы должны иметь в виду, что отсутствие объектного показателя в записи может иметь причиной его незафиксированность (обу-

словенную его фонетическим «отходом» к предшествующему местоимению), а не его реальное отсутствие: записи типа thānaŋ ‘вижу’ могут отражать последовательности типа aŋ-a thāŋ-aŋ ‘я его вижу’ (отсутствие указания на маркировку объекта в русских и шведских переводах при этом нерелевантно постольку, поскольку в рукописях М. А. Кастрена имеется много случаев безобъектного перевода объектных форм, т. е. налицо записи hama’athākŋ ‘люблю’, oga’āceaŋ ‘убью’, aŋā d’ājaŋ ‘выгоню’ etc., тогда как при анализе коттских форм однозначно устанавливается, что они содержат показатель 3-го л. sg. м. кл. объекта *a* и, таким образом, означают ‘я его люблю’, ‘я его выгоню’ etc.). Единственный класс случаев, в котором отсутствие объектного показателя в записи можно с уверенностью рассматривать как свидетельство его реального отсутствия, составляют те формы, для которых зафиксировано наличие в основе модификатора. Поскольку модификатор всегда выступает как непосредственный левый контекст объектного показателя (см. выше о позиционных характеристиках субъектно-объектных показателей), в сложных глаголах последний не может иметь в качестве непосредственного левого контекста местоимение и фонетически объединяться с ним: е. г., запись hatakthākŋ ‘грею’ (где hatak — модификатор) не может отражать последовательность с объектным показателем, так как при наличии объектного показателя (например, *a*) последний располагался бы после модификатора hatak, т. е. имела бы место форма *hatagathākŋ, которая не могла бы быть записана иначе⁷.

Из сказанного следует, что анализ форм с нулем на месте объектного показателя (в ходе дальнейшего разбора вместо по-

⁷ Таким образом, мы можем предполагать, что в сложных глаголах нефиксация объектных показателей была исключена, тогда как в простых глаголах они фиксировались далеко не всегда. Если это действительно так, то становится понятной причина странной закономерности, отмеченной в [Старостин Г. 1995: 126], согласно которой вышеприведенные объектные показатели встречаются преимущественно в сложных глаголах.

следнего определения будет использоваться условный термин «нулевая форма») должен производиться только на материале сложных глаголов.

Чтобы проинтерпретировать нулевые формы, необходимо решить два вопроса. Это, во-первых, вопрос о парадигматической принадлежности этих форм, во-вторых — вопрос об их семантике.

Поскольку в одном случае для нулевой формы засвидетельствовано вхождение в одну парадигму с формами, содержащими показатели вышеприведенного объектного ряда (aš-th-ā-ta-j-aŋ 'я ударю' — ср. aš-ā-th-ā-ta-j-aŋ 'я его ударю', aš-en-th-ā-ta 'он меня ударит' etc.), можно предполагать, что и все остальные нулевые формы характеризовались принадлежностью к аналогичным субъектно-объектным парадигмам; отсутствие объектных пар у этих форм обусловлено, вероятно, неполнотой записи (такое предположение оправдано прежде всего потому, что неполная фиксация субъектно-объектных парадигм типична для записей М. А. Кастрена — так, очень многие парадигмы представлены только формами 3-го л. sg. м. кл. объекта).

Что касается вопроса о семантике нулевых форм, то при фронтальном анализе выясняется, что все глаголы, представленные этими формами, семантически допускают неодушевленный объект. Количество зафиксированных нулевых форм (около полусотни), как нам кажется, достаточно для того, чтобы не считать этот факт случайностью. Исходя из этого, можно предполагать, что нулевые формы на самом деле были не безобъектными, а вещнообъектными, т. е. содержали нулевой маркер объекта класса вещей.

Против предположения о том, что нулевые формы все же являлись безобъектными, а их отсутствие среди форм глаголов, семантически не допускающих вещного объекта, случайно, можно привести еще один аргумент. Многие глаголы представлены в записях одушевленнообъектными формами (чаще всего формами 3-го л. sg. м. кл. объекта), переведенными как безобъектные

(см. выше). Представляется крайне маловероятным, что данные некорректные переводы отражают неполный перевод собственных высказываний информантами; эти переводы, скорее всего, отражают русские высказывания, предлагавшиеся М. А. Кастреном для перевода на коттский, т. е. высказывания, переводами которых являются коттские формы, не содержали указания на объект. Следовательно, при наличии у нулевых форм безобъектной семантики в данном случае должны были бы фигурировать именно они, и их регулярная «замена» другими формами указывает на отсутствие у них такой семантики.

Отсутствие указания на объект в кастреновских переводах вещнообъектных форм (т. е. тот факт, что налицо переводы типа 'закрою', а не 'это закрою') нерелевантно — по-видимому, здесь имеет место та же ситуация, что и с безобъектными переводами одушевленнообъектных форм (см. предыдущий абзац). Можно отметить, что у глаголов, семантически допускающих вещный объект (даже в том случае, если они допускают также и одушевленный объект), как правило, налицо результат перевода русских безобъектных конструкций именно вещнообъектными формами, а появление одушевленнообъектных форм в качестве переводов таких конструкций отражено в основном только тогда, когда вещный объект недопустим (одушевленнообъектные формы при допустимости вещного объекта налицо лишь в единичных случаях), т. е., по-видимому, при переводе русских безобъектных конструкций в качестве «стандартных» выступали вещнообъектные формы как семантически менее маркированные.

Мы, следовательно, можем дополнить вышеприведенный объектный ряд вещнообъектным показателем \emptyset . Этот вывод хорошо согласуется с внешними данными — ср. нулевой показатель вещного класса в одном из кетско-югских объектных рядов (см. 2.1.1.).

Таким образом, анализ коттских транзитивных форм, не содержащих показателей одушевленного объекта, показывает, что наличие этих форм не может служить основанием для утвер-

ждений о спорадичности выражения объекта в коттской глагольной словоформе (вопреки [Старостин Г. 1995: 126]).

Выделяется также класс транзитивных глаголов, отличительной чертой которых является префиксация форманта *b* (в одном случае, в позиции после глухого согласного, он представлен в виде *p* и в двух случаях в виде *m* при последующем носовом), элиминирующегося в императиве, е. г.:

b-a-šer-aŋ 'я скоблю' *b-a-l-a-šer-aŋ* 'я скобил' *a-l-šer* 'скобли';
b-a-čer-aŋ 'я тру' *b-a-l-a-čer-aŋ* 'я тер' *a-l-čer* 'три';
b-a-ra-j-aŋ 'я делаю' *b-a-l-a-ra-j-aŋ* 'я делал' *a-l-a* 'делай';
b-a-ru-j-aŋ 'я тяну' *b-u-i-ru-j-aŋ* 'я тянул' *i-g(-)i* 'тяги';
b-a-ruk-ŋ 'я найду', *m-ā-m-ruk-ŋ* 'я нашел';
šikŋ-b-a-če-aŋ 'я топчу', *šikŋ-b-a-l-a-če-aŋ* 'я топтал', *šikŋ-a-l-čex* 'топчи';
at-p-āk-ŋ 'я вылью' *at-p-i-ak-ŋ* 'я вылил' *at-i-ax* 'вылей'.

В отношении форм типа вышеприведенных возникают те же вопросы, что и в отношении разобранных выше форм с нулем на месте объектного показателя, т. е. каким другим формам они противопоставлялись внутри парадигмы (и противопоставлялись ли вообще) и какую семантику они имели.

В данном случае целесообразно начать со второго вопроса (подчеркнем, что такой вопрос существует, так как приводимые Кастреном переводы подобных форм, не отражающие никакой маркировки объекта, ничего не говорят о семантике *b*). Можно заметить, что все глаголы, представленные формами с *(-)(b)-*, семантически допускают вещный объект (вот полный перечень их значений: 'скоблить', 'тереть', 'делать', 'тянуть', 'находить', 'сосать', 'топтать', 'вылить', 'трясти', 'дуть', 'раскалывать', 'держать', 'искать', 'ждать', 'молоть', 'класть', 'толочь'). Кроме того, показатель *b*, элиминирующийся в императиве, представляет собой явную параллель обладающему аналогичным свойством кетско-югскому показателю вещного объекта *b*, наблюдающемуся в прямо-объектном ряду (см. 2.1.1.). Таким образом, у нас имеются все основания интерпретировать формы с *(-)(b)-* как вещнообъект-

ные (то обстоятельство, что маркировка объекта не отражена в переводе, нерелевантно — см. выше). Ср. аналогичную интерпретацию в [Вернер 1990a] и [Старостин Г. 1995].

Предполагаемая вещнообъектная семантика форм с (-)b- в принципе имплицитно подразумевает парадигматическое противопоставление этих форм одушевленнообъектным. Реально, однако, ни для одной из этих форм не зафиксированы одушевленнообъектные соответствия. Тем не менее, мы можем предполагать, что эти соответствия все же существовали, а их отсутствие в записях объясняется их незафиксированностью. Такое предположение корректно прежде всего потому, что в кетских и югских записях М. А. Кастрена все субъектно-объектные глаголы, имеющие (т. е., собственно, семантически допускающие) вещнообъектные формы, представлены только этими формами и никакими другими: так, из всей парадигмы кетского субъектно-объектного глагола 'тянуть', имеющего, наряду с вещнообъектными формами, также полный набор одушевленнообъектных форм (du-a-bək 'он его найдет', du-bək 'он ее найдет', du-d-bək 'он меня найдет' etc.) у М. А. Кастрена находим только вещнообъектные формы с показателем b' (записи dibbaḱ, dibenbaḱ, iḱaḱ) и т. п.; ср. также наличие в кетских материалах только одного примера на противопоставление одушевленнообъектным формам форм с нулевым показателем вещного объекта (см. выше).

Таким образом, есть основания утверждать, что в кетском помимо объектного ряда, состоявшего из приводимых выше одушевленнообъектных показателей и нулевого показателя вещного объекта, существовал еще один ряд объектных показателей (ср. наличие двух объектных рядов в кетско-югском). В качестве показателя объекта вещного класса в этом ряду выступал маркер b, тогда как соответствующие показатели одушевленного объекта нам неизвестны ввиду их незафиксированности.

Вещнообъектный маркер b мы в дальнейшем будем нотируют как b', чтобы дифференцировать его от показателя вещного субъекта, о котором см. выше (при записи конкретных форм

штриховая нотация использоваться, естественно, не будет). Специальную нотацию представляется целесообразным ввести также для каждого из выделенных объектных рядов: следуя существующей в енисейситике традиции обозначения аффиксальных рядов по показателям 1-го и 3-го л., далее мы будем обозначать первый как ряд $a\eta/a/\emptyset$, а второй — как ряд $?'/b'$.

Что касается дистрибуции двух объектных рядов, то пока отметим лишь, что b' , в отличие от показателей ряда $a\eta/a/\emptyset$, не встречается в глаголах o/a -типа, а также в превербных глаголах; подробнее см. в 6.

Заметим, что в пользу интерпретации нуля и b в разобранных выше формах как показателей вещного объекта говорит еще одно обстоятельство. Для коттского имени с достаточной степенью надежности установлена аналогичная кетско-югской система грамматических классов, в которой выделяются мужской класс, женский класс и особый класс неодушевленных (вещных) имен [Werner 1994, 20—31, 55—60]. Если учесть, что коттское объектное спряжение располагало специальными показателями для мужского и, по-видимому, женского классов (см. выше), то естественно предположить, что имелись также специальные средства для маркировки вещного объекта (заметим, что если отвести роль показателя вещного объекта только форманту b /как это сделано в [Вернер 1990а]/, то встает вопрос о том, каким образом выражался вещный объект в субъектно-объектных глаголах, имевших формы с нулем на месте объектного показателя; возможное предположение о том, что эти глаголы принимали маркер b , абсолютно недоказуемо).

2.2.1. Реконструкция праенисейских показателей субъекта

Это едва ли не единственный случай в сравнительно-исторической морфологии енисейских языков, в котором аринские и пумпокольские данные существенным образом влияют на реконструкцию.

Об аринских и пумпокольских субъектных показателях можно судить по немногочисленным формам, качество записи которых зачастую весьма низко; тем не менее, возможность сравнения с кетско-югскими и коттскими данными обеспечивает здесь достаточную степень надежности.

Для аринского устанавливаются показатели 1-го л. sg. aŋ (по записям æšip'-aŋ 'плачу', sójake-aŋ 'смеюсь', reŋául'-oŋ / < reŋaul-aŋ / 'вижу'; ср. также запись kojarel-ä 'даю', где kojarel-ä, скорее всего, отражает форму kojarel-aŋ — в источнике, где найдена эта запись, встречается отсутствие нотации ŋ в длинных словах⁸) и de (едва ли не единственная форма, в которой зафиксирован данный показатель — esende 'плачу'), показатель 2-го л. sg. ku ~ u (засвидетельствованы формы ахун-ку 'ты стоишь' / перевод 'стоит', приводимый наряду со 'стоишь', скорее всего, ошибочен/, а также iträkuj-u и ulkob-u, переведенные соответственно как 'режу' и 'продаю', но в действительности относящиеся, скорее всего, ко 2-му л. /указанные переводы являются, по-видимому, результатом ситуации «тыблока»/ — ср., помимо ар. ku и кет.-юг. ku, котт. u), показатели 3-го л. sg. t'u и ta (по формам b'at'ān-t'u и b'athian-ta в выражении es b'at'ān-t'u/es b'athian-ta «гремит гром», собственно 'бог гремит': es = es 'небо, бог', -t'ān-/ -thian- = котт. theŋ 'греметь'), а также показатель мн. ч. taŋ/t'āŋ (по записям aiŋ æt'aŋ-taŋ 'мы стоим', aŋ ахоген-t'āŋ 'вы стоите', itaŋ æt'aŋ-taŋ 'они стоят').

В пумпокольском устанавливаются показатели 1-го л. sg. di (по записи amut-buŋjaŋal-di 'не вижу'), а также показатели 3-го л. sg. du и da (по формам xittióŋ-du и xitioŋ-da в выражении eš-xittióŋ-du/ešxitioŋ-da 'гремит гром', собственно 'бог бьет' — см. [Старостин 1995: 291]; ср. также формы čiin-du и jaiči-du, переведенные соответственно как 'плачу' и 'смеюсь', но в действительности являющиеся, по-видимому, формами 3-го л.).

⁸ Этим источником является рукописный аринский словарь в фолианте «Известие о Красноярске и живущих тамо народах на вопросы г. Татищева 1735 и 1738 годов».

В отношении аринских показателей 3-го л. sg. t'u и ta и аналогичных пумпокольских показателей du и da можно предполагать, что это были показатели соответственно мужского и женского класса — ср. кет.-юг. субъектные показатели du и də (см. 2.1.1.); причины употребления при слове 'бог' (в выражении со значением 'гремит гром') обоих показателей (причем как в аринском, так и в пумпокольском!) не совсем ясны.

Картину соответствий по языкам здесь можно, таким образом, отразить в следующей таблице:

	кетско-югский	коттский	аринский	пумпокольский
1-е л. sg.	*di	aŋ	aŋ, de	di
pl.	*di	toŋ	taŋ	
2-е л. sg.	*ku	u	ku/u	
pl.	*ku	oŋ	t'aŋ	
3-е л. sg. м. кл.	*du	∅	t'u	du
ж. кл.	də	∅	ta	da
pl.	*du	∅	taŋ	
вещ. кл.	b	b		

О реконструкции кет.-юг. показателей см. Приложение 4.

Реконструкция соответствующего праенисейского ряда выглядит так:

1-е л. sg. *di	pl. *dVŋ
2-е л. sg. */k/u	pl. */k/Vŋ
3-е л. sg. м. кл. *du	pl. */d/Vŋ
ж. кл. *də	вещ. кл. *w

Реконструкция показателя вещного субъекта *w (а не *b) основана на том, что его коттскими рефлексами в анлаутной позиции являются b и (при последующем носовом) m — *b отразился бы в коттском анлауте в виде p — см. [Старостин 1982, 146—147]; ср. аналогично [Старостин Г. 1995: 150].

Не выходя за пределы глагольной системы, затруднительно однозначно проинтерпретировать наличие велярного в показателях 2-го л. в кетско-югском при отсутствии его в коттском (а также колебание *ku* ~ *u* в аринском); возможность такой интерпретации мы получаем только при сравнении системы актантных показателей с местоименной системой (см. 8.1.). Данные кетско-югского и коттского, как легко видеть, не позволяют сказать ничего определенного о том, как выглядел праенисейский показатель 3-го л. *pl*. (в обоих языках соответствующие показатели имеют, по-видимому, вторичное происхождение, см. ниже); реконструкция **/d/Vŋ* основана на аринском *taŋ*, а также на системных соображениях.

Опишем изменения, предположительно произошедшие в языках-потомках.

В кетско-югском произошло вытеснение старых показателей *pl*. показателями *sg.*, причем для 3-го лица *pl*. стал использоваться старый показатель м. кл. Такая нейтрализация числовых различий в субъектных показателях стала возможной в связи с наличием суффиксальной маркировки *pl*. субъекта (см. 2.1.1.).

В коттском старый субъектный показатель 1-го л. *sg.* **di* оказался вытесненным в результате распространения объектного показателя (см. 2.1.2., 2.2.2.). Кроме того, коттский утратил старые показатели 3-го л. одушевленного класса **du*, **də* и **/d/Vŋ*. Предпосылкой к исчезновению маркирующих мужской и женский класс показателей ед. ч. **du* и **də* стала, возможно, плеонастичность этих показателей в тех конструкциях, где субъект выражался местоимением — в коттском, в отличие от кетско-югского, в приглагольных местоимениях 3-го л. ед. ч. осуществлялась маркировка не только числа, но и класса одушевленного субъекта (об этом свидетельствуют некоторые из неопубликованных записей М. А. Кастрена, е. г. котт. *uĵō a d'āx* 'он его выгонит', где *uĵō* — указательное местоимение 3-го л. *sg.* м. кл., по-видимому, в личной функции).

В аринском в 1-м л. sg. имело место преобразование, аналогичное произошедшему в коттском (т. е. вытеснение старого субъектного показателя соответствующим объектным), однако, судя по записи *esende*, сохранился и старый показатель **dī*; учитывая, что некоторые специфические коттско-аринские сходения (в частности, в правилах развития праенисейских фонем) позволяют высказать гипотезу о наличии коттско-аринской генетической общности внутри енисейской семьи (ср. [Старостин 1982: 182]), можно предполагать, что одинаковая судьба старого субъектного показателя 1-го л. sg. в коттском и аринском не является результатом параллельного развития, отражая инновацию пракоптско-аринского уровня. Наличие в засвидетельствованных аринских формах мн. ч. показателя *t(ʼ)añ* во всех трех лицах не совсем ясно: если в 1-м л. появление *añ* нормально согласуется с внешними данными (ср. в 1-м л. pl. *toñ* в коттском и *dəñ* в кетско-югском), а в 3-м праенисейский показатель **dVñ*, на который указывает *añ*, вполне вписывается в праенисейскую систему (*d*- здесь может быть связан с аналогичным элементом в показателях 3-го л. sg.— см. их реконструкцию), то во 2-м л. объяснить такой показатель затруднительно (аналогия с формами других лиц? дефектная форма вследствие недостаточной языковой компетентности информанта в условиях вымирания языка?). Заметим, что различие в записи аринских показателей 1-го и 3-го л. pl. с одной стороны и 2-го л. pl. с другой (*tañ* vs. *tʼañ*) едва ли стоит интерпретировать как релевантное — нерегулярно отмечаемая палатализация неясного происхождения весьма характерна для аринского (см. [Старостин 1982: 179]); даже если предположить, что показатель 2-го л. действительно как-то отличался от показателей 1-го и 3-го л., то его все равно вряд ли можно связывать с кетско-югским *kañ/kəñ* и коттским *oñ*.

Засвидетельствованные пумпокольские показатели полностью выводятся из восстанавливаемых праенисейских.

Если принять представленную реконструкцию, то нужно будет сказать, что праенисейские субъектные показатели были

почти полностью тождественны тем показателям, которые использовались для образования предикативных форм имени и наречия (см. Приложение 2).

Для праенисейских показателей одушевленного субъекта (т. е. для всех субъектных показателей, кроме показателя субъекта вещного класса) можно предполагать клитический статус на основании кетско-югских данных (см. 2.1.1., а также Приложение 4); суффиксальный характер коттских показателей, явствующий из интервокальной рефлексии предшествующих им корневых согласных, должен, соответственно, рассматриваться как вторичный⁹.

Судя прежде всего по кетско-югскому, субъектные показатели элиминировались в формах императива (см. также [Старостин Г. 1995: 166]).

Особого внимания заслуживает вопрос о позиционных характеристиках показателей одушевленного субъекта, то есть — если учесть постулированный выше клитический характер этих морфем — вопрос о том, были ли они проклитиками или энклитиками. Во всех языках, кроме кетско-югского, т. е. как в коттском, так и в аринском и пумпокольском, налицо постпозиция соответствующих формантов (немногочисленные аринские и пумпокльские примеры см. выше). В кетско-югском субъектные показатели, как известно, занимают, напротив, крайнюю левую позицию в словоформе — см. порядковую схему в 1.6., а также Приложение 4. Следует, однако, отметить, что, насколько можно судить по ряду свидетельств, в некоторых югских идиолектах показатели субъекта располагались в конце, а не в начале словоформы. В [Дульзон 1968: 350] приводятся формы 2-го и 3-го л. sg.

⁹ Возможно, что клитический характер субъектных показателей сохранялся в ассанском — ср. асс. *jatuk* в значении 'я стою', 'ты стоишь' и 'он стоит' (при *jatukanton* 'мы стоим', *jatukannon* 'вы стоите') у Г. Ф. Миллера, где отсутствие субъектных показателей (ожидались бы формы типа *jatukaŋ* 'я стою', *jatuku* 'ты стоишь') может быть обусловлено их клитичностью (ср. ситуацию с коттскими объектными показателями — см. 2.1.2.).

югского глагола 'ходить', выглядящие соответственно как ч'айгъгу? и ч'айгъду? (при том, что обычно югские записи А. П. Дульзона свидетельствуют о препозиции субъектных показателей), а Г. К. Вернер сообщает, что одна из его югских информанток (повидимому, регулярно) образовывала, в отличие от остальных югских носителей, формы с постпозицией субъектных показателей (е. г., sij-di 'я ем', sij-ku 'ты ешь', sij-du 'он ест' etc.). Совокупность данных позволяет предполагать следующее. В ПЕ субъектные показатели характеризовались постпозицией. В кетско-югском они перешли в препозицию; данный переход, вероятно, произошел еще до распада пракетско-югского (о чем говорит тот факт, что препозиция не только налицо в кетском, но и доминирует в югском), однако при этом имело место частичное (вероятно, диалектное) сохранение старой структуры, остатки которой мы и находим в единичных югских свидетельствах.

Восстанавливается также особый суффикс, плеонастически маркировавший *pl.* субъекта. Он, по всей видимости, имел вид *-Vn*, как можно предполагать на основании кетско-югского *(i)n* и коттского *(a)n* (кет.-юг. вариант *-ŋ*, вероятно, вторичен).

В [Старостин Г. 1995] предложена иная реконструкция праенисейских показателей субъекта (речь идет только об одушевленносубъектных показателях, так как наличие в субъектном ряду показателя вещного класса Г. С. Старостиным не постулируется) — см. указанную работу, 148—150, 153—154, 158—159. Автор высказывает предположение, что субъектный ряд был в общем тождествен объектному (о реконструкции которого см. в 2.2.2.) и считает, что эту ситуацию сохранил коттский (и отчасти аринский). Такой вывод основан, фактически, только на том, что в качестве субъектного показателя 1-го л. *sg.* в коттском и аринском фигурирует *-aŋ*, идентичное коттскому рефлексу соответствующего праенисейского объектного показателя (см. 2.2.2.). Кетско-югские субъектные показатели предлагается считать возникшими в результате вытеснения старых субъектных показателей морфемами, использовавшимися для предикативизации

имени и наречия — предикативными суффиксами или, как предпочитаем говорить мы, предикативизаторами, которые распространились из соответствующих парадигм; такая гипотеза становится возможной ввиду близости сегментного состава предикативизаторов и глагольных показателей субъекта в кетско-югском (см. 2.1.1. и Приложение 2). Наличие в аринском и пумпокольском показателей 1-го и 3-го л. ед. числа, соответствующих кетско-югским (см. выше таблицу соответствий субъектных показателей), трактуется как результат «экспансии» предикативизаторов, аналогичной той, которая предполагается для кетско-югского. Постулируемое тождество праенисейского субъектного ряда объектному, который, как справедливо говорит автор, восходит к косвенным (притяжательным) формам местоимений (о соотношении местоимений с глагольными показателями см. в 8.1.), объясняется былым наличием в ПЕ посессивного строя. Дать однозначную оценку этой гипотезе трудно. С одной стороны, ее невозможно опровергнуть. С другой стороны, она не кажется нам более оправданной, нежели предложенная нами (см. выше). Реконструкция строится на коттском и аринском, тогда как показатели, совпадающие в кетско-югском, аринском и пумпокольском, считаются вторичными, причем в коттском реальной предпосылкой для восстановления праенисейского субъектного ряда как тождественного объектному служит не весь субъектный ряд, а только показатель 1-го л. sg. -aŋ (находящий соответствие в аринском) — об остальных показателях коттского субъектного ряда нельзя сказать, что они однозначно имплицитно такую реконструкцию. Иными словами, в ситуации, когда можно постулировать вторичность либо для одного (!) коттско-аринского показателя, либо для трех показателей, совпадающих в кетско-югском, пумпокольском и аринском, выбирается второе. Подобные нетривиальные решения бывают оправданы в том случае, когда реконструкции, получаемые в результате их принятия, могут быть оценены как более приемлемые и правдоподобные с точки зрения системы и типологии, не-

жели реконструкции, имплицитные альтернативными гипотезами. В данном случае, однако, получаемая реконструкция как бы отражает посессивный тип спряжения (представляющий собой относительно редкий феномен), причем он сочетается с выражением объекта в пределах глагольной словоформы, производимым к тому же с помощью показателей, тождественных субъектным-посессивным (тогда как согласно нашей реконструкции в ПЕ имели место совершенно обычные субъектные показатели, восходящие к прямым формам местоимений — см. 8.1.). Эта система будет выглядеть менее экзотично, если, учитывая клитический характер объектных показателей и их местоименное происхождение (см. ниже), рассматривать праенисейское объектное спряжение как позднее образование и считать, что оно возникло только тогда, когда посессивный характер субъектного спряжения в ПЕ уже перестал быть синхронным фактом. Однако она, как нам кажется, не имеет никаких специфических преимуществ перед той системой, которая имплицитно предлагается выше альтернативной реконструкцией. Что касается особых аргументов, которые автор приводит в целях обоснования своей гипотезы, то приходится признать, что ни один из них не является неоспоримым. Автор считает, что в том случае, если признать кетско-югские показатели архаичными, придется объяснять коттский субъектный ряд как результат перестройки по аналогии с объектным, что было бы неубедительным из-за неполного совпадения этих рядов; с другой стороны, вторичное происхождение субъектных показателей из предикативизаторов в кетско-югском, по мнению автора, неопровержимо доказывается частичным совпадением соответствующих рядов. Что касается последнего утверждения, то очевидно, что здесь нет никакого неопровержимого доказательства, а лишь возможность для гипотезы (которой может быть противопоставлена альтернативная гипотеза об исконной скоррелированности субъектных показателей с предикативизаторами — см. выше). Кроме того, непонятно, почему, считая неполноту совпадения двух ря-

дов аргументом против гипотезы о построении одного из них по аналогии с другим (см. выше о высказанном автором возражении против того, чтобы считать коттский субъектный ряд перестроенным по аналогии с объектным), автор игнорирует этот аргумент в случае кетско-югских субъектного и предикативизаторного рядов — ведь они совпадают не полностью. Главное, однако, заключается не в этих соображениях, а в том, что, возводя кетско-югский субъектный ряд к ПЕ, мы вовсе не оказываемся перед необходимостью считать инновацией весь субъектный ряд в коттском — все показатели этого ряда, кроме показателя 1-го л. sg. -аṅ, могут считаться соответствиями кетско-югских субъектных показателей с ничуть не меньшим успехом, нежели рефлексам праенисейского ряда, тождественного объектному (что же касается показателя коттского 1-го л. sg., то он как раз совпадает с соответствующим объектным и может быть объяснен как возникший по аналогии с ним — ср. выше наше описание предполагаемых изменений ПЕ субъектного ряда по языкам). Автор полагает, далее, что в пользу вторичности кетско-югских субъектных показателей свидетельствует их клитический характер — в случае их исконного происхождения они должны были бы слиться со словоформой. Нельзя, однако, не отметить, что считать клитичность тех или иных морфем доказательством их отсутствия в праязыке у нас нет никаких оснований — ср. хотя бы клитический характер коттских объектных показателей, исконность которых не подлежит сомнению (см. ниже). Приводится также то соображение, что сама по себе идея формирования субъектных показателей на основе объектных в коттском выглядит гораздо более странно, нежели идея о формировании субъектных показателей на базе предикативизаторов, являющихся по существу субъектными. Помимо того, что в коттском речь идет на самом деле об аналогической замене только одного показателя (см. выше), на это можно возразить, что сама по себе идея совпадения субъектного ряда с объектным в ПЕ выглядит гораздо более странно, нежели гипотеза о

близости праенисейских субъектных показателей к имеющим аналогичную субъектную функцию предикативизаторам (ср. выше системные соображения относительно обсуждаемых реконструкций). Наконец, отмечаемое автором частичное совпадение коттского субъектного ряда с аринским в потивовес кетско-югскому (сводящееся к общности показателя 1-го л. sg. -aŋ) не может рассматриваться как сильный аргумент в пользу архаичности коттско-аринского варианта ввиду возможности общей пра-коттско-аринской инновации (ср. выше описание развития по языкам), тогда как схождения между кетско-югским, пумпокольским и аринским, явно не составляющими (в отличие от коттского и аринского) одной подгруппы, как раз выглядят релевантными.

2.2.2. Реконструкция праенисейских показателей объекта. Предварительный этап

Ситуация с объектными показателями несколько сложнее, так как здесь мы, по-видимому, имеем дело с рефлексацией не одного, а двух парадигматических рядов. Кетско-югские показатели, интерпретируемые в нашем описании как косвеннообъектные, соответствуют, по всей видимости, коттским объектным показателям ряда, обозначенного нами как ряд aŋ/a/∅ — ср. материал и интерпретации, приводимые в [Вернер 1982: 196] и [Старостин 1995: 149] (в данных работах, однако, в этот же ряд соответствий включаются и коттские субъектные показатели, с чем мы не согласны — см. 2.2.1.). Приведем здесь таблицу соответствий:

	кет.		котт.
	иллабиальная разновидность	лабиальная разновидность	
1-е л. sg.	ba	bo	aŋ
pl.		dəŋ/daŋ	oŋ
2-е л. sg.		ku	u
pl.		kəŋ/kaŋ	oŋ

	кет.		котт.
	иллабиальная разновидность	лабиальная разновидность	
3-е л. sg. м. кл.	a	o	a
ж. кл.	i	u	
pl.	aŋ	oŋ	aŋ
вещ. кл.	∅, спорад. i	∅, u	∅

Коттский возвратный показатель *a* не обнаруживает соответствий в кетско-югском; происхождение его неясно.

Кореферентный подряд в кетско-югском ряду, очевидно, представляет собой инновацию; естественна гипотеза о том, что показатель *bu*, с помощью которого маркируется кореферентный субъекту косвенный объект в 3-м л., восходит к личному местоимению 3-го л. *bu*.

В качестве праенисейского источника вышеприведенных рядов нами восстанавливается следующий ряд:

1-е л. sg.	*aŋ/*ba
pl.	*ʒVŋ
2-е л. sg.	*/k/u
pl.	*/k/Vŋ
3-е л. sg. м. кл.	*a
ж. кл.	*/i/
pl.	*aŋ
вещ. кл.	*∅

Варианты *aŋ и *ba в показателе 1-го л. sg. восходят, по-видимому, к одному и тому же показателю: *ba < *ma < *ŋa в результате аналутной деназализации. Предположение о такой деназализации становится возможным ввиду отсутствия в ПЕ аналутных носовых сонантов и подтверждается внешними данными (см. [Старостин 1982: 228—229; Старостин 1995: 176]). Г. К. Вернером [Вернер 1982: 197] предложено альтернативное объясне-

ние соответствия коттского аҗ кетскому ба/во: по его мнению, эти показатели этимологически не связаны, причем архаичным является кетский вариант, а коттское аҗ происходит из старого эксклюзивного местоимения 1-го л. рl. (тогда как коттский показатель 1-го л. рl. восходит к старому инклюзивному местоимению). Данная гипотеза не кажется нам обоснованной прежде всего потому, что в енисейских языках отсутствуют какие-либо следы оппозиции эксклюзива и инклюзива.

Соответствие показателей 1-го л. рl., на первый взгляд, объяснить довольно трудно: в качестве соответствия кетско-югскому даҗ/даҗ в коттском ожидалось бы тоҗ — ср. соответствие в субъектном ряду. Сразу же возникает две слабых гипотезы: либо коттская ситуация исконна, и в кетско-югском перед нами результат распространения старого *Vҗ по аналогии с соответствующим показателем субъектного ряда (впоследствии замененным на di, см. 2.2.1.), либо, напротив, в коттском произошло выравнивание по аналогии с объектным показателем 2-го л. рl. Предпочтительным, однако, кажется совсем другое объяснение. Начальным согласным в соответствующем праенисейском показателе был *z (такая реконструкция подтверждается при сравнении с местоименной системой, см. 8.1.), закономерно давший кетско-югский d и коттский j (см. [Старостин 1982: 175—176]), впоследствии однако утраченный. Причиной утраты j в коттском могло быть специфическое ослабление артикуляции в клитике (о клитичности коттских объектных показателей см. в 2.1.2.).

Во 2-м л. мы видим картину, уже знакомую нам по субъектному ряду, а именно наличие велярного в кетско-югском и отсутствие его в коттском. Возможность однозначной интерпретации, как и в случае с субъектными показателями, мы получаем только при сравнении с результатами местоименной реконструкции (см. 8.1.).

Наиболее сложным вопросом, связанным с реконструкцией данного праенисейского ряда, является вопрос об исторических причинах наличия двух вариантов огласовки — иллабиального и

лабиального — в кетско-югском косвеннообъектном ряду. Мы считаем это явление инновацией, интерпретируя лабиальную разновидность как результат вторичной лабиализации исконных *a и *i и, соответственно, восстанавливая в ПЕ *a для показателей 1-го л. sg. и 3-го л. sg. м. кл. и pl. и *i для показателя 3-го л. sg. ж. кл. (подробное обоснование такого решения см. в 5.)¹⁰.

На основании коттских данных (см. 2.1.2.) для рассматриваемого ряда можно восстановить клитический статус (соответственно, для кетско-югского нужно предполагать вторичное слияние соответствующих показателей со словоформой).

Данный праенисейский ряд мы обозначим как ряд *aŋ/*a/*∅.

Некорреферентному подряду кетско-югского прямообъектного ряда (см. 2.1.1.) соответствует коттский объектный ряд ?/b' (см. 2.1.2.). Это устанавливается по соответствию кетско-югского вещнообъектного показателя b' аналогичной коттской морфеме, исходя из которого можно реконструировать праенисейский вещнообъектный показатель *w (основания для реконструкции глайда те же, что и в случае с аналогичным субъектным показателем — см. 2.2.1.).

Этот показатель претерпевал, по-видимому, элиминацию в формах императива (ср. такую элиминацию у обоих его рефлексов).

Данный показатель мы будем обозначать как *w', чтобы отличить его от субъектного *w (см. 2.2.1.). Что касается показателей одушевленного объекта в соответствующем праенисейском ряду, то здесь реконструкция на основе прямого сравнения невозможна, так как не засвидетельствованы коттские рефлексы (подчеркнем еще раз, что, учитывая специфику фиксации субъектно-объектных парадигм М. А. Кастреном, мы не можем рассматривать незасвидетельствованность в его записях противопоставленных формам с b' одушевленнообъектных форм как до-

¹⁰ Аналогичная реконструкция предложена в [Старостин Г. 1995: 149], хотя вопрос о происхождении лабиальной разновидности в этой работе не рассматривается.

казательство отсутствия последних — см. 2.1.2.). Праенисейский ряд, рефлексам которого являются кетско-югский некоррелятивно-прямообъектный ряд и коттский ряд $*/b'$, можно, соответственно, обозначить как $*?/*w'$.

Оценивая результаты, представленные выше, можно сказать, что при реконструкции праенисейских объектных показателей мы сталкиваемся с двумя серьезными проблемами. Во-первых, неясен полный состав одного из двух рядов. Во-вторых, остается непонятным, какова была дистрибуция этих рядов и существовало ли функциональное различие между ними (а если существовало, то в чем оно заключалось); заметим, что при решении второго вопроса было бы рискованно полагаться на семантическое различие, которое представляется целесообразным постулировать для соответствующих кетско-югских рядов — не только потому, что мы ничего не можем сказать о соответствии этому различию в коттском, но и потому, что утверждение о присутствии этого различия в значительной степени является условностью синхронного описания и в принципе может быть опровергнуто. Попытку решения обеих проблем мы предпримем несколько ниже (см. 6.).

3. РЕКОНСТРУКЦИЯ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

3.1.1. В нескольких классах кетско-югских парадигм выделяется особый формант, появляющийся только в презенсе-футуре, всегда занимающий позицию непосредственно перед ядром и репрезентующийся морфами j , s или \emptyset . В рамках стандартной грамматики его статус трудноопределим, так как, являясь словоизменительной морфемой с четкими формальными характеристиками (к их числу относятся как парадигматическое противопоставление актантным показателям, так и парадигматическое противопоставление маркерам времени и наклонения),

он не обнаруживает никакой эксплицитной семантики. Существование данной морфемы в традиционных кетологических работах вообще не постулируется — элемент *s* обычно трактуется как показатель времени (Е. А. Крейнович, Г. К. Вернер — см., е. г.: [Крейнович1968: 14] и [Werner 1994: 88]), а *j* либо считается «интерфиксом» (Е. А. Крейнович), либо игнорируется вовсе. В данной работе мы рассматриваем этот формант как особую единицу «второго порядка», не соотносящуюся ни с какими граммемами, и, таким образом, приписываем ему статус «пустой» морфемы; далее вместо обозначения «пустая морфема» будет использоваться сокращение ПМ. Мы не настаиваем на том, что такая трактовка является единственно правильной — например, вероятно, разумно будет считать, что в тех парадигмах, где появляется рассматриваемый элемент, он плеонастически маркирует презенс-футурум, для выражения которого в других парадигмах достаточно отсутствия маркеров претерита-императива (см. отмеченную только что традиционную трактовку морфа *s*) — ср. сходную ситуацию плеонастической маркировки в случае аблатных тематических гласных (см. 4.1.1. и 4.1.2.), хотя можно также интерпретировать его отсутствие в претерите и императиве как нулевую репрезентацию и приписывать ему, по крайней мере условно, статус актантного маркера, исходя из его противопоставления показателям объекта и — в нашем описании — также субъекта (ср. [Решетников — Старостин 1995: 48—52]; в этой работе, однако, данный формант интерпретируется как показатель непереходности, от чего на нынешнем этапе исследования мы безусловно должны отказаться ввиду наличия этого форманта в транзитивных формах, е. г. кет. *d-ha-s-do* ‘он это разрубает’, ср. *d-ha-d(-)a-j-do* ‘он его разрубает’, *d-a-j-dop* ‘он это заткнет’ /ср. каң *d-a-j-dop* ‘я дыру (в чуме) заткну’/, где *s* и *j* репрезентуют ПМ). Как бы то ни было, вопрос о синхронном семантическом статусе этой морфемы явно нетривиален; с другой стороны, (окончательное) решение этого вопроса не является непременным условием для анализа ее формальных характеристик, а ме-

жду тем в данном случае именно такой анализ является задачей первостепенной важности как с точки зрения синхронного описания, так и в свете диахронии.

ПМ занимает позицию непосредственно после преверба или модификатора либо — в случае отсутствия таковых — непосредственно после показателя субъекта, а в тематических глаголах, т. е. в глаголах с маркером основы а/о (о противопоставлении в кетско-югском тематических и атематических глаголов и тематическом гласном а/о см. в 4.1.1.) — после тематического гласного а/о в аблаутной ступени *a* (которой этот гласный бывает регулярно представлен в формах презенса-футурума); в качестве правого контекста ПМ на синхронном уровне всегда выступает глагольный корень (ядро).

ПМ имеет весьма нетривиальную дистрибуцию, которая в настоящее время определяется нами как морфологическая. Ниже следует ее описание в том виде, в каком ее сейчас удастся установить по имеющимся у нас материалам.

Появление ПМ возможно только том случае, если в словоформе отсутствуют маркер вещного субъекта *b* < ПЕ **w* (см. 2.1.1., 2.2.1.), а также показатели прямого объекта, т. е. показатели рядов, отражающих праенисейские рефлексивный ряд и ряд **?*/**w'* (см. 2.1.1., Приложение 1 и 2.2.2.).

Если эти условия выполняются, то действуют следующие правила.

Если форма противопоставлена в пределах парадигмы формам с показателем вещного субъекта *b* или же если она противопоставляется кореферентно-прямообъектным (рефлексивным) формам мн. ч. (являясь, таким образом, формой ед. числа в «полурефлексивной» парадигме — см. 2.1.1.), то ПМ в ней появляется всегда независимо ни от каких других факторов, е. г. (здесь и далее *j*, *s* и \emptyset в приводимых примерах репрезентуют ПМ): *du-j-oŋ* ‘он опускает’ (*bim-b-oŋ* ‘это опускает’); *d-ki-s-doŋ* ‘он стоит’ (*ki-b-doŋ* ‘это стоит’); *du- \emptyset -təl* ‘он мерзнет’ (*bim-b-i-təl* ‘это замерзает/остывает’); *d-a-j-oj* ‘он линяет’, *d-o-l-oj* ‘он вылинял’

(a-b-oj 'это линяет', o-b-l-oj 'это вылиняло'); du-H-a-Ø-daŋ 'он пристаёт', d-H-o-n-daŋ 'он приставал' (H-a-b-daŋ 'это приклеится', H-o-b-in-daŋ 'это приклеилось'); du-j-qut 'он шаманит' (di-daŋ-qut(-n) 'мы шаманим', ku-kaŋ-qut(-n) 'вы шаманите', du-jaŋ-qut(-n) 'они шаманят'); du-Ø-doŋ 'он летит' (di-daŋ-doŋ-ŋ 'мы летим', ku-kaŋ-doŋ-ŋ 'вы летите', du-jaŋ-doŋ-ŋ 'они летят'); d-d-a-j-suk 'он перейдет вброд', d-d-o-n-suk 'он перешел вброд' (d-d-a-daŋ-suk 'мы перейдем вброд', k-d-a-kaŋ-suk 'вы перейдете вброд', d-d-a-jaŋ-suk 'они перейдут вброд', d-d-o-n-daŋ-suk 'мы перешли вброд', k-d-o-n-kaŋ-suk 'вы перешли вброд', d-d-o-n-aŋ-suk 'они перешли вброд'); d-t-a-j-ga 'он ходит', d-t-o-l-ga 'он ходил' (d-t-a-daŋ-qut(-n) 'мы ходим', k-t-a-kaŋ-qut(-n) 'вы ходите', d-t-a-jaŋ-qut(-n) 'они ходят', d-t-o-l-daŋ-qut(-n) 'мы ходили', k-t-o-l-kaŋ-qut(-n) 'вы ходили', d-t-o-l-aŋ-qut(-n) 'они ходили' и т. п.).

Если форма не участвует ни в одной из этих оппозиций, т. е. если она принадлежит к парадигме, не имеющей ни рефлексивных форм мн. числа, ни вещноsubjектных форм, то ПМ в ней появляется только в том случае, если форма является атематической, т. е. не принадлежит глаголу с маркером основы а/о, в противном же случае, т. е. если маркер а/о присутствует и форма является тематической, аффиксации ПМ не происходит, е. г. юг. du-j-d'am 'он лает' (du-j-d'am-iŋ-in 'они лают'); d-ki-s-duH 'я это накрою' (d-ki-s-duH-[i]n 'мы это накроем', k-ki-s-duH-[i]n 'вы это накроете', d-ki-s-duH-[i]n 'они это накроют'); du-Ø-loŋ 'он трясется' (di-Ø-loŋ-in 'мы трясемся', ku-Ø-loŋ-in 'вы трясетесь', du-Ø-loŋ-in 'они трясутся'); вещноsubjектные формы, которые должны были бы выглядеть как *bim-b-i-d'am 'это лает', *ki-b-duH 'это (этот предмет) это накроем', *bim-b-i-loŋ 'это трясется' и т. п., по-видимому, отсутствуют); но ср. при наличии тематического а/о: du-a-bes 'он не обращает внимания', d-o-n-bes 'он не обратил внимания' (di-a-bes-n 'мы не обращаем внимания', ku-a-bes-n 'вы не обращаете внимания', du-a-bes-n 'они не обращают внимания', d-o-n-bes-n 'мы не обратили внимания'; k-o-n-bes-n 'вы не обратили внимания', d-o-n-bes-n 'они не обратили внима-

ния»; вещноsubjектных форм этот глагол, как легко понять, не образует), где ПМ отсутствует.

Данная дистрибуция может быть описана и иначе: можно сказать, что при атематической структуре отсутствие в словоформе показателя вещного субъекта и показателей прямого объекта имплицитно подразумевает появление ПМ всегда, независимо от чего-либо еще, а в том случае, если присутствует маркер а/о, эти условия имплицитно подразумевают появление ПМ только при наличии в парадигме рефлексивных форм мн. числа или вещноsubjектных форм, а при отсутствии таких форм эти условия аффиксации ПМ в тематической структуре не имплицитно подразумевают.

Данные, по которым установлены эти правила, должны быть, несомненно, существенно дополнены; не исключено, что это приведет к обнаружению ряда отклоняющихся случаев, и нужно будет сделать ряд уточнений и корректив (мы, однако, думаем, что необходимость кардинальной переформулировки все же не возникнет). Возможно, материал каких-то нерегулярных (с точки зрения вышеизложенных правил) парадигм есть и в источниках, доступных нам сейчас, однако выявление таких парадигм сильно затруднено тем обстоятельством, что во многих случаях мы имеем дело с существенной неполнотой фиксации. Как бы то ни было, однозначных (а не гипотетических) контрпримеров в имеющемся у нас корпусе данных мы пока не обнаружили. Единственное известное нам сейчас несомненное исключение из этих правил (да и то лишь частичное) — глагол 'подниматься в гору'. Засвидетельствованы, в частности, следующие его формы: d-k-a-j-qut/du-k-a-∅-qut 'он поднимется в гору', d-k-o-n-ut 'он поднялся в гору', d-k-a-j-qut-n/di-k-a-∅-qut-n 'мы поднимемся в гору' (в этом глаголе представлено колебание между йотовой и нулевой репрезентациями ПМ — см. ниже), ku-k-a-∅-qut-n 'вы поднимитесь в гору', du-ka-∅-qut-n 'они поднимутся в гору'. Здесь налицо ПМ, хотя глагол тематический (налицо маркер а/о: d-k-a-j-qut ~ d-k-o-n-ut), причем формы мн. числа не являются рефлексивными, а вещноsubjектные формы отсутствуют. Однако в

формах претерита во мн. числе уже присутствуют рефлексивные показатели: d-k-o-n-daŋ-qut 'мы поднялись в гору', k-k-o-n-kaŋ-qut 'вы поднялись в гору' d-k-o-n-aŋ-qut 'они поднялись в гору'. Нужно отметить, что словоизменительная структура этого глагола вообще изобилует нерегулярностями (судя по отдельным записям, наряду с частичным отсутствием ожидаемых рефлексивных форм при «полурефлексивном» спряжении здесь имеются параллельные формы, образованные в соответствии с «нормальным» кореферентно-прямообъектным спряжением, при котором рефлексивные показатели налицо как во мн., так и в ед. числе — см. 2.1.1.).

Опишем теперь дистрибуцию морфов ПМ.

s регулярно выступает в позиции после преверба, а также после модификатора, содержащего глоттализированный гласный, е. г. bo-k-s-i-bej 'меня несет ветром', d-bok-ba-ti-s-dud 'он меня отапливает' (где k и ti — превербы), d-di-s-i-bed 'он сделает шапку', d-qot-s-i-bed 'он проложит дорогу', (где модификаторы di' и qot' представляют собой инкорпорированные имена di' 'шапка' и qot' 'путь, дорога').

j налицо после акцентированного тематического гласного¹¹, после субъектных показателей не перед зубным, а также после

¹¹ Источником сведений об акценте служат прежде всего наши полевые материалы. Что касается суломайских записей Е. А. Крейновича, то ударение в них обычно не отмечается, однако об акцентных характеристиках *a* в значительном количестве приводимых Е. А. Крейновичем форм мы можем судить по наличию/отсутствию перехода в переднерядный звук, нотируемый Е. А. Крейновичем как *se*. При его наличии в соответствующих формах келогского говора, записанных нами, налицо безударная позиция (часто обуславливающая редукцию *a* в *ə*); напротив, тому *a*, которое записывается Е. А. Крейновичем как *a*, в наших келогских материалах по крайней мере в части случаев соответствует акцентированный *a* или развившийся из него *ä* (об акцентуационном соотношении между нашими келогскими данными и материалами Е. А. Крейновича см. в 1.2.). Кроме того, об акцентном контуре форм с тематическим *a* в некоторых случаях можно судить также по морфологическому облику — например, если основа имеет структуру «модификатор + тематический *a/o* + ядро», то акцент (опять-

неглоттализованного гласного, принадлежащего модификатору, е. г. d-t-á-j-ga 'он ходит', d-á-j-oj 'он линияет' (где *a* — тематический гласный), du-j-qut 'он шаманит', du-j-git 'он плывет', du-j-bed 'он сделает' (где *du* — субъектный показатель), d-e-j-tad 'он кует' (где модификатор *e* отождествляется с *ē* 'железо').

В остальных случаях, т. е. после безударного тематического гласного, после субъектных показателей перед зубным, а также после согласного, принадлежащего модификатору с неглоттализированным гласным, наблюдается \emptyset , е. г. d-és-a- \emptyset -qut 'он взойдет (о месяце)' (где *a* — тематический гласный), du- \emptyset -doq 'он летит', du- \emptyset -təl 'он мерзнет', du- \emptyset -loqŋ 'он трясется' (где *du* — субъектный показатель), d-al- \emptyset -i-bed 'он сварит бульон' (ср. *āl* 'бульон, отвар').

Правило распределения *s* и \emptyset в зависимости от наличия/отсутствия глоттализации в модификаторе установлено Г. С. Старостиным (оно уже было изложено: см. [Решетников — Старостин 1995: 50]). Регулярно оно действует в глаголах с ядром *-bed*, в других случаях встречаются отклонения, е. г. d-ki-j-ə 'он прядет' при модификаторе *ki* 'пряжа' (где ожидался бы не *j*, а *s* ввиду наличия глоттализации в модификаторе), d-ul-s-a 'я мокну' при юг. *ul* 'влажный' (где ожидался бы \emptyset , а не *s* ввиду отсутствия глоттализации в модификаторе, видного по югскому однослугу); причины этого пока неясны.

Югская дистрибуция морфов ПМ имеет по крайней мере две специфические особенности:

1) В позиции после показателей субъекта *j* налицо везде, в том числе и при последующем зубном, е. г., юг. du-j-dəx 'он летит' (ср. кет. *du-doq* 'id.'), du-j-təŋ 'он мерзнет' (ср. кет. *du-təl* 'id.').

2) Насколько можно судить по нескольким примерам, в позиции после преверба/модификатора перед открывающим ядро *d'* на месте кетского *s* в югском налицо \emptyset : юг. *di-fā-d'ou* 'я (это) раз-

таки судя прежде всего по нашим полевым материалам) стоит, как правило, на модификаторе, но не на тематическом гласном.

рубаю', где $f\bar{a}$ — модификатор (ср. кет. $d\text{-}ha\text{-}s\text{-}do$ 'id.'), $d\text{-}k\bar{i}\text{-}d'\bar{i}r$ 'я (это) закрываю' (где $k\bar{i}$ — преверб). Это, скорее всего, результат чисто фонетического процесса, а именно развития $s > \emptyset$ перед d' .

Можно предполагать, что во всех тех случаях, когда ПМ представлена нулем (за исключением позиции после преверба/модификатора перед d' в югском), мы имеем дело с результатом падения j : во-первых, во всех обуславливающих наличие нуля морфо(но)логических контекстах ожидался бы именно j (после тематического гласного, после субъектного показателя, после модификатора с неглоттализированным гласным — ср. перечень условий, имплицитующих появление j), во-вторых, предполагать такой процесс по крайней мере в двух из соответствующих фонетических контекстов у нас имеются все основания: к падению j после безударного гласного ср. аналогичное явление в формах с некорреферентно-прямообъектными показателями 3-го л. sg. (см. Приложение 4; возможно, для кетско-югского должен быть постулирован закон падения j в безударном слове), падение j в постконсонантной позиции — процесс, аналогичный (или даже тождественный) падению j в анлауте, устанавливаемому по внешним данным (см. [Старостин 1982: 159]; может быть, для кетско-югского нужно постулировать правило падения j в непоствокальной позиции); фонетическое объяснение развития $j > \emptyset$ перед зубным в кетских формах типа $du\text{-}t\bar{a}l$, на первый взгляд, затруднительно (действительно, здесь приходится предполагать падение j после ударного гласного, которое обычно не наблюдается — ср. хотя бы сохранение j после ударного тематического гласного), однако, во-первых, историческое наличие j в этих формах удостоверяется соответствующими югскими формами (см. выше), во-вторых — причина падения j здесь становится ясной в свете результатов внутренней реконструкции (см. 4.1.1.). Таким образом, $d\text{-}es\text{-}a\text{-}\emptyset\text{-}qut < *d\text{-}es\text{-}a\text{-}j\text{-}qut$, $d\text{-}al\text{-}\emptyset\text{-}i\text{-}bed < *d\text{-}al\text{-}j\text{-}i\text{-}bed$ etc. (отметим, что по крайней мере в позиции после безударного тематического гласного $*j > \emptyset$, по-видимому, еще в

пракетско-югском: е. g., кет. dú-t-a-qot, юг. du-t-a-xot 'он лежит' < кет.-юг. *dú-t-a-χot < *dú-t-a-j-χot). Показателен случай варьирования j ~ Ø, представленный в кетском глаголе 'подниматься в гору': dú-k-a-qut ~ d-k-á-j-qut 'он поднимется в гору'¹².

Что же касается чередования j/s, то оно в рамках кетско-югской исторической фонетики уже необъяснимо, будучи, как мы увидим ниже (см. 3.2.), унаследованным из ПЕ (это чередование необходимо отличать от другого — в других морфемах и с другими правилами — чередования j/s, возникшего на кетско-югской почве в результате развития s > j перед звонким согласным, е. g. кет. d-kaj-b-i-qos 'он это возьмет' < *du-kas-b-i-qos, ср. d-kas-a-qos 'он его возьмет', quj-baŋ 'вместе' < *qus-baŋ, ср. qus 'один' и ba'ŋ 'место', sej 'лиственницы (pl.)' < *sej-n < *se(')s-n, ср. se's 'лиственница' /n — стандартный показатель pl. в имени; ауслат на -jп в кетском как будто бы не встречается/).

Выше, при описании формальных правил, имплицитующих наличие/отсутствие ПМ, было сделано утверждение, что в формах с тематическим гласным а/о, имеющих условия для появления ПМ (т. е. не аффигурующих показателей вещного субъекта и показателей прямого объекта), но не противопоставленных вещноsubjектным или рефлексивным формам, этот формант не появляется, е. g. du-a-bes 'он не обращает внимания' (при di-a-bes-n 'мы не обращаем внимания' и т. п. и отсутствии вещноsubjектных форм). Однако практически во всех таких формах, известных нам, тематический гласный, по-видимому, безударен; едва ли не единственное исключение — формы глагола 'мерзнуть' (е. g.: d-á-təl 'я мерзну'), записанные нами в Келлаге и отсутствующие в источниках. Можно было бы поэтому предполо-

¹² В соответствующем югском глаголе налицо только вариант с нулем: du-(g)-a-xut 'он поднимется'. Кетский вариант с j, однако, вряд ли можно считать инновацией. Нужно, по-видимому, предполагать следующую картину: пракет.-юг. *dú-k-a-j-χut > *dú-k-a-χut > кет. du-k-a-qut, юг. du-(g)-a-xut, кет.-юг. *du-k-á-j-χut > кет. d-k-a-j-qut (не исключено, впрочем, что соответствующий югский вариант просто не зафиксирован).

жить, что на самом деле ПМ присутствует и в этих формах, будучи закономерно представлена нулевым морфом (возникшим в результате падения *j*) в позиции после безударного тематического гласного — см. выше описание дистрибуции морфов ПМ (такая трактовка дала бы наличие ПМ во всех случаях отсутствия в словоформе показателей вещного субъекта и прямого объекта). Однако мы все же воздерживаемся от такого решения по следующим причинам. Наряду с тем утверждением, что для данного класса тематических форм мы не можем убедительно доказать отсутствия ПМ (так как в кетских материалах почти нет соответствующих форм с ударным тематическим гласным, где ПМ должна репрезентоваться йотом и где ее отсутствие, следовательно, не может трактоваться как нулевая репрезентация), верно и то, что ни в одной из таких форм все же не отмечено и эксплицитного присутствия этого элемента (чего нельзя сказать о тематических формах, противопоставленных формам вещного субъекта и рефлексивным формам мн. числа — ср. такие примеры, как 'линять' и 'ходить', см. выше). Более того, из югских записей А. П. Дульзона и Г. К. Вернера нам известен по крайней мере один глагол, засвидетельствованные формы которого, по-видимому, как раз демонстрируют отсутствие репрезентующего ПМ *j* после ударного тематического *a*: юг. *d-a:-d'иф* 'я загорожу, загораживаю', *k-a:-d'ыф* 'ты закрываешь', претерит *d-o:-p-d'иф* 'я перегораживал', *d-o:-n-d'иф* 'загородил', *d-o:-p-d'ыф* 'я закрывал' (здесь тематический *a* находится в первом слове и зафиксирован как неуперенный и, что главное, долгий)¹³ — ср. выше

¹³ Ситуация здесь, правда, осложняется тем, что возможна гипотеза о соответствии данного югского глагола кетскому глаголу 'затыкать', в котором *j* после тематического гласного налицо: ср. кет. *d-a-j-dop* 'он это заткнет', *d-o-n-dop* 'он это заткнул' (в таком случае нужно предполагать падение *j* в югском несмотря на все признаки акцентуанности тематического *a*). Однако данная гипотеза является все же довольно слабой и в любом случае требует тщательной проверки (к *ad hoc*-овому характеру предположения о развитии *j* > \emptyset в югском добавляется абсолютная нерегулярность корневого вокализма в кетском: юг. *-d'ip* (~ котт.

случаи с келлогскими формами глагола 'мерзнуть'. Наконец, выделение класса тематических глаголов, не принимающих вещно-субъектного и прямообъектного показателей, но при этом не аффигирующих и ПМ, коррелирует с коттскими данными.

Разумеется, для того, чтобы произвести исчерпывающее описание синхронной дистрибуции ПМ, необходим дополнительный сбор данных как по имеющимся кетским и югским записям, так и от кетских информантов (насколько это еще возможно). Его результаты могут иметь существенное значение. Например, других случаев, подобных югскому 'загораживать/закрывать', может не обнаружиться; с другой стороны, могут быть найдены парадигмы, характеризующиеся тематической структурой и не имеющие рефлексивных форм во мн. числе и вещно-субъектных форм, но все же демонстрирующие аффиксацию *j* (т. е. парадигмы с соотношением типа гипотетического **d-t-a-j-bed* /ед. число/ ~ **d-t-a-j-bed-n* /мн. число/, для которых будут установлены отсутствие/семантическая невозможность форм вещного субъекта). В этом случае на синхронном уровне, возможно, все же будет целесообразно (и удастся) интерпретировать отсутствие *j* в известных нам сейчас аналогичных парадигмах с неакцентированным тематическим гласным как нулевую репрезентацию (см. выше).

3.1.2. В ряде коттских глаголов выделяется два особых префиксальных элемента, семантика которых не поддается однозначному определению. Один из них имеет вид *d'*, а другой бывает представлен морфами *š*, *č* и *ča*, распределенными по фонетическим позициям: *š* появляется перед *t(h)*, *č* — перед гласным, а *ča* — перед губным и велярным¹⁴.

-č̄r(-) < ПЕ *ž̄r — см. 4.2., сближение 16) ~ кет. -dor; наших соображений по этому поводу мы здесь излагать не будем за недостатком места).

¹⁴ В [Старостин Г. 1995: 134—136] вместо варианта *ča* выделяется вариант *či*, а в отношении варианта *ča* предполагается, что он < *či* под влиянием -а- предшествующего слога. Однако анализ тех глаголов, на материале которых выделен

Оба эти форманта выступают только в формах презенса-футурума.

Зафиксирован один случай парадигматического противопоставления форм с префиксацией элемента d' формам с показателем субъекта вещного класса b:

- d'-a-pī-j-aŋ 'я успею' a-n-a-pī-j-aŋ 'я успел';
 d'-a-pī-j-u 'ты успеешь' a-n-a-pī-j-u 'ты успел';
 d'-a-pī 'он/она успеет' a-n-a-pī 'он успел/она успела';
 d'-a-pī-n-toŋ 'мы успеем' a-n-a-pī-n-toŋ 'мы успели';
 d'-a-pī-t-n-oŋ 'вы успеете' a-n-a-pī-t-n-oŋ 'вы успели';
 d'-a-pī-t-n 'они успеют' a-n-a-pī-t-n 'они успели'¹⁵;
 b-a-pī 'это поспеет' m-a-n-a-pī (< *b-a-n-a-pī) 'это поспело'.

В работах, посвященных коттскому глаголу, описанные форманты получают самые разные интерпретации. Элемент d' Е. А. Крейнович считал показателем настоящего времени [Крейнович 1968: 54], однако Г. К. Вернер [Вернер 1990а: 134, 173] уже учитывает не только его отсутствие в формах претерита и императива, но и его противопоставленность показателю b (см. выше). В отношении глаголов, характеризующихся аффиксацией d', высказывалась также гипотеза, что они обозначают непроизвольное совершение действия над самим собой ([Старостин Г. 1995: 129, 156]; это, однако, вряд ли приемлемо, так как среди

вариант *ṣu* (их всего пять), показывает, что во всех этих глаголах -u- относится к ядру (ak-t-ē-ṣ-uj-aŋ 'я [это] рассыпаю', ak-t-ē-l-uj-aŋ 'я [это] рассыпал', ak-t-ē-l-ṣ-u 'рассыпай [это]', [a] th-ē-ṣ-uj-aŋ 'я [его] посылаю', [a] th-ē-l-uj-aŋ 'я [его] послал', thēn-f-ē-ṣ-ukŋ-aŋ 'я (это) топчу', thēn-f-ē-r-ukŋ-aŋ 'я (это) топтал', thēn-f-ē-r-ṣ-ukŋ 'топчи (это)', [a] h-ē-ṣ-uāj-aŋ 'я [его] жалею', [a] h-ē-l-uāj-aŋ 'я [его] жалел', [a] h-ē-l-uaŋ 'жалей [его]', thu-ṣ-urēj-aŋ 'я слежу', thu-l-urēj-aŋ 'я следил', thu-l-urēj 'сledi').

¹⁵ В материалах М. А. Кастрена одушевленносубъектные формы этого глагола переводятся, как и вещносубъектные, русским глаголом «поспевать» (налицо запись d'arījaŋ 'поспею'), который в данном случае скорее может иметь значение 'успевать', чем 'созревать' (ср. перевод *zurecht kommen* в [Castrén 1858]).

этих глаголов имеются, например, глаголы со значениями 'ехать вниз по течению', 'зайти', 'грести', 'лять' и т. п., а также по крайней мере один субъектно-объектный глагол, а именно глагол 'ранить', не попавший, правда, в [Castrén 1858]¹⁶. Элементы *š* и *č* интерпретируются Г. К. Вернером как показатели настоящего времени [Вернер 1990а: 160], а Г. С. Старостиным [Старостин Г. 1995: 134—136] они отнесены к числу маркеров спряжения.

Мы считаем, что рассматриваемые элементы на самом деле являются экспонентами одной и той же морфемы. В пользу такой интерпретации имеется три существенных аргумента:

1) Оба элемента, как было отмечено выше, появляются только в презенсе-футуруме.

2) Эти элементы никогда не сочетаются друг с другом в пределах одной словоформы (равно как и одной парадигмы), причем между ними существует дополнительное распределение по морфологическим контекстам: *š/č/ča* встречается в позиции после преверба или модификатора, а *d'* в других позициях, собственно, в начале слова (см. примеры в данном разделе). Исключениями, на первый взгляд, являются глаголы 'класть', 'прыгать' и 'кроить' (*ē-š-ta-j-aŋ* 'я (это) кладу', *ē-l-ta-j-aŋ* 'я (это) клал', *ē-l-ta* 'клади (это)', *a-š-tōk-ŋ* 'я прыгаю', *a-l-tōk-ŋ* 'я прыгал', *a-l-tox* 'прыгай', *b-a-č-a'ūč-aŋ* 'я это крою', *b-a-l-a'ūč-aŋ* 'я это кроил', *a-l-a'uš* 'крои это') — в них наблюдается *š/č*, хотя превербы и модификаторы как будто бы отсутствуют. Что касается первых двух глаголов, то дело здесь, по-видимому, в том, что *ē-* (в глаголе 'класть') и *a-* (в глаголе 'прыгать') на самом деле являются не тематическими гласными, как можно было бы предполагать (о коттских

¹⁶ Г. С. Старостин предполагает, что аффиксация *d'* в тех глаголах, которые не могут быть трактованы как обозначающие непроизвольное совершение действия над собой, носит вторичный характер. Эту гипотезу вряд ли можно принять, так как в ее пользу не говорят внешние данные: например, аффиксация *d'* в глаголе 'лять', который весьма затруднительно трактовать как «непроизвольно-рефлексивный», обнаруживает точное соответствие в югском — см. 3.2., 4.2.

тематических гласных см. в 4.1.2.), а модификаторами. В отношении же глагола 'кроить' можно заметить, что *š* здесь занимает позицию после показателя объекта вещного класса *b'*, которая не засвидетельствована для *d'*.

3) Наконец, общими для рассматриваемых элементов являются четыре нетривиальных дистрибуционных закономерности: оба они не встречается в глаголах *o/a*-типа (см. 4.1.2.) и в рефлексивных глаголах (*d'*-, появляющийся в презенсно-футурумных формах 3-го л. у рефлексивных глаголов (*d'ādeṭi* 'он рождается', *d'āṭei* 'они рождаются' и т. п.), целесообразно, по крайней мере при синхронном описании, отделять от рассматриваемых элементов и считать не отдельной морфемой, а частью рефлексивных показателей 3-го л. (*d'ā-*, (*d'āṭ-*), которые имеют морфы с *d'* и без *d'*, распределенные по формам времени — см. 2.1.2.), а также не сочетаются в пределах одной словоформы с показателем вещного субъекта *b* и показателем вещного объекта *b'* (единственное исключение, имеющее, вероятно, вторичный характер — упомянутый выше глагол 'кроить', где *š* сочетается в пределах словоформы с показателем вещного объекта: *b-a-š-a'ūš-an* 'я это крою').

Что касается контраргументов, то они сводятся к следующему:

1) *d'*, как мы знаем, выступает в одушевленносубъектных формах, противопоставленных формам с показателем вещного субъекта *b*, в то время как случаев появления *š/č/ča* в таких формах нет.

2) *d'* и *š/č/ča* занимают разную позицию относительно тематических гласных: *š/č/ča* располагается после тематических *a*, *e* и — в одном случае — *a/o* (*d'-a-š-thi-aṭ* 'я (это) солю' *d'-a-l-a-thi-aṭ* 'я (это) солил' *d'-a-l-thi* 'соли (это)'; [*a*] *h-ē-č-uāj-aṭ* 'я [его] жалею' [*a*] *h-ē-l-uāj-aṭ* 'я [его] жалел' [*a*] *h-ē-l-uai* 'жалей [его]'; *h-a-ča-pit-aṭ* 'я давлю', *h-u-i-pit-aṭ* < **h-o-j-V-pit-aṭ* 'я давил'), а *d'* — перед тематическими *a* и — также в одном случае — *a/o* (*d'-a-ṭīš-aṭ* 'я

гребу', a-l-a-gīč-aŋ 'я греб', a-l-č-iš 'греби', d'-a-xa-j-aŋ 'я умру', o-p-xa-j-aŋ 'я умер', a-n-xa 'умри').

Что касается отсутствия в записях примеров на противопоставление форм с š/č/ča формам с вещносубъектным b, то совершенно нельзя исключить, что это отсутствие случайно, т. е. обусловлено малой выборкой материала и неполнотой фиксации парадигм (ср. наличие всего одного примера на противопоставление вещносубъектных форм формам с d'). Например, для глагола со значением 'всходить (о светилах)', представленного формами aš-č-a-i и aš-n-a-i в сочетаниях ega ašca-i 'солнце взойдет' и ega ašna-i 'солнце вошло', можно предполагать незафиксированные формы *aš-p-a-i < *aš-b-a-i 'это взойдет', *aš-m-a-n-a-i < *aš-b-a-n-a-i 'это вошло'¹⁷.

Более серьезен второй контраргумент. Он действительно может служить основанием для синхронной интерпретации d' и š/č/ča как двух разных морфем. Имеются, однако, основания предполагать, что указанные позиционные различия между рассматриваемыми элементами являются результатом поздних фонетических преобразований. Позиция š/č/ča после тематических гласных имеет место только в превербных глаголах; можно поэтому предполагать, что она вторична и каким-то образом связана именно с наличием в словоформе преверба (такое предположение, как мы увидим ниже, подтверждается внешними данными). Учитывая эти соображения, мы все же предпочитаем не разделять рассматриваемые элементы и постулировать нетривиальное синхронное правило, согласно которому аффиксация преверба имплицитует инвертированный порядок d'/š/č/ča и тематического гласного.

Таким образом, мы будем говорить об особом форманте, появляющемся в формах презенса-футурума и представленном

¹⁷ Эти формы могли употребляться, например, по отношению к существительному kinig/kinix 'заря', для которого можно предполагать принадлежность к вещному классу (ср. принадлежность к вещному классу этимологически тождественного этому слову кет.-юг. *kēp(ə) 'заря').

морфом $\check{s}/\check{c}/\check{c}a$ при наличии преверба и/или модификатора и морфом d' при их отсутствии.

Обращаясь к вопросу о значении этого форманта, мы сталкиваемся с той же ситуацией плеонастической маркировки и отсутствия эксплицитной семантики, которая имеет место в отношении кетско-югского форманта $j/s/\emptyset$. То обстоятельство, что рассматриваемый элемент появляется только в формах презенса-футурума, могло бы послужить основанием для его интерпретации как маркера соответствующего временного значения. Необходимо, однако, отметить, что, во-первых, он появляется только в некоторых глаголах, в то время как значение презенса-футурума присутствует у всех глаголов, т. е. само по себе значение презенса-футурума не имплицитно подразумевает появления этого форманта, во-вторых, он может вытесняться показателем вещного субъекта, что для темпорального маркера в принципе аномально. Можно было бы, с другой стороны, попытаться включить данный формант в систему актантных показателей, учитывая то обстоятельство, что он может противопоставляться показателю субъекта вещного класса. Не совсем ясно, однако, с каким именно актантом он должен быть соотнесен: отведение ему роли маркера субъекта или объекта одушевленного класса вряд ли возможно, так как, во-первых, указанные функции уже зарезервированы за другими морфемами, во-вторых — эти морфемы сочетаются с рассматриваемым формантом в пределах одной словоформы, т. е. не находятся в отношении дополнительной дистрибуции с ним. Возможная идентификация его значения как разновидности рефлексива также не кажется нам достаточно обоснованной.

Мы не утверждаем, что приписать форманту $d'/\check{s}/\check{c}/\check{c}a$ то или иное значение в принципе невозможно. Очевидно, однако, что эта задача заведомо не имеет однозначного решения. Поэтому мы пока предпочитаем идентифицировать этот формант как морфему, лишенную семантики (ср. наличие аналогичного элемента в кетско-югском). В дальнейшем для $d'/\check{s}/\check{c}/\check{c}a$ будет ис-

пользоваться нотация, аналогичная нотации кетско-югского форманта $j/s/\emptyset$, т. е. ПМ (пустая морфема).

В отношении дистрибуции коттской ПМ приходится признать, что она, в отличие от дистрибуции кетско-югской ПМ, является не морфологической, а лексико-морфологической.

Появление $d'/š/č/ča$ в словоформе невозможно, если последняя принадлежит глаголу о/а-типа, а также если она содержит рефлексивный показатель, показатель вещного субъекта b или показатель вещного объекта b' (исключение — глагол 'кроить') — см. выше. Отсутствие этих условий делает аффиксацию ПМ возможной, но дальнейшей морфологической дистрибуции на синхронном уровне установить не удастся. Таким образом, мы можем сказать, что синхронно наличие/отсутствие ПМ задавалось лексически, но ее дистрибуция при этом ограничивалась рядом правил морфологического характера. (Можно предполагать, что ПМ в коттском регулярно появлялась в одушевленно-субъектных формах тех парадигм, которые имели формы с показателем вещного субъекта b' — см. выше парадигму глагола 'поспевать', однако, по крайней мере оставаясь в пределах коттского материала, мы не можем установить здесь какую бы то ни было закономерность ввиду наличия только одного соответствующего примера).

Приведем еще некоторые примеры на глаголы с ПМ:

d' -a-tek-ŋ 'я стою' a-l-a-tek-ŋ 'я стоял' a-l-tek 'стой';
 d' -a-čam-aŋ 'я лаю' a-l-a-čam-aŋ 'я лаял' a-l-čam 'лай';
 d' -a-čōk-ŋ 'я зайду', i -čōk-ŋ 'я зашел', i -čōx 'зайди';
hat-p-a-č-āk-ŋ 'я (это) грею' hat-p-a-l-āk-ŋ 'я (это) грел' hat-p-a-l-č-ax 'грей (это)';
u-č-ik-ŋ 'я (это) пихаю' u-l-ik-ŋ 'я (это) пихал' u-l-č-ik 'пихай (это)';
 d' -a-š-thi-aŋ 'я (это) солю' d' -a-l-a-thi-aŋ 'я (это) солил' d' -a-l-thi 'соли (это)';
akŋu-š-thi-aŋ 'я (это) ломаю' akŋu-l-thi-aŋ 'я (это) ломал' akŋu-l-thi 'ломай (это)';

ki-th-a-ča-ra-j-aŋ 'я плачú' ki-th-a-l-a-ra-j-aŋ 'я платил' ki-th-a-l-a 'плати';
th-a-ča-kīt-aŋ 'я (это) мажу' th-a-l-a-kīt-aŋ 'я (это) мазал' th-a-l-kīt 'мажь
(это)'.¹⁸

(č в формах императива (типа u-l-č-ik) не имеет отношения к ПМ — см. [Старостин Г. 1995: 135—136].)

Необходимо отметить один особый случай. Это глагол 'забывать', имеющий, в частности, следующие формы: ēn-eŋ-a-i-še 'я забуду', ēn-uŋ-u-i-še < *ēn-aŋ-o-j-V-še 'я забыл', en-u-a-i-še 'забудь'. Здесь в позиции после тематического гласного (см. 4.1.2.) во всех формах налицо j (в записи i). В формах претерита и императива этот элемент идентифицируется как маркер этих значений (см. [Старостин Г. 1995: 130—131; 136—138]). В формах презенса-футурума его природа как будто бы неясна: он не вписывается ни в одну из стандартных префиксальных структур. На самом деле он, по-видимому, представляет собой ПМ, репрезентованную морфом j (!). Такое предположение корректно потому, что в анлауте ПМ представлена морфом d', а j и d' в коттском дополнительно распределены и исторически связаны: j встречается только в инлауте и ауслауте, а d' — только в анлауте, имея общее с j происхождение (коттский d'/j может восходить к целому ряду фонем, в том числе к праенисейскому *j — см. [Старостин 1982: 175—176; 177—178]). Отсутствие в коттских записях других примеров этого типа (т. е. глаголов с репрезентацией ПМ в виде j в инлауте после тематического гласного) объясняется, скорее всего, малой выборкой материала¹⁸. Таким образом, представленная выше картина порядковых характеристик коттской ПМ должна быть, по-видимому, скорректирована; возможно, что в рамках синхронного описания нужно говорить не об одной, а о двух морфемах (так как при учете структуры, представленной в глаголе 'забывать', получается, что при отсутствии преверба ПМ, представленная морфом d'/j, может располагать-

¹⁸ Возможно, впрочем, что такой же случай представлен в ŋ-a-i-tean < *aŋ-a-i-tean 'я хочу' (формы претерита и императива не зафиксированы).

ся не только перед тематическим а/о (см. выше), но и после него), однако какие-либо определенные синхронные решения здесь невозможны ввиду скудости данных. Эта ситуация несколько проясняется только при историческом анализе (см. 4.2.).

3.2. Сравнивая кетско-югские и коттские данные, описанные в двух предыдущих пунктах, легко заметить соответствие между морфемами, которые мы условно нотировали как ПМ (пустая морфема). Попытаемся произвести историческую интерпретацию этого соответствия.

В ПЕ, по всей видимости, существовал особый словоизменятельный элемент, появившийся только в формах презенса-футурума и репрезентовавшийся либо морфом *s (> кет., юг. s, котт. š/č/ča) либо морфом *j (> кет.-юг. *j /с дальнейшим выпадением в ряде позиций/¹⁹, котт. d'/j).

Какова была дистрибуция *s и *j? В кетско-югском s встречается в позиции после модификатора с глоттализированным гласным или преверба, а j — после клитических показателей субъекта (т. е. в историческом анлауте), после тематического маркера a, а также после модификатора с неглоттализированным гласным; в коттском š/č/ča налицо в позиции после преверба или модификатора, а d'/j — при отсутствии такой позиции. Исходя из этого, можно, видимо, утверждать, что в ПЕ позиция рассматриваемого элемента после преверба имплицировала его репрезентацию в виде *s, а позиция не после преверба и не после моди-

¹⁹ Следует отметить сохранение *j в позиции после субъектных показателей в кетско-югских формах типа кет. du-j-ɬo, юг. du-j-ɬ 'он умрет'. Поскольку субъектные показатели в подобных формах исторически представляют собой клитики (см. Приложение 4), позиция j здесь исторически является анлаутной. Данные сравнительной фонетики показывают, что анлаутный *j- в кетско-югском > ∅ [Старостин 1982: 159]. Следовательно, сохранение j в указанных формах может объясняться только тем, что слияние субъектных показателей с основным массивом глагольного слова в них произошло раньше падения анлаутного j- (т. е. ко времени начала последнего процесса j в этих формах был уже инлаутным) — см. [Старостин Г. 1995: 156].

фикатора (в частности, позиция аналаута) — репрезентацию в виде *j (о реконструкции праенисейских превербов см. в Приложении 3).

Что касается функции данного праенисейского форманта, то материал языков-потомков не позволяет сказать о ней ничего определенного. По всей видимости, этот формант уже на праязыковом уровне выступал как десемантизированный. Исходя из этого, мы квалифицируем его так же, как и соответствующие элементы в кетско-югском и коттском, т. е. предполагаем для него статус пустой морфемы; в дальнейшем для него будет использоваться нотация, аналогичная нотации его рефлексов, т. е. ПМ.

Анализ данных языков-потомков позволяет сделать несколько вполне определенных утверждений относительно дистрибуции праенисейской ПМ.

ПМ, по-видимому, могла появляться только при отсутствии в словоформе показателя вещного субъекта *w, показателя вещного объекта *w' и рефлексивного показателя — ср. выше правила дистрибуции ПМ в кетско-югском и коттском. В кетско-югском, как мы знаем, существует правило, согласно которому отсутствие в словоформе показателя вещного субъекта b и показателей прямого объекта регулярно имплицитно подразумевает появление ПМ в том случае, если форма принадлежит к парадигме с рефлексивным спряжением во мн. числе (т. е. является формой ед. числа. в «полурефлексивной парадигме») или же противопоставлена формам с показателем вещного субъекта b (см. 3.1.1., 2.1.1.). Кетско-югский «полурефлексивный» тип не обнаруживает соответствий в коттском и скорее всего является инновацией. Что же касается правила, заключающегося в автоматическом появлении ПМ при наличии в парадигме вещно-субъектных форм, то оно выглядит архаичным; нужно также иметь в виду, что в коттском зафиксирован один случай противопоставления форм с ПМ вещно-субъектным формам (глагол 'поспевать/[успевать]' — см. 3.1.2.), тогда как контрпримеры (т. е. случаи, в которых вещно-субъектным формам противопоставлялись бы одушевленно-

субъектные формы без ПМ) отсутствуют. Таким образом, можно, скорее всего, утверждать, что в ПЕ отсутствие в словоформе показателя вещного субъекта *w, показателя вещного объекта *w' и рефлексивного показателя делало появление ПМ обязательным, если форма была противопоставлена формам с показателем вещного субъекта *w, т. е., иными словами, праенисейские глаголы, аффигировавшие *w, регулярно принимали ПМ в одушевленносубъектных формах.

В нескольких случаях налицо результат непосредственного отражения в языках-потомках праенисейских парадигм с аффиксацией ПМ, ср.:

юг.

du-j-d'am 'он лает'
 d-i-r-d'am (< *du-i-r-V-d'am) 'он лаял'
 i-d'am (< *i-r-d'am) 'лай'

котт.

d'-a-čam 'он лает'
 a-l-a-čam 'он лаял'
 a-l-čam 'лай'

юг.

du-j-tār 'он мерзнет'
 d-i-n-tār (< *du-i-n-V-tV̄Vr) 'он мерз'
 i-n-tār 'мерзни'

котт.

d'-a-tōl 'он мерзнет'
 a-n-a-tōl 'он мерз'

кет.

du-den (< *du-j-d'en >) du-j-d'e
 'он плачет' 'он плачет'
 d-i-l-den (< *du-i-r-V-d'en >) d-i-r-d'e
 'он плакал' 'он плакал'
 i-den (< *i-r-d'en >) i-d'e
 'плачь' 'плачь'

юг.

котт.

d'-a-čēn 'он плачет'
 a-l-a-čēn 'он плакал'
 a-l-čēn 'плачь'

кет.	котт.
d-kit-t-i-s-bed 'он (это) купит'	ki-th-a-ča-ра 'он платит'
d-kit-t-i-l-bed (< *du-kid'-t-i-r-V-bed') 'он (это) купил'	ki-th-a-l-a-ра 'он платил'
kit-t-i-l-ged 'купи (это)'	ki-th-a-l-a 'плати'

кет.	котт.
d-a-s-s-i-bil (< *d-a-t-s-i-bil < *du-a-t- i-s-i-bil) 'он его догонит'	[a] th-a-ča-pil 'он [его] догонит'
d-a-t-i-n-bil (< *du-a-t-i-n-V-bil) 'он его догнал'	[a] th-a-l-a-pil 'он [его] догнал'
a-t-n-il (< *a-t-η-il < *a-t-i-n-gil < *a- t-i-n-bil) 'догони его'	[a] th-a-l-pil 'догони [его]'

Интересно, что в двух случаях кетско-югские данные позволяют установить факт падения репрезентовавшего ПМ сибиланта в коттском, ср.

кет.	юг.	котт.
a-ki-s-sal 'он переночует'	a-k-šār 'он переночует'	a h-a-čāgal 'он ночует'
a-k-i-n-sal (< *a-k-i-n-V-sār > 'он переночевал'	a-g-i-n-šār 'он переночевал'	a h-a-l-a-čāgal 'он ночевал'
		h-a-l-čāgal 'ночуй'

юг.	котт.
d-kī-d'īp (< *du-kī-s-d'īp) 'он (это) закрывает' (см. 3.1.1.)	h-a-čīp 'он (это) закроет'
d-k-ī-r-d'īp 'он (это) закрывал'	h-a-l-a-čīp 'он (это) закрыл'
	h-a-l-čīp 'закрой (это)'

Для коттского здесь нужно, по-видимому, предполагать исчезновение в презенсно-футурумных формах рефлекса прекорневого *s (>кет., юг. s), обусловленное позицией перед корневым сибилантом в первом случае и перед корневой аффрикатой во втором (т. е. a h-a-čāgal < *a k-a-s-saGa₁, h-a-čīp < *k-a-s-žīp) — ср. падение репрезентирующего ПМ s перед d' (являющимся рефлексом аффрикаты) в югском (см. 3.1.1.) и по крайней мере в одном случае перед сибилантом в кетско-югском (в глаголе 'оттолкнуть': кет. d-a-ti-suk 'он его оттолкнет' < *d-a-ti-s-suk и т. п.).

4. ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В ПРАЕНИСЕЙСКОМ

4.1.1. Кетско-югская система

При анализе структуры глагольной основы мы разделяем все кетские (и югские) глаголы на два типа в зависимости от наличия или отсутствия в основе элемента а/о (имеющего собственно основообразующую функцию и являющегося, таким образом, маркером основы), обозначая а/о-глаголы как тематические, а все остальные — как атематические. Тематический маркер а/о характеризуется чередованием типа аблаутного: ступень *a* выступает в формах презенса-футурума и императива, а ступень *o* — в формах претерита. Таким образом, а/о — в тех глаголах, где он присутствует — плеонастически маркирует время и наклонение наряду с соответствующими показателями; более того, существуют морфонологические классы, в которых ступеням тематического маркера принадлежит основная роль в различении претерита и императива (правда, и здесь для их различения используются также и другие средства). Традиционно *a* и *o* трактуются как показатели соответственно настоящего и прошедшего времени (см. [Крейнович 1968: 14—17; Дульзон 1968: 142; Буторин 1995: 15]); интерпретация а/о как основообразующего элемента, предлагаемая нами, связана с тем, что формальная категория, в качестве значений которой выступают наличие

и отсутствие а/о, является селективной и не может быть описана семантически (ср. [Решетников — Старостин 1995: 27, 78—84]).

Глаголы, обозначаемые в настоящей статье как атематические, в [Решетников — Старостин 1995] трактуются как имеющие тематический маркер *i* (см. указанную работу, с. 78—81). Ныне, однако, утверждение о его присутствии на синхронном уровне представляется автору настоящей работы недостаточно обоснованным. Одной из главных предпосылок для такого решения явилось то обстоятельство, что у глаголов данного типа в формах претерита и императива перед сонантами, репрезентирующими маркеры этих значений (о выражении времени в кетском см. [Решетников — Старостин 1995: 76—78]), регулярно появляется гласный *i*, е. г. кет. *du-doq* ‘он летит’, *d-i-n-doq* ‘он летел’, *i-n-doq* ‘лети’ (где *n* — показатель претерита-императива); в настоящее время нам кажется более корректным (и удобным) рассматривать *i* в таких формах как входящий в состав претеритно-императивных показателей (из этого следует наличие у каждого из этих показателей двух вариантов — варианта типа *R* и варианта типа *iR*, однако описать их распределение довольно просто). Некоторые другие факты, которые трактовались нами ранее как свидетельствующие в пользу тематического характера данных глаголов, оказывается возможным реинтерпретировать сходным образом (разбирать все соответствующие случаи в данной статье мы не имеем возможности из-за нехватки места). Следовательно, мы склоняемся к тому, чтобы при синхронном описании рассматривать обсуждаемые глаголы как лишённые маркера основы, исходя из чего мы и называем их атематическими (такой вариант описания оказывается не только более адекватным, но и более простым).

Что же касается исторической интерпретации глаголов, не имеющих маркера а/о, то представляется несомненным, что их атематический характер вторичен и что ранее их основа все же характеризовалась наличием особого вокалического элемента, который может быть квалифицирован как маркер основы, при-

чем этим гласным действительно был *i. Восстановить для этих глаголов старый тематический облик нам позволяют некоторые специфические явления фонетического и морфонологического характера, а также ряд системных соображений.

Следует обратить внимание прежде всего на две группы глаголов, аффигирующих во всех презенсно-футурумных формах ПМ — см. 3.1.1. (глаголы обеих групп берутся из суломайских материалов Е. А. Крейновича; формы приводятся в фонетической записи).

Первую группу составляют превербные глаголы, принимающие показатели косвенного объекта.

В формах презенса-футурума и претерита здесь можно наблюдать следующее. Консонантно-вокалические комплексы, содержащие репрезентующее ПМ s (в презенсе-футуруме) или сонант претеритно-императивного показателя (в претерите) имеют вид Ci в одних глаголах и вид iC в других. Подчеркнем, что, насколько можно судить по имеющимся материалам, эти два варианта находятся в строгом дополнительном распределении по парадигмам, т. е. свободное варьирование отсутствует. Попытаемся установить принцип распределения указанных вариантов.

Сравним следующие две группы форм:

(1)

d-an'iq̣-ba-t-s'-i-wit 'он обо мне подумает';

d-an'iq̣-ba-t-l'-i-wit 'он обо мне подумал';

d-an'iq̣-a-t-s'-i-wit 'он о нем подумает';

d-an'iq̣-a-t-l'-i-wit 'он о нем подумал';

d-an'iq̣-i-t-s'-i-wit 'он о ней подумает';

d-an'iq̣-i-t-l'-i-wit 'он о ней подумал';

sī-ba-t-s'-i-wij 'у меня будет эклампсия';

sī-ba-t-l'-i-wij 'у меня была эклампсия';

sī-i-t-s'-i-wij 'у неё будет эклампсия';

sī-i-t-l'-i-wij 'у неё была эклампсия';

t-qir'-o-k-s'-i-wit 'я его сдам';
 t-qir'-o-n'-bit (< *du-qəd'-o-k-n-i-bed') 'я его сдал';
 t-qir'-u-k-s'-i-wit 'я ее сдам';
 t-qir'-u-n'-bit (< *du-qəd'-u-k-n-i-bed') 'я ее сдал'.

(2)

t-qot'-ba-t-i-s'-wät 'он мне даст дорогу';
 t-qot'-ba-t-i-l'-wät 'он мне дал дорогу';
 t-qot'-a-t-i-s'-wät 'он ему даст дорогу';
 t-qot'-ä-t-i-l'-wät 'он ему дал дорогу';
 t-qot'-t-i-s'-wät (< *du-qot-i-t-i-s-bed') 'он ей даст дорогу';
 t-qot'-t-i-l'-wät (< *du-qot-i-t-i-r-V-bed') 'он ей дал дорогу';

 t-k'et-bä-g-i-s-qut 'он меня обижает';
 t-k'et-bä-g-i-l-Rut 'он меня обижал';
 t-k'et-a-γ-i-s-qut 'он его обижает';
 t-k'et-a-γ-i-l-Rut 'он его обижал';
 t-k'et-k-i-s-qut (< *du-ket-i-k-i-s-qut) 'он ее обижает';

 t-kir'-ä-t-i-s'-wät 'он его купит';
 t-kir'-ä-t-i-l'-wät 'он его купил';
 t-kit-t-i-s'-wät (< *du-kid'-i-t-i-s-bed') 'он ее купит';
 t-kit-t-i-l'-wät (< *du-kid'-i-t-i-r-V-bed') 'он ее купил';

 t-s'ej-wä-t-i-s'-wät 'он меня пристроит';
 t-s'ej-wä-t-i-l'-wät 'он меня пристроил';
 t-s'ej-ä-t-i-s'-wät 'он его пристроит';
 t-s'ej-ä-t-i-l'-wät 'он его пристроил';
 t-s'ej-t-i-s'-wät (< *du-sej-i-t-i-s-bed') 'он ее пристроит'.

Представляется а priori очевидным, что здесь имеет место фонетическая, а не какая-либо иная дистрибуция. Действительно, у нас есть основания предполагать, что подгруппы (1) и (2) имеют разные акцентные характеристики. Ударение Е. А. Крейновичем здесь (как и в большинстве других случаев) не отмечено, однако место акцента может быть с большой долей вероятности

определено по поведению гласных. В подгруппе (2) в показателях косвенного объекта налицо упреждение $a > \ddot{a}$ (в парадигмах 'давать дорогу' и 'обижать' встречается и написание a , однако наряду с \ddot{a} в других формах), а также выпадение репрезентующего показатель $sg.$ ж. кл. i . Нам известно, что упреждение узких и падение узких происходит в безударной позиции. Следовательно, ударение стоит здесь не на показателях косвенного объекта. Учитывая наши полевые материалы, мы можем предполагать, что (главный) акцент здесь несет гласный модификатора, т. е. $t-kir'-\ddot{a}-t-i-s'-w\ddot{a}t$, $t-kir'-\ddot{a}-t-i-l'-w\ddot{a}t$ etc.²⁰ В подгруппе (1), напротив, i (и u) в показателях $sg.$ ж. кл. объекта сохраняется, а упреждение $a, o > \ddot{a}$ в остальных объектных показателях отсутствует, исходя из чего можно думать, что перед нами формы $s\bar{i}-b\bar{a}-t-s'-i-wij$, $s\bar{i}-b\bar{a}-t-l'-i-wij$, $s\bar{i}-i-t-s'-i-wij$ etc. Разумеется, необходима полевая проверка данного материала.

Если указанное акцентное различие между формами подгрупп (1) и (2) действительно имеет место, то мы можем интерпретировать интересующие нас комплексы типа Ci и iC как рефлексыв первоначального iCi , редуцировавшегося по-разному в зависимости от акцентного контура, е. г. $*s\bar{i}b\bar{a}tisibej > s\bar{i}bats'iwij$, $*s\bar{i}b\bar{a}tiribej > s\bar{i}batl'iwij$, но $*dus\acute{e}(')jbatisibed' > *ts'ejw\ddot{a}tis'w\ddot{a}t$, $*dus\acute{e}(')jbatiribed' > ts'ejw\ddot{a}til'w\ddot{a}t$, $*dus\acute{e}(')jitisibed' > ts'ejtis'w\ddot{a}t$ etc. Можно предполагать, что здесь действовала закономерность типа ритмической градации, согласно которой нечетный (отсчитывая от слога, несущего главный акцент) слог получал «побочный» акцент, обуславливавший сохранение i в этом слоге, т. е. $*s\bar{i}b\bar{a}tiribej = *s\bar{i}b\bar{a}tiribej$, $*dus\acute{e}(')jbatisibed' = *dus\acute{e}(')jbatisibed'$ etc²¹.

²⁰ Оттяжка ударения на гласный модификатора здесь связана, по-видимому, с тем, что этот гласный является глоттализованным: модификаторы qot , kit и sej отождествляются со словами $qo't$ 'путь, дорога', $ki'd$ 'цена' и $se'j$ 'сиденье (из пихтовых ветвей)' соответственно; что касается модификатора ket , то он, по-видимому, все-таки представляет собой не что иное, как слово $ke't$ 'человек'.

²¹ Случаи, в которых описанное правило редукции комплексов типа iCi в подобных формах не выполняется, могут объясняться особенностями консонант-

В пользу реконструкции старой структуры рассматриваемых комплексов в виде *iCi* свидетельствует также то обстоятельство, что даже в формах с вариантом *iC* налицо интервокальная рефлексия открывающего ядро губного/увулярного, т. е. рефлекссы *w*, *R* (исключение составляют формы, в которых увулярный следует за *-s-*).

В соответствующих императивных формах показатели претерита-императива выступают то в виде *iR*, то в виде *R*, т. е. записи отражают как формы типа *qot'batil'get*, так и формы типа *qot'batl'get*. Сугубо фонетический характер этого явления очевиден (хотя дистрибуция двух вариантов здесь неясна, так как записи единичны). Можно было бы думать, что *-i-* во варианте *iR* возник вторично в исконном трехконсонантном кластере, образуемом превербом, сонантом претеритно-императивного показателя и начальным согласным ядра (т. е. *qot'batil'get* < *qot'batl'get* etc.). Однако вариант *iR* встречается и в формах с вокалическим началом корня, где *i* уже никак не может быть эпентезой, так как последовательности из двух согласных, которые бы имели здесь место в случае его отсутствия, насколько можно судить, никогда не претерпевали вокалического разбиения (е. г., *aŋ-ba-*

ного окружения этих комплексов. Основанием для такого предположения служит следующий пример. В вещнообъектных формах глагола 'купить' (примеры одушевленнообъектных форм которого приводились выше) комплексы, содержащие сибилант ПМ и показатель претерита-императива, имеют вид *iC*, хотя следуют непосредственно за слогом, содержащим гласный модификатора, который, как можно предполагать, несет основной акцент, е. г. *t-kit-t-i-s'-wät* 'он это купит', *t-kit-t-i-l'-wät* 'он это купил'. Праформы типа **du-kid'-t-i-s-i-bed'*, **du-kid'-t-i-g-i-bed'*, которые, согласно предложенной гипотезе, имели здесь место, должны были бы дать формы типа ***t-kit-t-s'-i-wit*, ***t-kit-t-l'-i-wit*. «Неправильная» редукция старого *iCi* обусловлена здесь, по-видимому, тем, что его левым контекстом является сочетание двух *t* (один из которых принадлежит модификатору, а другой превербу), «блокирующее» ожидаемую редукцию *iCi* > *Ci* (ее результатом были бы недопустимые сочетания типа *ttC*). Подробное описание особенностей редукции **iCi* в специфических контекстах может быть выполнено, конечно, только после дополнительного сбора материала.

ү-і-п-а 'привяжи меня' не может быть рефлексом *аң-ба-к-п-а). Следовательно, в качестве первоначального здесь нужно восстанавливать вариант iR и рассматривать формы типа qot'batl'get как результат редукции.

Вторую группу составляют сложные беспревербные глаголы с ядром bed 'делать'.

Формы презенса-футурума здесь единообразно имеют гласный i в позиции справа от ПМ, е. г. t-hin-s'-i-wit 'он сделает поварешку', t-s'ul'-i-wit (< *du-sul-j-i-bed' — см. 3.1.1.) 'он сделает нарту'.

В формах претерита, напротив, налицо нетривиальная ситуация. Здесь комплекс, содержащий сонант претеритно-императивного показателя, имеет вид в Ri в одних глаголах и вид iR в других. Ср, е. г.:

(1)

[d-]don'-l'-i-wit 'он сделал нож';
[t-]n'an'-l'-i-wit 'он испек хлеб';
t-hin-l'-i-wit 'он сделал поварешку';
t-qot'-l'-i-wit 'он проложил дорогу';
t-qit'-l'-i-wit 'он сделал лук';
d-uj'-l'-i-wit 'он сделал люльку'.

(2)

t-s'ul'-i-l'-wit 'он сделал нарту';
[t-]təjol'-i-l'-wit 'он сделал туес';
d-b'es'am-i-l'-wit 'он сделал заячью шубу';
[t-]tes'-i-l'-wit 'он сделал пим';
d-asl'-i-l'-wit 'он сделал лыжу';
t-haj-i-l'-wit 'он сделал весло'.

Е. А. Крейнович отмечает, что в глаголах, образующих формы претерита типа (1), имеет место одно ударение, «располагающееся на гласном первой основы (т. е. модификатора — *К. Р.*)»,

тогда как глаголы с формами типа (2) «имеют два ударения, располагающиеся на гласном первой основы и на гласном *u* второго компонента (т. е., по-видимому, на *i*, следующем непосредственно за модификатором — *K. P.*)». Таким образом, [d-]dón'-l'-i-wit vs. t-s'ul'-i-l'-wit etc. Данное различие, несомненно, связано с присутствием глоттализиции у гласного модификатора в первом случае и отсутствием ее во втором: ср. do'n' 'нож', n'a'n' 'хлеб', hi'n' 'поврешка', qo't 'дорога', qi't 'лук' etc., но s'ul' 'нарта', təjol' 'туес', bes'am 'заячья шуба', tes' 'пим', asl' 'лыжа', haj 'весло' etc. (наличие/отсутствие глоттализиции в модификаторе влияет также на репрезентацию ПМ в презенсе-футуруме — см. 3.1.1.). Можно предполагать, что первоначально в обоих типах комплекс, содержащий сонант претеритно-императивного показателя, имел вид *iRi*, а затем данная структура > *Ri* или *iR* в зависимости от акцента, т. е., е. г., *dudó(')niribed' > [d]don'l'iwit, но *dusūliribed' > ts'ul'il'wit. Нельзя не обратить внимание на сходство данной ситуации с той, которая наблюдается в формах презенса-футурума и претерита в предыдущей группе.

В формах императива, насколько можно судить по единичным записям, претеритно-императивные показатели имеют здесь вид *R* при *Ri* в претерите (т. е. в глаголах с глоттализицией в модификаторе) и вид *iR* при *iR* в претерите (т. е. в глаголах без глоттализиции в модификаторе), е. г. don'l'git 'сделай нож' (ср. don'l'iwit 'он сделал нож'), но s'ul'il'git 'сделай нарту' (ср. ts'ul'il'wit 'он сделал нарту'). Представляется вероятным, что ранее здесь везде имела место последовательность типа *iR*, а *R* в глаголах с глоттализированным модификатором представляет собой, соответственно, результат редукции (т. е. don'l'git < *do(')niribed).

Посмотрим теперь на результаты анализа обеих групп. В первой группе восстанавливаются структуры типа следующих:

(1)

*du-anij-a-t-i-s-i-bed' 'он о нем подумает' *du-ke(')t-a-k-i-s-i-qut 'он его обижает'

*du-aniŋ-a-t-i-r-i-bed' 'он о нем подумал' *du-ke(')t-a-k-i-r-i-qut 'он
его обижал'
*aniŋ-a-t-i-r-i-bed' 'подумай о нем' *ke(')t-a-k-i-r-i-qut 'обижай
его'
etc.

Структуры, восстанавливаемые во второй группе, выглядят так:

(2)

*du-do(')n-s-i-bed' 'он сделает нож' *du-sul-j-i-bed'
'он сделает нарту'
*du-do(')n-i-r-i-bed' 'он сделал нож' *du-sul-i-r-i-bed'
'он сделал нарту'
*do(')n-i-r-i-bed' 'сделай нож' *sul-i-r-i-bed' 'сделай нарту'
etc.

Можно видеть, что как в первой, так и во второй группе справа от ПМ и слева от сонанта претеритно-императивного показателя располагается гласный *i (*i, локализующийся справа от претеритно-императивного показателя в формах претерита, представляет собой особый гласный, участвующий в различении претерита и императива; что касается *i, предшествующего репрезентующему ПМ сибиланту в презенсно-футурумных формах глаголов группы (1), то это, по всей вероятности, особый элемент, отграничивающий согласный преверба от следующей за ним консонантной морфемы /данный элемент можно рассматривать как входящий в состав преверба/. Представляется оправданным предположение о том, что указанный гласный играет одну и ту же структурную роль в разных формах и группах. Какой статус он может иметь? Сомнительно, чтобы его появление было обусловлено чисто фонетическими причинами: если, к примеру, в случае презенсно-футурумных форм группы (2) такая трактовка возможна (действительно, формы типа *du-do(')n-s-i-bed', *du-sul-j-i-bed' могут быть интерпретированы как воз-

никшие в результате разбиения недопустимых трехконсонантных кластеров в формах типа **du-do(')n-s-bed'*, **du-sul-j-bed'*), то в случае презенсно-футурумных форм группы (1) и претеритных форм обеих групп у нас нет никаких оснований считать последовательности, которые бы имели место при отсутствии рассматриваемого гласного, фонетически недопустимыми (формы типа **du-ke(')t-a-k-i-s-qut*, **du-ke(')t-a-k-r-i-qut*, **du-do(')n-r-i-bed'* etc. вполне могли бы существовать). Поэтому нам кажется корректным интерпретировать рассматриваемый гласный как особый основообразующий элемент, функционально тождественный характеризующему другой тип глаголов маркеру а/о.

Имеются все основания предполагать, что восстанавливаемая для разобранных форм «тематическая» структура не является кетской инновацией и восходит к кетско-югскому периоду.

Системные соображения заставляют нас предположить, что «тематический» облик, тождественный восстанавливаемому для глаголов рассмотренных групп, имел место во всех глаголах аналогичной структуры (т. е. атематических с аффиксацией ПМ), в частности, в простых беспревербных. Действительно, в претеритных и императивных формах этих глаголов сонанту претеритно-императивного показателя предшествует гласный *i* (е. г., кет. *d-i-l-qut* 'он шаманил', *d-i-n-doq* 'он летел', *i-n-doq* 'лети'), а отсутствие *i* в позиции после репрезентирующего ПМ *j* в презенсно-футурумных формах может быть результатом его выпадения, обусловленного безударной позицией (т. е. кет. *du-j-qut* 'он шаманил' < **du-j-i-χut* etc.). Именно наличием **i* в позиции после *j* в указанных формах объясняется, по-видимому, падение последнего перед зубным в кетском (см. 3.1.1.), т. е., е. г., кет. *du-doq* 'он летит' (< **du-i-doq*) < **du-j-i-doq* (> юг. *du-j-dəχ* 'он летит').

Можно, далее, выдвинуть гипотезу о том, что все кетско-югские атематические глаголы ранее имели маркер основы **i*; его выпадение, произошедшее во многих формах, объясняется, по-видимому, безударной позицией (ср. историю форм, разобранных выше, а также, например, выпадение *i* в объектных показа-

телях — см. Приложение 4). В пользу такой гипотезы говорит (помимо результатов, представленных выше) целый ряд фактов, устанавливаемых при анализе самых разных атематических форм. Упомянем здесь лишь два самых характерных.

В атематических глаголах сонант претеритно-императивного показателя в большинстве случаев имеет в качестве левого контекста гласный *i* (синхронно этот гласный удобно рассматривать как входящий в состав претеритно-императивного показателя — см. выше).

Можно с уверенностью утверждать, что в презенсно-футурных атематических формах с маркером вещного субъекта *b* и в аналогичных формах с маркером вещного объекта *b'* при консонантном начале ядра в позиции после указанных маркеров в кетском и югском располагается редуцированный гласный (редукция, как можно предполагать, произошла здесь еще в кетско-югский период). На это указывает довольно большое количество как кетских, так и югских записей разного времени, отражающих наличие в позиции после *b*(*'*) гласного неясного качества, е. г. кет. *ди-в-и-тэт* 'тоlochь (это)' (корректный перевод — 'я это толку'), *ди-в-е-рег* 'читаю' [Вернер 1993], *dī-b-o-ǵedi* 'строгаю', *dī-b-e-ǵoa* 'лижу', *dī-b-e-ǵät* 'ищу', *dī-b-e-dädi* 'читаю', *dī-b-e-tät* 'толку' (Кастрен), *ди:-в-ъ-рънг* 'мну это', *ди-б-о-Үо* 'объедаю, облизываю это' [Дульзон 1968] — здесь записи *o*, *e*, *ъ* и *и* передают, по-видимому, один и тот же краткий гласный, принимающий различное качество в зависимости от окружения. Велико количество записей, в которых рассматриваемый гласный не отражен; это, однако, может объясняться как его выпадением, так и отсутствием фиксации. Показательно, что в кетском в тех формах, где этот гласный исчез (или не отражен в записи), на его (глубинное) присутствие указывает интервокальная рефлексация шумных смычных в кластерах, образуемых губным аффикса и начальным согласным ядра: **k* и **q* (а в южнокетском и севернокетском — также **b* и **d*) здесь дезокклюзивизированы (е. г. суломайск. *du-b-kal* 'он это воюет (завоевывает)' = [du-w-ʁal], *du-b-qid* 'он это скоблит' = [du-w-Rit], *du-b-ded* 'он это

считает' = [du-w-rit]), а *р дает нулевой рефлекс (е. г. du-b-э 'он это вьет', ср. Нэ /<*рэ/ 'вить'). Представляется несомненным, что этот гласный является рефлексом тематического *i (т. е. du-w-yał < *du-b-i-kal etc.).

Таким образом, мы постулируем для кетско-югских атематических глаголов историческую *i-основу. Судя по имеющимся данным (см. выше), маркер *i занимал позицию после ПМ и после показателей b и b', но перед показателями претерита-императива. Заметим, что такая позиция тематического *i предполагает его позицию левее показателей прямого объекта 1-го — 2-го л., т. к. последние располагаются после показателей претерита-императива (см. 1.6), т. е. можно, в частности, предполагать старые презенсно-футурумные формы типа *di-i-di-duk 'я подвинусь' > кет. di-d-duk.

Таким образом, исторически противопоставление тематического и атематического типов в кетско-югском интерпретируется как противопоставление двух типов, характеризовавшихся двумя разными тематическими гласными — а/о и *i.

По-видимому, можно утверждать, что в тематических формах, характеризующихся аффиксацией в позиции после тематического а/о показателя b(') и консонантным началом ядра, показатель b(') исторически имеет в качестве непосредственного правого контекста гласный *i (т. е., е. г., кет. d-a-b-doH 'я это пью' < *d-a-b-i-dop, t-a-b-qot 'это лежит' < *t-a-b-i-qot etc.). Его рефлексами являются просматривающийся по некоторым записям редуцированный гласный в формах презенса-футурума (е. г., кет. т-а-б-о-Үот 'лежит это', д-а-в-ъ-ро 'я это стригу' [Дульзон 1968], кет. k-ā-b-e-tat 'скоблю', юг. d-ā-b-e-doa 'стригу' [Castién 1858], где о, ь и е отражают, по-видимому, один и тот же краткий гласный, принимающий различное качество в зависимости от окружения — ср. ситуацию в атематических формах), а также гласный ī, фигурирующей в некоторых из зафиксированных М. А. Кастреном старокетских и югских претеритных форм (е. г., кет. d-eŋ-a-b-ī-l-e-ti 'я это царапал', юг. d-ut'-a-b-ī-r-tui 'я это

повесил?; синхронно данный гласный, как и в атематических формах, удобно относить к показателю претерита-императива — см. выше).

4.1.2. Коттская система

Большинство коттских глаголов характеризуется наличием в составе основы особого гласного, функция которого может быть определена как собственно основообразующая и который, таким образом, может быть назван маркером основы, или тематическим гласным; в отличие от кетско-югского, где выделяется только два таких маркера, в коттском их насчитывается несколько. Имеется также небольшая группа глаголов, основу которых на синхронном уровне кажется наиболее адекватным интерпретировать как лишенную каких-либо специальных маркеров. Таким образом, оказывается необходимым различать коттские глаголы по особому признаку, который можно условно обозначить как тип основы (ср. аналогичное решение в случае кетско-югского). Типы, характеризующиеся наличием тематического гласного, можно назвать тематическими, а тип, характеризующийся отсутствием вокалической маркировки основы — атематическим или \emptyset -типом.

Устанавливается следующий инвентарь маркеров основы (отличных от нулевого):

- 1) маркер, представленный морфом *a* в формах презенса-футурума и императива и морфом *o* в формах претерита;
- 2) маркер, представленный морфом *o* в формах презенса-футурума и претерита и морфом *a* в формах императива;
- 3) маркер, представленный морфом *a* во всех формах;
- 4) маркер, представленный морфом *e* во всех формах.

Типы основ, характеризующиеся этими маркерами, будут обозначаться нами соответственно как *a/o*-тип, *o/a*-тип, *a*-тип и *e*-тип.

Приведем примеры на каждый из данных типов.

а/о-тип

ičan-th-ā-če-aŋ 'я (это) почию' ičan-th-ō-l-a-če-aŋ 'я (это) починил' ičan-th-ā-l-čex 'почини (это)';
d'-a-xa-j-aŋ 'я умру' o-n-xa-j-aŋ 'я умер' a-n-xa 'умри';
hanpen-ā-k-ŋ 'я молюсь' hanpen-o-l-ōk-ŋ 'я молился' hanpen-ā-l-č-ek 'молись'.

о/а-тип

d'-ō-ki-aŋ 'я (это) гну' d'-ō-n-a-ki-aŋ 'я (это) гнул' d'-a-n-ki 'гни (это)';
hāraŋ-ō-če-aŋ 'я (это) обтешу' hāraŋ-ō-l-a-če-aŋ 'я (это) обтесал' hāraŋ-ā-l-čex 'обтеши (это)';
ō-fi-aŋ 'я (это) погашу' ō-l-a-fi-aŋ 'я (это) погасил' a-l-fi 'погаси (это)'.

а-тип

[a] ā-rēj-aŋ 'я [его] гоню' [a] ā-l-a-rēj-aŋ 'я [его] гнал' [a] ā-l-rei 'гони [его]';
b-a-kīt-aŋ 'я это тру' b-a-l-a-kīt-aŋ 'я это тер' a-l-kīt 'три это';
d'-a-theŋ-aŋ 'я гремлю' a-l-a-theŋ-aŋ 'я гремел' a-l-theŋ 'греми';
d'-a-š-thi-aŋ 'я (это) солю' d'-a-l-a-thi-aŋ 'я (это) солил' d'-a-l-thi 'соли (это)';
ki-th-a-ča-ra-j-aŋ 'я плачу' ki-th-a-l-a-ra-j-aŋ 'я платил' ki-th-a-l-a 'плати'.

е-тип

h-e-'ūt-aŋ / h-ē-'ut-aŋ 'я влезу' h-ē-n-a-'ut-aŋ 'я влез' h-ē-n-č-ut 'влезь';
ak-t-ē-č-uj-aŋ 'я (это) рассыпаю' ak-t-ē-l-uj-aŋ 'я (это) рассыпал' ak-t-ē-l-č-u 'рассыпай (это)';
b-ē-garā 'это течет' b-ē-l-a-garā 'это текло'.

Приведем теперь примеры на атематический тип.

a-š-č-ai 'взойдет (о солнце)' aš-n-ai 'взошло (о солнце)';
akŋu-š-thi-aŋ 'я (это) ломаю' akŋu-l-thi-aŋ 'я (это) ломал' akŋu-l-thi 'ломай (это)';
u-č-ik-ŋ 'я (это) пихаю' u-l-ik-ŋ 'я (это) пихал' u-l-č-ik 'пихай (это)'.

В первых двух типах (а/о и о/а) тематические гласные, как можно видеть, плеонастически маркируют время (в а/о-типе) и наклонение (в о/а-типе).

Атематический тип можно было бы рассматривать как «производный»: действительно, ноль на месте тематического гласного здесь вполне может быть результатом выпадения последнего (т. е., например, а-š-č-ai < а-š-V-č-ai, аš-n-ai < аš-V-n-ai, акпу-š-thi-aŋ < акпу-V-š-thi-aŋ, акпу-l-thi-aŋ < акпу-V-l-thi-aŋ etc.). В плане диахронии подобные интерпретации весьма перспективны, однако при синхронном описании, по-видимому, лучше все же рассматривать атематический тип как «равноправный» по отношению к тематическим: неясно, разновидностью какого из тематических типов он должен быть сочтен (какие-либо произвольные или спекулятивные решения на этот счет могут в дальнейшем затруднить диахронический анализ или же просто сделать его результаты неверными).

Тематические гласные а/о и о/а стандартно передаются в записях как долгие, краткость налицо в основном при долгом гласном в следующем слоге — по-видимому, в результате диссимилятивного сокращения, хотя и в этом случае иногда фиксируется долгота; то же самое в целом наблюдается и при е-основе (феномен диссимиляции двух долгих в коттском и нерегулярность его фиксации уже отмечались — см. [Старостин Г. 1995, 125]). Что касается тематического а, то он, наоборот, в большинстве случаев передается как краткий, хотя в ряде глаголов отмечается и долгота (причем здесь фонетическое распределение уже не устанавливается)²².

²² В [Старостин Г. 1995: 125] делается вывод, что запись долготы гласных в кастреновских материалах по коттскому глаголу была более или менее произвольной (и, следовательно, ее можно в основном игнорировать). Нельзя не согласиться с тем, что в передаче количественных характеристик гласных коттских глагольных словоформ у М. А. Кастрена довольно много непоследовательностей и неясностей, и было бы опрометчиво, переоценивая качество соответствующих записей, основывать на них какие-либо нетривиальные построения. С

В ряде контекстов тематические гласные претерпевают определенные фонетические изменения. В формах прошедшего времени перед показателями претерита-императива *j* и *r* (о выражении прошедшего времени и повелительного наклонения в котгском см. [Старостин Г. 1995: 130—131; 136—138]) тематический *o* в *a/o*- и *o/a*-типах > *u*, е. г. *ač-ā-'u-i-thak-ŋ* (= *ač-ā-'u-j-thak-ŋ*) 'я его пугал' < **ač-ā-'o-j-V-thak-aŋ* (*ač-ā-'ā-thak-ŋ* 'я его пугаю', *ač-ā-'a-i-thax* 'пугай его'); *ač-ā-th-ū-r-ta-j-aŋ* 'я его ударил' < **ač-ā-th-o-r-V-ta-j-aŋ* (*ač-ā-th-ā-ta-j-aŋ* 'я его ударю'); *f-u-i-tek-ŋ* (= *f-u-j-tek-ŋ*) 'я стрелял' < **f-o-j-V-tek-aŋ* (*f-ō-tek-ŋ* 'я стреляю', *f-a-j-ek* 'стреляй'); для сочетания с *j* засвидетельствован также другой вариант развития с сохранением *o*. См. также [Старостин Г. 1995: 133—134].

В превокальной позиции тематический маркер в *a*-типе — по крайней мере в тех глаголах, где он передан как краткий — представлен нулевым морфом, что, очевидно, имеет причиной падение гласного перед гласным, е. г. *a-n-ī-g-rap-aŋ* 'я сел', *a-n-om-rap-toŋ* 'мы сели' (где *a-* — тематический гласный), но *ī-g-rap-aŋ* 'я сяду', *om-rap-toŋ* 'мы сядем' — вероятно, < **a-i-g-rap-aŋ*, **a-oŋ-g-rap-an-toŋ* (пример из области рефлексивных глаголов — см. 2.1.2.). В *a/o*- и *o/a*-типе при сочетании тематического гласного с последующим корневым, по-видимому, имеет место обратное: тематический гласный сохраняется, а корневой выпадает, е. г. *th-o-l-ōŋ-aŋ* 'я (это) видел', *th-ā-l-aŋ* (< **th-a-l-oŋ*) 'видь (это)', но *th-ā-ŋ-aŋ* < **th-a-oŋ-aŋ* 'я (это) вижу'; *o-l-ār-aŋ* 'я (это) пил', *a-l-č-er* (< **a-l-č-ar*) 'пей (это)', но *ō-p-aŋ* < **ō-ar-aŋ* 'я (это) пью'.

Необходимо отметить также нетривиальные морфонологические особенности тематических гласных, проявляющиеся при сочетании с последующим показателем претерита-императива, представленным фонемой *j*. В четырех глаголах (три из которых

другой стороны, считать эти записи совершенно ненадежными и нерелевантными было бы также ошибочным — в частности, отмеченная закономерность в отношении долготы/краткости тематических гласных *a/o*, *o/a* и *e* явно существует и действует на всем материале.

относятся к а/о-типу, а один к о/а-типу) сочетание тематического гласного в ступени а с претеритно-императивным j, имеющее место в императиве, не претерпевает никаких изменений, т. е. налицо последовательность а-j (в записи ai): ак-f-ā-tek-ŋ 'я (это) поставлю', ак-f-u-i-tek-ŋ < *ак-f-o-j-V-tek-aŋ 'я (это) поставил', ак-f-a-j-ek 'поставь (это)'; ēn-eŋ-a-i-še 'я забуду', ēn-uŋ-u-i-še < *ēn-aŋ-o-j-V-še 'я забыл', en-u-a-i-še 'забудь' (другие два глагола — 'пугать' и 'стрелять', см. их формы выше при описании развития о > u в претерите). Однако императивные формы двух глаголов, демонстрирующих в презенсно-футурумных и претеритных формах нормальную а/о-основу и образующих претерит посредством j, на месте ожидаемого а-j имеют i: h-i-pit 'дави' — претерит h-u-i-pit-aŋ (= *h-u-j-pit-aŋ < *h-o-j-V-pit-aŋ) 'я давил' (презенс-футурум h-a-ča-pit-aŋ 'я давлЮ') и i-g(-)i 'тяни это' — претерит b-u-i-ru-j-aŋ (= b-u-j-ru-j-aŋ < *b-o-j-V-ru-j-aŋ) 'я это тянул' (презенс-футурум b-a-ru-j-aŋ 'я это тяну')²³. Кроме того, еще в двух глаголах i на месте тематического а, наблюдаемого в формах презенса-футурума, налицо не только в императиве, но и в претерите: d'-a-čōk-ŋ 'я зайду', ī-čōk-ŋ 'я зашел', ī-čōx 'зайди'; at-p-āk-ŋ 'я это вылью', at-p-i-ak-ŋ 'я это вылил', at-i-ax 'вылей это'. На первый взгляд, последний случай уже совершенно неясен — что это за тип образования претерита и императива и какие тематические характеристики должны быть приписаны данным двум глаголам? Поскольку в случае глаголов 'давить' и 'тянуть' в отношении i, появляющегося в формах императива, можно

²³ В императиве глагола 'тянуть', по-видимому, представлен результат каких-то нетривиальных фонетических изменений в корне (не исключен также супплетивизм; на синхронном уровне он, вероятно, должен быть постулирован в любом случае): налицо соотношение «-ru(-j-) в презенсе-футуруме и претерите — -g(-)i в императиве» (см. об этом [Старостин Г. 1995: 138]); наших гипотез по этому поводу мы здесь излагать не будем, так как данный феномен в общем не относится к кругу проблем, которым посвящена настоящая статья (детальному анализу морфологии коттского глагольного корня и ее исторической интерпретации должна быть посвящена отдельная работа).

предполагать, что он замещает сочетание тематического гласного с последующим *j* (в претерите данных глаголов представлен *j*, а в императиве стандартно бывает тот же показатель, что и в претерите), логично предположить то же самое и для *i*, наблюдаемого в претерите и императиве глаголов 'зайти' и 'вылить', и интерпретировать их, таким образом, как особый класс глаголов, образующих претерит и императив с помощью *j*. В 'давить' и 'тянуть' сочетание, на месте которого появляется *i*, должно было бы выглядеть как *a-j* (так как показатель претерита-императива всегда расположен после тематического гласного, а в императиве глаголов с *a/o*-основой тематический гласный регулярно выступает в ступени *a* (см. выше аблаутные типы маркеров основы) — ср. сочетание *a-j* в императивных формах других глаголов с *a/o*-основой и показателем *j*). Если принять, что в глаголах 'зайти' и 'вылить' имеет место аналогичная ситуация, т. е. формы типа *i-čōk-ŋ* и *i-čōx* как бы замещают формы типа **a-j-čōk-ŋ* (< **a-j-V-čōk-ŋ*) и **a-j-čōx*, то мы получим глагол с *a*-основой (см. выше)²⁴. В итоге можно сказать, что при *a/o*-основе сочетание ступени *a* с претеритно-императивным *j* реализуется как *a-j* в одних случаях и как *i* в других, причем распределение между этими вариантами является, вероятно, лексическим (в принципе, при строгом формальном описании это должно имплицировать выделение двух, а не одного *a/o*-типа — типа с *a-j* в императиве и типа с *i* в императиве, однако при подаче коттских данных в рамках настоящей статьи такое разделение нами отражаться не будет ввиду скудости соответствующего материала, а также ввиду диахронического характера нашей работы), а при *a*-основе сочетание тематического *a* с *j* в претерите и императиве в двух случаях реализуется как *i* (других примеров, которые каким-либо образом отражали бы аффиксацию претеритно-императивного *j* при *a*-основе, к сожалению, не засвидетельствовано).

²⁴ Подчеркнем, что изложенное решение относительно тематической характеристики является сугубо синхронным.

Подчеркнем, что никаких фонетических правил, которые бы обуславливали выбор того или иного типа основы, установить не удастся. Что касается возможного семантического распределения рассматриваемых типов, то мы можем констатировать (на основании фронтального анализа всего материала), что такого распределения также не существует, хотя в отношении о/а-типа наблюдаются специфические закономерности семантического и морфотактического порядка: во-первых, глаголы этого типа в подавляющем большинстве случаев являются транзитивными (при том, что обратное неверно, т. е. транзитивные глаголы могут характеризоваться любым типом), во-вторых, в них никогда не встречаются показатель объекта вещного класса *b'* и показатель субъекта вещного класса *b*, а также формант *d'/š/č/ča* (см. 2.1.2. и 3.1.2.). Историческое соотношение этих типов друг с другом (как и причина указанных закономерностей, характеризующих о/а-тип) раскрывается только в свете внешних данных.

4.2. Реконструкция праенисейской системы

Материал, представленный в пунктах 4.1.1. и 4.1.2., как кажется, достаточен для того, чтобы поставить вопрос о реконструкции типов глагольных основ в праенисейском. Задача установления соответствий между кетско-югскими и коттскими типами основ связана, однако, со значительными трудностями: во-первых, кетско-югская и коттская системы обнаруживают довольно мало общего (ср. а/о-тип vs. *i-тип в кетско-югском и а/о-тип vs. о/а-тип vs. а-тип vs. е-тип vs. Ø-тип в коттском), во-вторых, в качестве маркеров основы выступают гласные, а вокалические соответствия в многосложных словоформах (каковыми часто являются глагольные) нам почти неизвестны, в-третьих, в данном случае при этимологическом отождествлении мы не можем опираться на семантику сравниваемых морфем, так как у маркеров основы она отсутствует. В таких условиях информацию приходится извлекать прежде всего из материала

этимологически тождественных парадигм (т. е. парадигм, в отношении которых можно предполагать непосредственное происхождение из общего праенисейского источника). Ниже демонстрируются устанавливаемые нами соответствия и делается попытка их интерпретации.

1) Кет.-юг. а/о-тип (тематический) — котт. а/о-тип.

Правомерность данного сближения удостоверяется тремя рядами этимологически связанных парадигм:

1)	кет.	юг.	котт.
	d-daq-ij (<*du-d'ax-a-/i/j >)	d-d'ax-ej	čak-ā-x 'он смеется'
	'он смеется'	'он смеется'	
	d-daq-o-l-ij 'он смеялся'	d-d'ax-ɔ-r-ej	čak-ō-l-ax 'он смеялся'
		'он смеялся'	
	daq-a-d-ij (<*d'ax-a-r-d'-/i/j >)	d'ax-a-d'-i	čak-ā-l-č-i 'смейся'
	'смейся'	'смейся'	
2)	кет.	юг.	котт.
	d-iq-aq	d-ief-aq	īgrig-ā-k 'он днюет'
	'он будет дневать'	'он будет дневать'	
	d-iq-o-n-aq	d-ief-ā-n-aq (= d-ief-o-	īgrig-o-l-ō-k
	'он дневал'	n-aq) 'он будет дневать'	'он дневал'
		ief-ā-n-d'-aq 'днюй'	īgrig-ā-l-č-ek 'днюй'
3)	кет.	юг.	котт.
	d-a-t-oŋ (< *du-a-t-a-oŋ >)	d-a-t-oŋ	[a] th-ā-ŋ (< *a th-a-oŋ)
	'он его видит'	'он его видит'	'он [его] видит'
	d-a-t-o-l-oŋ	d-a-t-ɔ-r-oŋ	[a] th-o-l-ōŋ
	'он его видел'	'он его видел'	'он [его] видел'

Реконструкция не вызывает трудностей: для ПЕ однозначно восстанавливается тип с аблаутным тематическим гласным, имею-

щим ступень *а в презенсе-футуруме и императиве и ступень *о в претерите.

II) Кет.-юг. а/о-тип — котт. о/а-тип.

Это соответствие устанавливается по следующим случаям (к реконструкции кет.-юг. форм презенса-футурома см. 4.1.1.):

4)	кет.	КОТТ.
	d-H-a-b-daɣ (< *du-f-a-b-i-daɣ > ‘он стреляет’)	f-ō-tek ‘он стреляет’
	d-H-o-g-daɣ (< *d-h-o-b-i-g-daɣ ²⁵ > ‘он стрелял’)	f-u-i-tek (< *f-o-j-V-tek > ‘он стрелял’)
	H-a-g-daɣ ‘стреляй’	f-a-j-ek (< *f-a-j-tek > ‘стреляй’)

5)	кет.	юг.	КОТТ.
	d-eŋ-a-b-ti (< *du-eŋ-a-b-i-t'i > ‘он это царапает’)	d-eŋ-ā-p-t'i ‘он это царапает’	e-aŋ-ō-ši ‘он (это) царапает’
	d-eŋ-o-b-i-l-ti ‘он это царапал’	d-eŋ-ɔ-b-i-r-t'i ‘он это царапал’	e-aŋ-ō-l-a-ši ‘он (это) царапал’
		eŋ-a-t'i (< *eŋ-a-r-t'i > ‘царапай это’)	e-aŋ-ā-l-ši ‘царапай (это)’

6)	кет.	КОТТ.
	d-a-b-oH ‘он это пьет’	ō-p ‘он (это) пьет’
	d-o-b-l-oH (Дульзон: добълоп) ‘он (это) пил’	ō-l-ār ‘он (это) пил’
	a-d-oH (< *a-r-d'-op > ‘пей’)	a-l-č-ep ‘пей’

²⁵ Ср. (Кастрен) hōbegdaġ ‘я стрелял’.

7)	кет.	юг.	кott.
	d-it-a-b-Hil (< *du-it'-a-b-i-fil >)	d-it'-ā-p-pil	o-fül
	‘он это повернет’	‘он это вертит’	‘он (это) вертит’
	d-it-o-b-i-n-Hil	d-it'-ō-b-e-n-fil	ō-l-a-fül / ō-n-a-fül
	‘он это повернул’	‘он это вертел’	‘он (это) вертел’
		it'-a-n-fil	a-l-ful / a-n-ful
		‘верти это’	‘верти (это)’
8)	кет.		кott.
	d-a-b-bed (< *du-a-b-i-bed')		ō-ра ‘он (это) чистит’
	‘он это вытрет’		ō-l-a-ра ‘он (это) чистил’
			ā-l-a ‘чисти (это)’
9)	кет.	юг.	кott.
	a-k-a-b-de (< *a-k-a-b-i-de >)	a-g-ā-b-de	[a] h-ō-ti
	‘он это слышит’	‘он это слышит’	‘он слышит’
	a-k-o-b-i-l-de	a-g-ɔ-b-i-r-de	[a] h-ō-l-a-ti
	‘он это слышал’	‘он это слышал’	‘он слышал’

В случае 7 (‘поворачивать/вертеть’) в кетском и югском налицо вторичное модификаторное распространение основы; интересно отметить, что у кет.-юг. ‘пить’ (случай 6) есть вариант с ядром *-dop (а не -op): кет. d-a-b-doH, юг. d-ā-b-dɔp — ср. сходный феномен в случае кет. d-ki-s-duH ‘я накрываю’, d-ki-l-duH ‘я накрыл’ ~ юг. (Кастрен) kī-s'-ūf ‘я накрываю’, kī-r'-ūf ‘я накрыл’, (где в кетском налицо ядро duH при юг. ūf), а также в случае записанной М. А. Кастреном парадигмы старокетского глагола ‘петь’, где корневой (или прекорневой, но не вписывающийся в аффиксальную структуру) d- присутствует в одних формах и отсутствует в других: dī-b-il ‘я пою’, kū-b-il ‘ты поешь’, dū-b-il ‘он поет’,

dū-b-īl'-eŋ-en 'они поют', но dī-b-i-d(-)īl'-eŋ-en 'мы поем', kū-b-i-d(-)īl'-eŋ-en 'вы поете' (второй пример тем интереснее, что ни в кетских материалах, относящихся к более позднему времени, ни в югском в соответствующем глаголе ничего подобного не наблюдается: ср. кет. du-b-il 'он поет', du-b-il-in 'они поют' и точно так же di-b-il-in 'мы поем', ku-b-il-in 'вы поете', юг. du-b-ir 'он поет', du-b-ir-iŋ-in 'они поют' и точно так же di-b-ir-iŋ-in 'мы поем' и ku-b-ir-iŋ-in 'вы поете').

При том, что в каждом из данных шести случаев у нас есть все основания рассматривать кетско-югскую и коттскую парадигмы как этимологически тождественные, т. е. непосредственно восходящие к одной и той же праенисейской парадигме, во всех пяти примерах налицо одно расхождение в аффиксальной структуре: в кетско-югском здесь имеет место аффиксация объектного показателя b' или (в случае 'слышать') субъектного показателя b, соответствия которым в коттском отсутствуют. Выше мы установили, что кетско-югские b' и b восходят соответственно к праенисейским *w' и *w (см. 2.2.2. и 2.2.1.). Учитывая это, мы можем предложить следующую интерпретацию соответствия тематических гласных.

Праенисейские парадигмы, рефлексами которых являются парадигмы типа вышеприведенных, имели *a/o-основу и при этом характеризовались аффиксацией объектного *w' (в субъектно-объектных глаголах) или (в глаголах типа 'слышать') субъектного *w (имевших в качестве правого контекста некоторый гласный, давший *i в кетско-югском), которые располагались непосредственно после тематического гласного. В кетско-югском *w > b; в коттском *w выпал, однако именно его наличие обусловило здесь лабиализацию предшествовавшего ему тематического *a в формах презенса-футурума (тогда как в императиве глаголов с *w' тематический *a сохранился, потому что *w' здесь отсутствовал ввиду элиминации, закономерной для императивных форм — см. 2.2.2.). Таким образом, е. г., пе. *eŋ-o-w-V-r₁-V-č_i-du 'он это царапал' > кет. d-eŋ-o-b-i-l-ti, юг. d-eŋ-ɔ-b-ī-r-t'i,

котт. eaŋ-ō-l-a-ši; пе. *eŋ-a-w-V-či-du 'он это царапает' > кет. d-eŋ-a-b-ti, юг. d-eŋ-ā-p-t'i, котт. *eŋ-o-w-V-ši > eaŋ-ō-ši.

Если предложенная интерпретация верна, то нужно говорить, что коттский о/а-тип является фонетически обусловленной инновацией, возникшей в одном из классов парадигм с исторической *а/о-основой.

Имеется два факта, которые можно привести в качестве контраргументов против данной гипотезы.

В двух случаях кетско-югскими параллелями коттских глаголов с о/а-основой оказываются глаголы с а/о-основой, не принимающие лабиального аффикса: ср. кет. d-həleŋ-a-seŋ, юг. d-fləleŋ-a-sieŋ 'он шьет', кет. d-həleŋ-o-n-seŋ, юг. d-fləleŋ-o-n-sieŋ 'он шил', кет. həleŋ-a-n-seŋ, юг. fləleŋ-a-n-sieŋ 'шей' — котт. falaŋ-ō-ši 'он (это) шьет', falaŋ-ō-l-a-ši 'он (это) шил', falaŋ-ā-l-ši 'шей (это)' и кет. d-ul-a-kŋ 'он (это) моет', d-ul-o-l-kaŋ 'он (это) мыл' — котт. uŋ-ō-kī 'он (это) моет', uŋ-ō-l-a-kī 'он (это) мыл', uŋ-a-l-kī 'мой (это)'.³

Предполагаемая рефлексация праенисейского *-w- в виде кет.-юг. -b- и котт. -∅- нерегулярна с точки зрения правил, установленных в [Старостин 1982]: интервокальными рефлексамии *w там считаются кет.-юг. -∅- и котт. -p-.

Эти факты, на наш взгляд, вряд ли можно рассматривать как решающие. Расхождение в структуре кетско-югских и коттских парадигм в случаях 'шить' и 'мыть' вполне может быть как следствием модификации в одном из языков (речь может идти, в частности, о вторичной аффиксации *w или поздней смене типа основы в коттском), так и отражением колебаний на праенисейском уровне. Что касается рефлексации *w, то здесь, скорее всего, нужно говорить не о двух противоречащих друг другу классах случаев, а о рефлексации *-w- > кет.-юг. -∅-/-b-, котт. -p-/-∅- с дистрибуцией, трудноопределимой ввиду скудости материала (рефлексация *-w(-) > кет.-юг. ∅, котт. p устанавливается всего по трем случаям, см. [Старостин 1982: 146—147] и [Старостин 1995: 241], статья *ku'w 'уголь').

Принимая гипотезу о том, что коттские глаголы о/а-типа в стандартном случае содержат исторический *w', мы получаем возможность объяснить нетривиальные характеристики этих глаголов, отмеченные в 4.1.2.

Транзитивность этих глаголов совершенно элементарно объясняется объектной семантикой *w' (поскольку это показатель объекта вещного класса, то все глаголы о/а-типа должны семантически допускать вещный объект — и действительно, при фронтальном просмотре материала такая закономерность обнаруживается)²⁶.

Невозможность появления в этих глаголах показателя вещного объекта b' также находит естественное объяснение: b', как мы знаем, восходит к *w' (см. 2.2.2.), и, следовательно, не может появляться там, где *w' дает нулевой рефлекс.

Что касается запрета на аффиксацию в о/а-глаголах показателя вещного субъекта b и форманта d'/š/č/ča (ПМ — см. 3.1.2.), то он тоже становится ясным: как *w, из которого происходит b (см. 2.2.1.), так и ПМ могут фигурировать только при отсутствии в словоформе *w' (см. 6. и 3.2.).

III) Имеется также один случай прямого соответствия кетской тематической парадигмы коттской парадигме с а-основой:

²⁶ Правило транзитивности глаголов о/а-типа знает лишь единичные исключения. Впрочем, в случаях, о которых идет речь, на самом деле имеет место семантика, амбивалентная по отношению к транзитивности/интранзитивности: это глаголы 'опоясываться', 'одеваться' и 'накрываться' (f-ō-tāk-ŋ 'я опоясываюсь', ačal-th-ō-tt-aŋ 'я одеваюсь', d'uŋ-ō-tt-aŋ 'я накроюсь'): ясно, что они (по крайней мере исторически) вполне могут иметь значения типа 'надевать на себя (пояс, одежду)', 'класть что-то на себя'. Заведомое отсутствие транзитивной семантики налицо только в случае глагола 'дойти' (h-ō-tt-aŋ 'я дойду') — если только он не означает на самом деле 'достигать' (ср. немецкий перевод 'erreichen' в [Castrén 1858]). Однако в этом случае может иметь место та же ситуация, что в кетских и югских глаголах, являющихся семантически интранзитивными, но аффилирующих внешнеобъектный b' (типа d-es-k-a-b-is 'я еду вверх по реке', d-es-k-o-m-n-is 'я доехал до места вверх по реке').

10)	кет.	котт.
	d-es-o-k-uj 'он его зовет'	ač-ā-'ā-x 'он его зовет'
	d-es-o-k-o-l-ij 'он его звал'	ač-ā-'ā-l-ax 'он его звал'
	es-o-k-a-d-ij (< *es-o-k-a-r-d'-/i/j) 'зови его'	ač-ā-'ā-l-č-e 'зови его'

Теоретически для соответствующей праенисейской парадигмы можно восстановить либо безаблаутный маркер *а (предполагая аналогический переход в а/о-тип в кетском), либо, напротив, опять-таки *а/о, объяснив каким-то образом утрату аблаута (т. е., собственно, делабиализацию *о претеритных форм) в коттском. Какой из этих вариантов должен быть выбран? Можно заметить, что в коттских претеритных формах тематический гласный находится в специфической позиции, а именно в анлауте²⁷ в открытом слоге перед сонантом. Случаи наличия в этой позиции тематического о в коттском нам неизвестны, если не считать принадлежащих к парадигмам с о/а-основой форм типа \bar{o} -l-a-fül, где, однако, исторически имеет место позиция о не перед сонантом, а перед *w (см. выше обсуждение соответствия кетско-югской а/о-основы коттской о/а-основе). Таким образом, для коттской парадигмы возможно предположение о делабиализации *о претеритной ступени в позиции #_RV- при исторической *а/о-основе.

IV) Кет.-юг. *i-тип (> атематический) — котт. а-тип.

Примеров на данное соотношение насчитывается довольно много. Ниже приводятся все соответствующие сближения, кажущиеся нам наиболее надежными (кетско-югские праформы с восстанавливаемым тематическим *i даются в соответствии с результатами внутренней реконструкции, изложенными в 4.1.1.).

²⁷ Позиция после объектного показателя здесь является анлаутной, так как коттские объектные показатели представляют собой клитики (см. 2.1.2.).

11)	юг.	КОТТ.	
	du-j-d'am (< *du-j-i-d'am) 'он лает'	d'-a-čam 'он лает'	
	d-i-r-d'am (< *du-i-r-V-d'am) 'он лаял'	a-l-a-čam 'он лаял'	
	i-d'am (< *i-r-d'am) 'лай'	a-l-čam 'лай'	
12)	юг.	КОТТ.	
	du-j-t̄er (< *du-j-i-tV̄Vr) 'он мерзнет'	d'-a-t̄ol 'он мерзнет'	
	d-i-n-t̄er 'он мерз'	a-n-a-t̄ol 'он мерз'	
	i-n-t̄er 'мерзни'		
13)	кет.	юг.	КОТТ.
	du-den (< *du-j-i-d'en >) 'он плачет'	du-j-d'e 'он плачет'	d'-a-čen 'он плачет'
	d-i-l-den (< *du-i-r-V-d'en >) 'он плакал'	d-i-r-d'e 'он плакал'	a-l-a-čen 'он плакал'
	i-den (< *i-r-d'en >) 'плачь'	i-d'e 'плачь'	a-l-čen 'плачь'
14)	кет.	КОТТ.	
	d-kit-ti-s-bed (< *du-kid'-t-i-s-i-bed') 'он (это) купит'	ki-th-a-ča-ra 'он платит'	
	d-kit-t-i-l-bed (< *du-kid'-t-i-r-V-bed') 'он (это) купил'	ki-th-a-l-a-ra 'он платил'	
	kit-t-i-l-ged (< *kid'-t-i-r-bed') 'купи (это)'	ki-th-a-l-a 'плати'	

15)	кет.		КОТТ.
	d-a-s-s-i-bil (< *d-a-t-i-s-i-bil)		[a] th-a-ča-pīl
	‘он его догонит’		‘он [его] догонит’
	d-a-t-i-n-bil (< * d-a-t-i-n-V-bil)		[a] th-a-l-a-pīl
	‘он [его] догнал’		‘он [его] догнал’
	a-t-n-il (< *a-t-ŋ-il < *a-t-i-n-gil < *a-t-i-n-bil) ‘догони его’		[a] th-a-l-pil
			‘догони [его]’
16)	юг.		КОТТ.
	d-kī-d’īp (< *d-kī-s-d’īp < *du-k-i-s-i-d’īp) ‘он (это) закрывает’		h-a-čīp
			‘он (это) закроет’
	d-k-ī-r-d’īp ‘он (это) закрывал’		h-a-l-a-čīp ‘он (это) закрыл’
			h-a-l-čīp ‘закрой (это)’
17)	кет.	юг.	КОТТ.
	a-ki-s-sal (< *a-k-i-s-i-sar >) a-k-sār		a h-a-čāgal
	‘он переночует’	‘он переночует’	‘он ночует’
	a-k-i-n-sal	a-g-i-n-sār	a h-a-l-a-čāgal
	‘он переночевал’	‘он переночевал’	‘он ночевал’
			h-a-l-čāgal
			‘ночуй’
18)	кет.	юг.	КОТТ.
	du-b-bək (< *du-b-i-bək >) du-b-błk		b-a-puk
	‘он это найдет’	‘он это найдет’	‘он это найдет’
	du-b-i-n-bək	du-b-i-n-głk	m-ā-m-puk
	‘он это нашел’	(< *du-b-i-n-bək < *du-b-i-n-V-bək)	(< *m-a-n-a-puk < b-a-n-a-puk)
		‘он это нашел’	‘он это нашел’
	i-n-gək ‘найди это’	i-n-głk ‘найди это’	

19)	кет.	юг.	кott.
	du-b-bed (< *du-b-i-bed'>)	du-b-bet'	b-a-pa
	‘он это делает’	‘он это делает’	‘он это делает’
	d-i-l-bed (< *d-i-r-V-bed'>)	d-i-r-get'	b-a-l-a-pa
	‘он это делал’	‘он это делал’	‘он это делал’
	i-l-ged (< *i-r-bed'>)	i-r-get'	a-l-a
	‘делай это’	‘делай это’	‘делай это’
20)	кет.	юг.	кott.
	du-b-tad (< *du-b-i-tad' >)	du-p-tet'	b-a-thi
	‘он это толчет’	‘он это толчет’	‘он это толчет’
	d-b-i-n-tad	d-b-i-n-tet'	m-a-n-a-thi (< *b-a-n-a-
	‘он это толок’	‘он это толок’	thi) ‘он это толок’
	i-n-tad ‘толки это’	i-n-tet' ‘толки это’	a-n-thi ‘толки это’
21)	кет.	юг.	кott.
	du-b-daŋ (< *du-b-i-d'aŋ >)	du-b-d'aŋ	b-a-ŋeŋ
	‘он это мнет’	‘он это мнет’	‘он это трет’
	d-b-i-l-daŋ (< *d-b-i-r-V-d'aŋ >)	d-b-i-r-d'aŋ	b-a-l-a-ŋeŋ
	‘он это мял’	‘он это мял’	‘он это тер’
	i-daŋ (< *i-r-d'aŋ >)	i-d'aŋ	a-l-ŋeŋ
	‘мни это’	‘мни это’	‘три это’
22)	кет.	юг.	кott.
	d-at-b-aq (< *d-at-b-i-aq >)	d-at-p-ax	at-p-āk-ŋ (< *at-b-a-ak-ŋ)
	‘я это налью’	‘я это налью’	‘я это вылью’
	d-at-b-i-j-aq	d-at-p-i-j-ax	at-p-i-ak-ŋ (вместо *at-p-
	‘я это налью’	‘я это налью’	a-j-ak-ŋ; см. 4.1.2.)
			‘я это вылью’
	at-d-aq (< *at-i-d-aq <	at-i-j-ax ‘налей’	at-i-ax (вместо *at-a-j-
	*at-i-j-d-aq) ‘налей’		ax; см. 4.1.2.) ‘вылей’

23)	юг.	котт.	
	di-de-ġāf (< *di-i-di-ħapV) ‘я сяду’	ī-g-pan-aŋ (< *a-i-g-pan-aŋ) ‘я сяду’	
	d-i-n-de-ġāf (< *di-i-n-di-ħapV) ‘я сел’	a-n-ī-g-pan-aŋ ‘я сел’	
	i-n-ġāf (< *i-n-ku-ħapV) ‘сядь’	a-n-ī-g-pan ‘сядь’	
24)	кет.	юг.	котт.
	d-di-di-tŋ (< *di-d’i-i-di-den >) ‘я спрячусь’	d-d’ie-d-dē ‘я спрячусь’	i-tēn-aŋ (< *a-i-ten-aŋ) ‘я лягу’
	d-di-l-di-tŋ (< *di-d’i-i-r-di-den >) ‘я спрятался’	d-d’ie-r-de-dē ‘я спрятался’	a-l-i-tēn-aŋ ‘я лег’
	di-l-ku-tŋ (< *d’i-i-r-ku-den >) ‘спрячься’	d’ie-r-gu-dē ‘спрячься’	a-l-tēn (< *a-l-i-tēn) ‘ляг’

В последнем случае в кетско-югском основа распространена при помощи модификатора с неясным значением *d’i; первоначальное значение кетско-югского глагола здесь, по-видимому, ‘залегать (в укрытие)’ — ср. внешние данные (см. [Старостин Г. 1995: 173]).

В двух последних случаях имеет место рефлексивное спряжение — см. Приложение 1.

С точки зрения сравнительной фонетики соответствие кет.-юг. *i* — котт. *a* нерегулярно. Тем не менее, приведенные факты не оставляют сомнений в его наличии. Соответствующий праенисейский гласный неясного качества мы обозначим как *V_x.

Других надежных соответствий в области тематических характеристик не обнаруживается.

Нашим предварительным результатом будет, следовательно, реконструкция для ПЕ двух типов основы: типа с тематическим гласным *a/o, аналогичным кетско-югскому a/o, и типа с тематическим гласным неясного качества.

Материал вышеприведенных сближений позволяет сделать вполне определенные наблюдения над дистрибуцией и локализацией праенисейских тематических гласных.

*V_x восстанавливается для парадигм с префиксацией ПМ (случаи 11—17; в случаях 16 и 17 в коттском представлен результат падения репрезентовавшего ПМ сибиланта в позиции перед сибилантом/аффрикатой ядра — см. 3.2.) и для парадигм с объектным рядом *?/*w' (случаи 18—22), а также для парадигм с рефлексивным спряжением (случаи 23 и 24). Что же касается *a/o, то для него возможно появление в парадигмах, характеризующихся отсутствием как ПМ, так и каких-либо префиксальных актантных маркеров — см. случаи 1—3 (оговоримся, что формулировка «префиксальные актантные маркеры», или «актантные префиксы» подразумевает показатель вещного субъекта и рефлексивные показатели, а также показатели ряда *?/*w' — точнее, известный нам на данном этапе анализа показатель этого ряда, а именно вещнообъектный показатель *w', но не клитические показатели объекта), однако он может появляться и в глаголах с *w и *w' — см. сближения 4—9.

В парадигмах с рефлексами *w' (случаи 18—22) и в парадигмах с рефлексами *j, репрезентовавшего ПМ в анлаутной позиции (случаи 11—13), как кет.-юг. *i, так и котт. *a* располагаются после рефлексов *w' и *j. При сравнении парадигм, в которых налицо рефлекс *s, репрезентовавшего ПМ в позиции после преверба (случаи 14—17), мы видим несколько странную картину: кет.-юг. тематический *i следует за рефлексом *s, тогда как котт. *a* предшествует ему. Можно предполагать, что коттская ситуация здесь вторична: *a*, предшествующее рефлексу *s, исторически является не тематическим гласным, а особым разграничительным элементом, отделяющим *s от преверба (аналогично располагающемуся слева от рефлекса *s кетско-югскому *i), тогда как исконный тематический гласный, занимавший позицию справа от *s, выпал перед корневыми аффрикатой (в случае 16) и (в случае 17) сибилантом (после чего в этих глаголах исчез

и сам *s), но сохранился в виде *a* перед губным (в случаях 14 и 15) — ср. регулируемое нетривиальными правилами сохранение/падение тематического *i в кетских превербных формах (см. 4.1.1.). Таким образом, можно утверждать, что *V_x регулярно занимал позицию после ПМ и *w'. Напротив, *a/o при наличии в словоформе *w или *w' располагался перед ними (случаи 4—9).

Можно также констатировать, что как *a/o, так и *V_x занимали позицию слева от показателей претерита-императива (и, соответственно, слева от рефлексивных показателей).

Эта картина может быть с большой долей надежности дополнена при сравнении этимологически нетождественных, но, очевидно, структурно эквивалентных кетско-югских и коттских парадигм.

*V_x по всей вероятности, фигурировал также в парадигмах с показателем вещного субъекта *w (принимавших, как мы предполагаем, в одушевленнообъектных формах ПМ — см. 3.2.), локализуясь после этих формантов: ср., е. г., следующие парадигмы:

кет.	котт.
du-j-qol (< *du-j-i-qol) 'он излечится'	d'-a-pi 'он успеет'
d-i-n-qol 'он излечился'	a-n-a-pi 'он успел'
bim-b-i-qol 'это заживет'	b-a-pi 'это поспеет'
b-i-n-qol 'это зажило'	m-a-n-a-pi (< *b-a-n-a-pi)
	'это поспело'

Для *a/o следует, по-видимому, предполагать возможность появления в парадигмах, характеризовавшихся префиксацией ПМ, причем в позиции перед ней — ср. следующие формы:

кет.	юг.	котт.
d-t-a-j-ga	di-č-a-j-ga	ēn-eŋ-a-i-še (= ēn-eŋ-a-j-še)
'он ходит'	'он ходит'	'я забуду'

d-t-o-l-ga	di-č-ɔ-r-ga	ēn-uŋ-u-i-še (= ēn-uŋ-u-j-še)
‘он ходил’	‘он ходил’	‘я забыл’
t-a-l-ga	č-a-r-ga	en-u-a-i-še (= en-u-a-j-še)
‘ходи’	‘ходи’	‘забудь’ ²⁸

Обращают на себя внимание вырисовывающиеся для $*V_x$ дистрибуционные ограничения, не затрагивающие $*a/o$, а также позиционные различия между этими двумя элементами (они уже были отчасти сформулированы выше): $*V_x$ налицо только в тех структурах, которые характеризуются наличием объектного ряда $*?/*w'$ или рефлексивным спряжением, либо же в тех, где налицо аффиксация показателя вещного субъекта $*w$ и/или ПМ, иными словами, там, где присутствуют те или иные актантные префиксы — в тех структурах, где их нет вообще, $*V_x$ не встречается (чего нельзя сказать об $*a/o$); $*V_x$ может занимать только позицию после $*w'$, ПМ и $*w$, а для $*a/o$ (в случае сочетания с этими морфемами) возможна только позиция перед ними. Можно предположить, что данные закономерности действительно существовали в ПЕ. Подтверждается ли такое предположение фронтальным анализом кетско-югской и коттской систем?

Что касается кетско-югского, то он очевидным образом подтверждает невозможность появления $*V_x$ в глаголах без ПМ и префиксальных актантных маркеров: $*i$ -тип (трансформировавшийся в атематический — см. 4.1.1.), который является рефлексом праенисейского $*V_x$ -типа, здесь невозможен в глаголах, характеризующихся отсутствием рефлексов указанных морфем, т. е. в глаголах, в спряжении которых не участвует ни показатель вещного субъекта и/или ПМ, ни рефлексивные (корреферентно-прямообъектные) показатели, ни показатели некорреферентного подряда ряда прямого объекта (восходящего к прае-

²⁸ j, фигурирующий здесь в формах претерита и императива, представляет собой претеритно-императивный показатель (и его, таким образом, не следует путать с ПМ).

нисейскому ряду *?/*w — см. 2.2.2.). Невозможность появления тематического гласного *a/o в позиции после *w, *w' и ПМ, как и появления *V_x в позиции перед этими морфемами кетско-югским также удостоверяется: глаголов с локализацией тематического a/o после b, b' и ПМ здесь нет; аналогичным образом данные внутренней реконструкции позволяют нам признать отсутствие структур, в которых тематический *i располагался бы перед этими элементами (см. 4.1.1.).

Посмотрим теперь, отражает ли эти закономерности коттский.

На первый взгляд, в коттском имеются структуры, демонстрирующие появление *V_x при отсутствии ПМ и актантных префиксов. Рассмотрим соответствующие классы случаев.

a)

[a] a-gej 'она [его] родит', [a] a-n-a-gej 'она [его] родила', [a] a-n-ej 'роди [его]';

[a] ā-rēj-aŋ 'я [его] гоню', [a] ā-l-a-rēj-aŋ 'я [его] гнал', [a] ā-l-rei 'гони [его]';

ā-kaŋ-aŋ 'я (это) заворочу', ā-n-a-kaŋ-aŋ 'я (это) заворотил', ā-n-kai 'завороти (это)';

og-a-'ā-če-aŋ 'я его убью', og-a-'ā-l-a-če-aŋ 'я его убил', og-a-'ā-l-čex 'убей его';

a ā-thi-aŋ 'я его бью', a ā-n-a-thi-aŋ 'я его бил', a ā-n-thi 'бей его';

[a] ā-či-aŋ 'я [его] угощаю', [a] ā-l-a-či-aŋ 'я [его] угощал', [a] ā-l-či 'угощай [его]';

šej-a ā-raŋ-aŋ 'я его раню', šej-a ā-l-a-raŋ-aŋ 'я его ранил', šej-a ā-l-a 'рань его';

that-a ā-ta 'он переплывет', that-a ā-l-a-ta 'он переплыл', that-u ā-l-ta 'переплыви'.

В этих глаголах, не имеющих ни актантных префиксов, ни ПМ, налицо а-тип, который, как мы знаем, в основном происходит из *V_x-типа (см. выше). На самом деле здесь, по-видимому, нужно предполагать историческую *a/o-основу; делабиализация

*о в претеритных формах обусловлена, видимо, его позицией в инлауте в открытом слоге перед сонантом — ср. выше сближение 10.

b)

d'-a-ši-aŋ 'я наряжусь', d'-a-l-a-ši-aŋ 'я нарядился', d'-a-l-ši 'нарядись';
šum-a-ši-aŋ 'я (это) оторву', šum-a-n-a-ši-aŋ 'я (это) оторвал', šum-a-n-še 'оторви (это)';
im-a-šin-aŋ 'я (это) собираю', im-a-l-a-šin-aŋ 'я (это) собирал', im-a-l-šin 'собирай (это)';
h-a-čik-ŋ 'я (это) накрою', h-a-l-a-čik-ŋ 'я (это) накрыл', h-a-l-čik 'накрой (это)'.

В этих глаголах, опять-таки не обнаруживающих актантных префиксов и ПМ и при этом относящихся к а-типу, отсутствуют установленные выше специфические позиционные условия, вызывающие делабиализацию о претеритных форм в *а/о-основе, так как здесь тематический гласный находится в инлауте — подчеркнем, что предполагать делабиализацию претеритного о в позиции инлаута, даже в открытом слоге перед сонантом, затруднительно, так как в этой позиции тематический а/о хорошо засвидетельствован (е. г. ах-t-ō-l-a-če-aŋ 'я (это) починил', презенс-футурум ах-t-ā-če-aŋ 'я (это) починю', th-o-l-ōŋ-aŋ 'я (это) видел', презенс-футурум th-ā-ŋ-aŋ 'я (это) вижу', а также обширный класс сложных глаголов с ядром (ō)к, которые имеют формы типа ulšuj-ā-th-o-l-ōk-ŋ 'я его купал', презенс-футурум ulšuj-ā-th-ā-k-ŋ 'я его купаю', uč-o-l-ōk-ŋ 'я ложился', презенс-футурум uč-ā-k-ŋ 'я ложусь' и т. п.). Несмотря на это, а-основу здесь также можно было бы попытаться возвести к *а/о-основе, предположив, что делабиализация *о в претеритных формах обусловлена его краткостью, т. е., е. г., d'-a-ši-aŋ < d'-o-lašiaŋ etc. (тогда как сохранение *о в *а/о-типе имплицитно долготой — действительно, в коттском а/о-типе тематический гласный стандартно фиксируется как долгий — см. 4.1.2.; сохранение краткого претеритного о в тех случаях, где, по-видимому, отражен ре-

зультат сокращения перед последующим долгим /см. там же/, можно было бы объяснить, предположив, что это сокращение произошло уже после делабиализации претеритного *o* при исконной краткости). Такое объяснение (с добавлением гипотезы об акцентных различиях и без оговорки по поводу случаев сохранения *o* при краткости), хотя и с замечанием о его ненадежности, уже предлагалось (см. [Старостин Г. 1995: 133]; там это объяснение, правда, ошибочно распространяется на все коттские глаголы *a*-типа, так как автором не было установлено соответствие коттского *a*-типа кетско-югскому **i*-типу). Более обоснованным, однако, кажется решение, согласно которому *a* в этих парадигмах все же восходит к * V_x , а в презенсно-футурумных формах представлен результат исчезновения сибиланта, закономерно репрезентовавшего ПМ после преверба/модификатора, в позиции перед сибилантом/аффрикатой корня, причем развитию **s* > ∅ предшествовало выпадение располагавшегося после **s* исконного тематического гласного, которое обусловило вторичный переход соответствующей функции к разграничительному гласному, занимавшему позицию слева от **s* (ср. аналогичное развитие в парадигмах 'закрывать' и 'ночевать' (см. выше сближения 16 и 17).

Таким образом, глаголов, которые мы вынуждены были бы интерпретировать как отражающие структуру с * V_x , но без актантных префиксов и ПМ, в коттском нет.

Что касается той закономерности, что * V_x может занимать только позицию после **w*, **w'* и ПМ, а **a/o* — только позицию перед ними, то здесь коттский опять-таки как будто бы обнаруживает отклонения. Проанализируем соответствующие случаи.

с)

hat-p-a-č-āk-ŋ 'я (это) грею', hat-p-a-l-āk-ŋ 'я (это) грел', hat-p-a-l-č-ax 'грей (это)';

th-a-č-uŋ-aŋ 'я целюсь', th-a-l-uŋ-aŋ 'я целился', th-a-l-uŋ 'целься';

d'-a-š-thi-aŋ 'я (это) солю', d'-a-l-a-thi-aŋ 'я (это) солил', d'-a-l-thi 'соли (это)';

В этих глаголах безблаутный тематический *a*, для которого нужно предполагать происхождение скорее из $*V_x$, чем из $*a/o$ ввиду инлаутной позиции (см. выше), располагается перед ПМ (представленной морфом \check{s}/\check{c}). Однако эта ситуация, констатируемая при синхронном описании, является, по всей вероятности, вторичной: как и в классе *b*) (см. выше), в формах презенса-футурума гласный *a*, располагающийся слева от ПМ и анализируемый нами на синхронном уровне как тематический, исторически является особым разграничительным элементом, отделяющим сибилант ПМ от превербов (и может интерпретироваться как входящий в состав последних), а исконный тематический гласный, восходящий к $*V_x$, располагался здесь после $*s$ ($>\check{s}/\check{c}$) форманта ПМ, но был утрачен — в данном случае его утрата была обусловлена позицией перед гласным (в первых двух глаголах) и (в глаголе ‘солить’) между сибилантом и дентальным смычным (что касается сохранения репрезентующего ПМ сибиланта, которое отличает этот класс от класса *b*), то оно обусловлено тем, что здесь этот $*s$ оказался в позиции не перед сибилантом или аффрикатой, а перед гласным или — в последнем случае — смычным).

d)

th-a-ča-kīt-aŋ ‘я (это) мажу’, th-a-l-a-kīt-aŋ ‘я (это) мазал’, th-a-l-kīt ‘мажь (это)’.

В этом случае мы видим ситуацию, аналогичную наблюдаемой в классе *c*): тематический гласный в *a*-основе, который должен восходить к $*V_x$ ввиду позиции в инлауте, расположен перед ПМ. Естественно интерпретировать это так же, как и в предыдущих случаях, т. е. как результат специфического перерасположения: *a*, находящийся слева от ПМ, исторически является разграничительным гласным. Однако здесь сохранился не только сибилант ПМ (давший затем \check{s} ввиду интервокальной позиции), но и исконный тематический гласный, расположенный по-

сле ПМ и действительно восходящий к $*V_x$, что обусловлено позицией не перед гласным и не перед зубным, а перед велярным (ср. ситуацию в глаголах 'платить' и 'догонять', где налицо аналогичное сохранение старого тематического гласного перед губным — см. сближения 14 и 15). В принципе можно было бы и на синхронном уровне рассматривать *a*, расположенный перед \dot{s} , как разграничитель (или часть преверба), а правый *a* — как тематический гласный, однако, поскольку существуют примеры класса *s*), где (коль скоро мы вводим категорию типа основы и при этом не рассматриваем эти глаголы как атематические) при синхронной интерпретации все равно приходится констатировать позицию тематического гласного слева от ПМ, указанное решение относительно глаголов типа 'мазать' было бы непоследовательным (именно поэтому в синхронном описании тематическим считается левый *a*, а исторический тематический гласный трактуется как часть ПМ — см. 4.1.2., 3.1.2.).

е)

d' -*a*-*xa*-*j*-*aŋ* 'я умру', *o*-*n*-*xa*-*j*-*aŋ* 'я умер', *a*-*n*-*xa* 'умри';
b-*a*-*ru*-*j*-*aŋ* 'я это тяну', *b*-*u*-*i*-*ru*-*j*-*aŋ* (= *b*-*u*-*j*-*ru*-*j*-*aŋ* < $*b$ -*o*-*j*-*ru*-*j*-*aŋ* < $*b$ -*o*-*j*-*V*-*ru*-*j*-*aŋ*) 'я это тянул', *i*-*g*(-)*i* 'тяни это'.

В этих двух глаголах налицо позиция тематического *a/o* после вещнообъектного *b'* и ПМ. Обе эти парадигмы, однако, обнаруживают прямые соответствия в кетско-югском. Это выглядит следующим образом:

котт.	кет.	юг.
d' - <i>a</i> - <i>xa</i> 'он умрет'	<i>du</i> - <i>j</i> - <i>qo</i> (< $*du$ - <i>j</i> - <i>i</i> - χ <i>o</i> >) 'он умрет' 'он умрет'	<i>du</i> - <i>j</i> - <i>ɕ</i>
<i>o</i> - <i>n</i> - <i>xa</i> 'он умер'	<i>du</i> - <i>n</i> - <i>o</i> (< $*du$ - <i>i</i> - <i>n</i> - V - χ <i>o</i> >) 'он умер' 'он умер'	<i>du</i> - <i>n</i> - <i>ɕ</i>
<i>a</i> - <i>n</i> - <i>xa</i> 'умри'	<i>i</i> - <i>n</i> - <i>o</i> 'умри'	<i>i</i> - <i>n</i> - <i>ɕ</i> 'умри'

КОТТ.	КЕТ.	ЮГ.
b-a-ru ‘он это тянет’	du-b-bak (< *du-b-i-bak >) du-b-bak ‘он это тянет’ ‘он это тянет’	
b-u-i-ru (< *b-o-j-a-ru) ‘он это тянул’	d-b-i-l-bak ‘он это тянул’	d-b-i-r-gak (< *d-b-i-r- bak < *du-b-i-r-V-bak) ‘он это тянул’
i-g(-)i ‘тяги это’	i-l-gak ‘тяги это’	i-r-gak ‘тяги это’

Можно видеть, что в обоих случаях в кетско-югский имеет *i-основу, т. е. отражает *V_x-тип (мы не включили эти случаи в представленный выше корпус точных парадигматических соответствий именно из-за нетривиальности соотношения тематических характеристик). Представляется поэтому очевидным, что коттская а/о-основа здесь является результатом аналогического преобразования в старой а-основе, т. е. замены *а претеритных форм на о под влиянием парадигм с исконной а/о-основой. Таким образом, здесь можно предполагать праенисейскую *V_x-основу. Подчеркнем, что наблюдаемая в этих примерах вторичная структура с тематическим а/о в позиции после вещнообъектного показателя или ПМ является специфически коттской — аналогическое влияние а/о-типа на рефлекс *V_x-типа стало возможным благодаря частичному совпадению тематического гласного в *V_x-типе с а/о, обусловленному развитием *V_x в а.

Мы, следовательно, можем утверждать, что все те случаи, где коттский демонстрирует локализацию *V_x перед ПМ и локализацию *а/о после ПМ и *w', с достаточной степенью надежности интерпретируются как вторичные.

Таким образом, имеются все основания признать специфические дистрибуционные и позиционные различия между праенисейскими тематическими гласными, сформулированные выше, фактом праенисейской системы. Назовем эти различия еще раз: в отношении дистрибуции это невозможность появления *V_x в глаголах, спряжение которых характеризуется отсутствием ка-

ких-либо актантных префиксов; в отношении локализации это возможность и обязательность позиции справа от *w, *w' и ПМ только для *V_x и позиции слева от этих словоизменительных элементов только для *a/o.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать важный вывод в отношении коттской а-основы. Она имеет двойное происхождение: в тех глаголах, где отсутствуют префиксальные актантные маркеры (т. е. рефлексы праенисейских *w, *w' и рефлексивных показателей) и ПМ, а тематический гласный находится в анлауте, причем в формах претерита сонант претеритно-императивного показателя не закрывает слога, а-основа восходит к праенисейской *a/o-основе, а в тех глаголах, где слева от тематического а располагаются рефлекс *w', *w и/или ПМ, имеет место историческая *V_x-основа; ее же, по-видимому, следует восстанавливать там, где они не наблюдаются, но тематический гласный не находится в анлауте, и при этом может быть восстановлена ПМ, а также в тех случаях, где инлаутный тематический а находится перед ПМ, представленной сибилантом.

В 4.1.2. было указано, что при коттских а/о- и о/а-основе тематический гласный стандартно долгот (большинство случаев краткости объясняется как результат диссимилятивного сокращения), тогда как в а-основе преобладает краткость тематического гласного, но встречаются и случаи с долготой, причем фонетического распределения между краткостным и долготным вариантами не видно. Теперь мы можем заметить, что распределение между этими вариантами есть, но оно является историческим: во всех тех (количественно преобладающих) случаях, где на месте коттской а-основы можно предполагать старую *V_x-основу, тематический а передан как краткий — в качестве примеров см. материал сближений 11—21, а также классы b), c) и d), а тот тематический а, который восходит к праенисейскому *a/o (см. выше сближение 10 и класс а)), является долгим (единственный случай записи тематического гласного как краткого здесь

представлен в глаголе 'родить') — как и другие тематические гласные, отражающие *а/о (а/о и о/а, см. выше)²⁹.

Реконструкция праенисейских типов основы позволяет уточнить правило появления праенисейской ПМ, сформулированное в 3.2.: основываясь на сближениях 11 и 13—17, можно предположить, что отсутствие в словоформе показателя вещного субъекта *w, показателя вещного объекта *w' и рефлексивного показателя имплицировало появление в ней ПМ даже при отсутствии парадигматического противопоставления вещно-субъектным формам (т. е., иными словами, всегда) в том случае, если словоформа принадлежала глаголу *V_x-типа — действительно, в кетско-югском имеется правило, заключающееся в автоматическом появлении ПМ при атематической структуре (т. е. при исторической *i-основе, см. 3.1.1.); что касается коттского материала, то он не противоречит такому выводу: действительно, во всех случаях, где имеются основания предполагать *V_x (см. выше), отсутствие b', b и рефлексивного показателя имплицировало появление ПМ (в одной группе примеров репрезентующий ее сибилант исчез по фонетическим причинам — см. выше класс b), а также сближения 16) и 17). Заметим, что в конечном счете именно это правило обуславливало установленную выше дистрибуционную ограниченность *V_x-типа, т. е. невозможность его появления в глаголах, не содержащих ни актантных префиксов, ни ПМ. С наличием/отсутствием в парадигме форм, имеющих по-

²⁹ Случаи фиксации тематического *a* как долгого при историческом *V_x-типе единичны и объясняются, скорее всего, либо неточностью записи, либо какими-то причинами вторичного порядка (так, в m-ā-m-ruk-ŋ 'я это нашел' налицо, вероятно, результат компенсаторного растяжения при выпадении второго гласного претеритного комплекса (см. [Старостин Г. 1995: 132]), т. е. m-ā-m-ruk-ŋ < *m-a-n-a-ruk-ŋ — ср. презенс-футурум b-a-ruk-ŋ с кратким *a*, а в d'-ā-t-aŋ 'я лежу' долгота возникла в результате слияния тематического гласного с корневым после выпадения корневого увулярного, т. е. d'-ā-t-aŋ < *j-a-Rat-aŋ — ср. котт. mon d'agat 'он не спит' и асс. mon jahatan 'я не сплю' в записи Г. Ф. Миллера (возможно, ā в d'-ā(-)t-aŋ нужно вообще относить к корню).

казатель вещного субъекта *w, аффиксация ПМ была связана, видимо, только в глаголах *a/o-типа. Здесь в том случае, если такие формы присутствовали, ПМ в противопоставленных им одушевленно-субъектных формах (регулярно характеризовавшихся отсутствием актантных префиксов) всегда появлялась, насколько можно судить по кетско-югскому, где формам типа a-b-oj 'это линияет', o-b-l-oj 'это вылиняло' могут противопоставляться только формы с ПМ (ее отсутствие здесь описывается как морфонологически обусловленная нулевая репрезентация и имеет фонетические причины) — см. 3.1.1.; соответствующие коттские данные, к сожалению, не засвидетельствованы. Напротив, сопоставление коттского глагола 'забывать' с кетскими и югскими глаголами типа вышеприведенного глагола 'ходить' с одной стороны и (прежде всего) сближения 1—3 с другой демонстрируют, что при отсутствии противопоставления вещно-субъектным формам в формах с *a/o, не имевших актантных префиксов, ПМ могла либо появляться, либо не появляться — здесь ее дистрибуция была, по-видимому, лексической. Насколько можно судить по доступному нам материалу, в кетско-югском в *a/o-глаголах с ПМ, не имевших вещно-субъектных форм, регулярно (по крайней мере при наличии субъектного спряжения) происходила перестройка форм мн. ч. по образцу рефлексивных (в частности, в глаголе 'ходить' — см. 3.1.1.), в результате чего в кетско-югском возникла наблюдаемая ныне закономерность, согласно которой любая тематическая форма с ПМ либо противопоставлена вещно-субъектным формам, либо является формой ед. ч. в «полу-рефлексивной» парадигме, т. е. в парадигме с рефлексивным спряжением в формах мн. ч. (см. тот же раздел). Представляется, что данный феномен, как и вообще кетско-югское «полу-рефлексивное» спряжение (часто встречающееся и в атематических глаголах с ПМ, в том числе и таких, для которых устанавливается праенисейский источник, например, в глаголе 'плакать' — см. сближение 13), носит вторичный характер (в коттском такой тип спряжения не представлен) — см. также 3.2.

Можно также заметить, что на материале конкретных праенисейских парадигм сибилантная репрезентация праенисейской ПМ (об условиях ее появления см. в 3.2.) реконструируется только для глаголов $*V_x$ -типа — см. сближения 14 — 17. Позволяет ли анализ всего корпуса данных сравниваемых языков обобщить эту закономерность на праенисейскую систему в целом?

Что касается кетско-югского, то он однозначно свидетельствует в пользу такой реконструкции: сибилантная репрезентация ПМ здесь возможна только при атематической структуре — при $*a/o$ -типе мы видим репрезентацию ПМ только в виде $*j$ — см. 3.1.1.

В отношении коттского можно было бы сказать, что из тех типов, которые находят наглядные соответствия в кетско-югском, сибилантную репрезентацию ПМ знает только a -тип, причем только в тех случаях, где нужно возводить его к $*V_x$, а при $*a/o$ -типе, как и в кетско-югском, мы находим только репрезентацию ПМ в виде $*j$ (ср. выше данные, демонстрирующие возможность наличия $*a/o$ в структуре с ПМ). Имеется лишь один случай, который как будто бы не позволяет нам сделать такое утверждение:

h-a-ča-pit-aŋ ‘я давлю’,
 h-u-i-pit-aŋ (= *h-u-j-pit-aŋ < *h-o-j-V-pit-aŋ) ‘я давил’,
 h-i-pit ‘дави’.

Здесь репрезентация ПМ в виде $\check{s} < *s$ налицо при a/o -основе. Имеются, однако, все основания полагать, что этот феномен является вторичным: исторически здесь, как и в других глаголах с сибилантной репрезентацией ПМ, представлен $*V_x$; в формах презенса-футурума маркером основы исторически является не тот a , который расположен слева от $-č-$, а тот, который занимает позицию после него (отсутствие редукции сочетания «сибилант ПМ + рефлекс $*V_x$ » за счет его второго составляющего обусловлено позицией не перед зубным и не перед гласным — ср. аналогичную ситуацию в случае глаголов, фигурирующих в сближениях 14 и 15, а также в глаголе ‘мазать’ (см. класс d), а $u < *o$ вме-

сто ожидаемого *a* в претеритных формах представляет собой результат аналогического влияния исконных *a/o*-основ — точно так же, как в разобранных выше глаголах ‘умереть’ и ‘тянуть’³⁰. Таким образом, в коттском мы также не находим случаев, которые бы однозначно свидетельствовали против того, чтобы предполагать для ПЕ невозможность сибилантной репрезентации ПМ в глаголах **a/o*-типа (и, соответственно, возможность такой репрезентации только в глаголах **V_x*-типа).

При синхронном описании коттских тематических гласных мы отметили, что среди глаголов, образующих претерит и императив с помощью показателя *j*, наряду с «нормальными» глаголами *a/o*- и *o/a*-типа, демонстрирующими стандартные сочетания тематического гласного с йотом, т. е. *u-j < o-j* в претерите и *a-j* в императиве (их засвидетельствовано четыре: ‘пугать’, ‘поставить’, ‘забывать’ и ‘стрелять’), имеется также четыре таких, в которых на месте ожидаемого сочетания тематического гласного с *j* либо в императиве, либо в императиве и претерите налицо *i*, причем два из них принадлежат к *a/o*-типу, а два логично трактовать как относящиеся к *a*-типу (подробнее см. 4.1.2). Теперь мы можем сказать следующее. «*i*-глаголами» *a/o*-типа являются глаголы ‘тянуть’ и ‘давить’, для которых мы только что обосновали вторичность *a/o*-основы и историческую принадлежность к **V_x*-типу (см. несколько выше); в отношении же «*i*-глаголов»

³⁰ В связи с предполагаемой вторичностью *a/o*-типа в глаголе ‘давить’, как и в глаголах ‘умереть’ и ‘тянуть’ (см. выше), можно обратить внимание на то, что тематический гласный в этих глаголах передан как краткий, хотя ни в одном из них слог, следующий за маркером основы, не содержит долгого, который мог бы обусловить вторичное сокращение тематического гласного — это может свидетельствовать о сохранении характеризующей **V_x*-тип краткости даже после аналогического перехода в *a/o*-тип (см. выше о количественных характеристиках тематических гласных в коттском). Впрочем, этот факт может быть и чистой случайностью (т. е. краткость тематического *a/o* в этих трех глаголах может иметь какие-то вторичные причины или быть просто результатом неточной записи; отметим, что тематический *u < *o* перед йотовым показателем претерита-императива всегда передается как краткий).

‘входить’ и ‘вылить’, которым на синхронном уровне разумно приписать наличие а-основы (d’-a-čōk-ŋ ‘я зайду’, ī-čōk-ŋ ‘я зашел’, ī-čōx ‘зайди’; at-p-āk-ŋ ‘я это вылью’, at-p-i-ak-ŋ ‘я это вылил’, at-i-ax ‘вылей это’) также можно утверждать, что в них представлен *V_x-тип: в этих глаголах налицо ПМ (она закономерно репрезентована морфом d’ ввиду анлаутной позиции) и показатель вещного объекта b’, расположенные слева от тематического а — см. выше о принципах исторической интерпретации коттской а-основы; принадлежность к *V_x-типу глагола ‘вылить’ подтверждается кетско-югским соответствием (см. сближение 22). Таким образом, мы можем сказать, что сочетание тематического гласного с последующим j претеритно-императивного показателя претерпеваает специфическое развитие в i при историческом *V_x, но не при *а/о, причем результат данного развития сохраняется в формах императива и в том случае, если происходит вторичный переход в а/о-тип, как видно по глаголам ‘тянуть’ и ‘давить’. По всей видимости, можно аналогичным образом утверждать, что последовательность а-j в императиве глаголов с претеритно-императивным j фигурирует там и только там, где мы имеем дело с историческим *а/о — действительно, в глаголе ‘стрелять’, относящемся к о/а-типу, исторический *а/о удостоверяется прямым кетским соответствием — см. сближение 4) (можно заметить, что сам по себе о/а-тип уже однозначно указывает на *а/о, так как случаи появления этого типа на месте *V_x-типа отсутствуют), а в глаголах ‘поставить’, ‘пугать’ и ‘забывать’ (ak-f-ā-tek-ŋ ‘я (это) поставлю’, ak-f-u-i-tek-ŋ < *ak-f-o-j-V-tek-ŋ ‘я (это) поставил’, ak-f-a-j-ek ‘поставь (это)’; ač-ā-’ā-thak-ŋ ‘я его пугаю’, ač-ā-’u-i-thak-ŋ < *ač-ā-’o-j-V-thak-ŋ ‘я его пугал’, ač-ā-’a-i-thax ‘пугай его’; ēn-eŋ-a-i-še ‘я забуду’, ēn-uŋ-u-i-še < *ēn-aŋ-o-j-V-še ‘я забыл’, en-u-a-i-še ‘забуди’) налицо а/о < ПЕ *а/о. Отметим, что сохранение i в императиве при аналогическом переходе глаголов *V_x-типа в а/о-тип говорит о неполноте этого перехода, т. е. о распространении структуры, характеризующей а/о-тип, только на презенс-футурум и претерит, но не на императив — в против-

ном случае глаголы 'тянуть' и 'давить' имели бы императивные формы *a-j-/g(-)i/ и *h-a-j-pit, а не i-g(-)i и h-i-pit.

Точных соответствий парадигмам 'поставить' и 'пугать' в кетско-югском пока не обнаружено; учитывая ситуацию в глаголах 'умереть', 'тянуть' и 'давить' (см. выше), можно было бы сказать, что для а/о-основы в 'поставить' и 'пугать' не исключено и вторичное возникновение на месте старого *V_x-типа. Однако это было бы неправильно: ведь в этих глаголах, в отличие от 'умереть', 'тянуть' и 'давить', не обнаруживается ни актантных префиксов, ни ПМ (причем отсутствует и специфическая ситуация, характеризующая глаголы класса b), при которой ввиду наличия преверба/модификатора в сочетании с сибилантным или аффрикатным началом корня может быть восстановлена ПМ в сибилантной репрезентации), что, как мы установили, для *V_x-типа исключено; можно также отметить, что тематический гласный здесь не краток, как это стандартно бывает при *V_x-типе, включая засвидетельствованные случаи вторичного перехода в а/о-тип, а долгот, что характерно как раз для рефлексов *а/о — см. несколько выше. Что касается глагола 'забывать', то он имеет прямое кетско-югское соответствие, в котором маркер а/о-основы представлен только в претеритных формах мн. числа, а остальные формы анализируются скорее как атематические, хотя здесь есть отдельные нюансы (морфологическое выражение императива у этого глагола отсутствует, что в кетско-югском систематически наблюдается у формально бессубъектных глаголов): ср., в частности, en-daŋ-o-n-suk 'мы забыли', en-kaŋ-o-n-suk 'вы забыли', en-d(-)aŋ-o-n-suk 'они забыли' (где налицо тематический маркер а/о), но en-daŋ-suk 'мы забудем', en-kaŋ-suk 'вы забудете', en-d(-)aŋ-suk 'они забудут' (по атематическому типу), а также en-ba-suk 'я забуду', en-ku-suk 'ты забудешь', en-ku-n-suk 'ты забыл', где как будто бы налицо опять-таки атематический тип. Этот нерегулярный случай демонстрирует нетривиальную разновидность относительно редкой (вторичной?) кетско-югской структуры с «комбинированной» основой, в которой по тематическому типу образуются только непрезенсно-футурумные формы. Однако даже если считать кетско-югское свидетельство в пользу *а/о-основы в данном случае ненадежным из-за указанных нерегулярностей, все равно можно констатировать, что, в отличие от глаголов 'умереть', 'тянуть' и 'давить', где представлен результат специфического аналогического перехода в а/о-тип при старом *V_x-типе, обусловленного частичным совпадением рефлекса *V_x с а/о и приведшего к возникновению инновационных структур с позицией а/о после b' и ПМ и с а/о при аффрикатной репрезентации ПМ (см. выше обсуждение этих случаев), котгский глагол 'забывать' характеризуется «нормальной» структурой с а/о, имеющей соответствие в кетско-югском и, по-видимому, восходящей к ПЕ: в этом глаголе тематический а/о рас-

положен перед ПМ, представленной рефлексом *j: ēneŋ-a-i-še (= ēneŋ-a-j-še) — ср. кетско-югские примеры типа кет. d-t-a-j-ga 'он ходит' (см. в данном разделе о реконструкции позиционных правил для тематических гласных и правил репрезентации ПМ). Следовательно, и в случае глагола 'забывать' не остается никаких причин для подозрения о присутствии в императиве последовательности a-j при *V_x-типе.

Учитывая установленные дистрибуционные и порядковые характеристики праенисейских тематических гласных, мы можем попытаться проинтерпретировать в терминах представленной выше реконструкции также коттские e-тип и Ø-тип, которые (вероятно, лишь по случайности, т. е. ввиду малого объема материала) не встречаются в корпусе парадигм, имеющих непосредственные соответствия в кетско-югском.

e-основу мы выделяем всего для двенадцати глаголов:

ak-t-ē-č-u-j-aŋ 'я (это) рассыпаю', ak-t-ē-l-u-j-aŋ 'я (это) рассыпал', ak-t-ē-l-č-u 'рассыпай (это)';
 [a] h-ē-č-uā-j-aŋ 'я [его] жалею', [a] h-ē-l-uā-j-aŋ 'я [его] жалел', [a] h-ē-l-uai 'жалей [его]';
 [a] th-ē-č-u-j-aŋ 'я [его] посылаю', [a] th-ē-l-u-j-aŋ 'я [его] послал'³¹;
 f-e-š-tā-j-aŋ 'я (это) взвешиваю', f-e-l-tā-j-aŋ 'я (это) взвешивал', f-e-l-tai 'взвешивай (это)';
 thēn-f-ē-č-ukŋ-aŋ 'я (это) топчу', thēn-f-ē-r-ukŋ-aŋ 'я (это) топтал', thēn-f-ē-r-č-ukŋ 'топчи (это)';
 han-t-ē-č-ukŋ-aŋ 'я (это) кусаю', han-t-ē-r-ukŋ-aŋ 'я (это) кусал', hān-t-ē-r-č-ukŋ 'кусай (это)';
 b-ē-garā 'это течет', b-ē-l-a-garā 'это текло';
 atri b-ē-tek 'это слышится', theŋ b-ē-tek 'гремит гром' (= 'громыхание оно-слышится')
 that-ā d'-ē-in-aŋ 'я его перевезу', that-ā d'-ē-n-a-gin-aŋ 'я его перевез',
 that-ā d'-ē-n-č-in 'перевези его';

³¹ Императивная форма th-ā-l-č-e 'посылай', приводимая Кастреном для этого глагола, на самом деле принадлежит к другой парадигме (в записи которой она также фигурирует): a-th-ā-j-aŋ 'я его посылаю', [a] th-ō-l-aj-aŋ 'я [его] послал'.

h-e-'ūt-aŋ/h-ē-'ut-aŋ 'я влезу', h-ē-n-a-'ut-aŋ 'я влез', h-ē-n-č-ut 'влезь';
th-ē-in-aŋ 'я упаду', th-ē-l-a-gin-aŋ 'я упал', th-ē-l-in 'упади'.

В большинстве этих глаголов, как можно видеть, имеет место либо аффиксация ПМ, либо аффиксация показателя субъекта вещного класса b.

Что касается трех последних глаголов, то не исключено, что ранее они имели ту же словоизменительную структуру, что шесть первых глаголов, т. е. аффиговали в формах презенса-футура ПМ, представленную прекорневым сибилантом (сибилантная репрезентация ПМ, как и в шести первых глаголах, была обусловлена наличием преверба — см. 3.1.2.). Такая гипотеза становится возможной в свете фонетических особенностей указанных форм. Во всех трех глаголах корень, по-видимому, имеет этимологическое начало на увулярный, скорее всего, на *χ (на это указывает рефлекс ' ~ g (= ') ~ ∅ — см. [Старостин 1982: 167]; в случае 'влезать' наличие старого увулярного удостоверяется кетским qut, югским хут 'взбираться'). Поскольку случаи сохранения *s (в виде š или č) в позиции *e_χ в коттском отсутствуют, можно предполагать, что развитие *s > ∅ здесь каким-то образом обусловлено именно этой позицией (ср. фонетически обусловленное падение *s в ряде других глаголов — см. сближения 16 и 17, а также глаголы класса b)).

Если гипотеза об историческом наличии ПМ в трех последних глаголах верна, то можно утверждать, что тематический e встречается только в глаголах с ПМ и в глаголах с показателем вещного субъекта b, т. е. имеет дистрибуционные ограничения, аналогичные дистрибуционным ограничениям *V_x.

Можно, далее, заметить также соответствие между позиционными характеристиками коттского e и праенисейского *V_x — обратим внимание прежде всего на позицию e после показателя субъекта вещного класса; что касается позиции e перед ПМ, то здесь речь может идти о том же процессе, что и в разобранных выше глаголах с рефлексацией *V_x > a, т. е. о падении исконного

тематического гласного, располагавшегося после *s (обусловленном специфической позицией перед гласным или между сибилантом и дентальным смычным (ср. выше ситуацию в глаголах класса с), а также — в трех последних глаголах — между сибилантом и увулярным) и вторичном переходе основообразующей функции к гласному, отделяющему *s от предшествующего ему преверба.

Наконец, обращает на себя внимание наличествующая в е-глаголах сибилантная репрезентация ПМ — вспомним, что на праенисейском уровне такая репрезентация восстанавливается только для глаголов с *V_x-основой.

Вышеизложенное дает основания для гипотезы о том, что коттский е-тип является, наряду с а-типом, рефлексом праенисейского *V_x-типа.

Эта гипотеза может быть принята только в том случае, если выяснится, что коттские тематические *a* (в тех глаголах, когда имеются основания возводить его к *V_x) и *e* дополнительно распределены. Анализ записей М. А. Кастрена (в том числе неопубликованных), как кажется, позволяет установить такое распределение.

Выше было отмечено, что тематический *a* в тех случаях, когда имеются основания возводить его к *V_x, регулярно передается в записях как краткий; у тематического же *e*, напротив, регулярно фиксируется долгота (см. выше полный список глаголов с е-основой). Таким образом, мы можем предполагать, что *V_x в коттском > *a* при краткости и *e* при долготе. Любопытно, что в оригиналах рукописей М. А. Кастрена для многих глаголов а-типа имеются записи со знаком ударения на последующем корневом гласном (при том, что нет ни одного случая постановки ударения на тематическом *a*), е. g. bašeéran̄ ‘скоблю; чищу’, batháran̄ ‘трясу’, ba’uútan̄ ‘cocy’, bakiitan̄ ‘мну’, ba’iitan̄ ‘ищу’, bafóótan̄ ‘жду’, d’acáman̄ ‘лаю’, thačakiitan̄ ‘мажу’, thačariilan̄ ‘догоню’, hašiiiran̄ ‘закрою; запираю’. Учитывая это, нельзя исключить, что распределение *a* и *e* было на самом деле акцентным (случаи записи гла-

голов е-типа с ударением на тематическом е отсутствуют, что, однако, вполне может быть случайностью, если принять во внимание, что ударение отмечалось нерегулярно, а случаев записи глаголов е-типа гораздо меньше, чем случаев записи глаголов а-типа).

Посмотрим теперь на глаголы Ø-типа:

ē-š-ta-j-aŋ 'я (это) кладу', ē-l-ta-j-aŋ 'я (это) клал', ē-l-ta 'клади (это)';
 a-š-tōk-ŋ 'я прыгаю', a-l-tōk-ŋ 'я прыгал', a-l-tox 'прыгай';
 акџи-š-thi-aŋ 'я (это) ломаю', акџи-l-thi-aŋ 'я (это) ломал', акџи-l-thi 'ломай (это)';
 u-č-ik-ŋ 'я (это) пихаю', u-l-ik-ŋ 'я (это) пихал', u-l-č-ik 'пихай (это)';
 thu-č-urēj-aŋ 'я слежу', thu-l-urēj-aŋ 'я следил', thu-l-urēi 'следи';
 aš-č-ai 'взойдет (о солнце)', aš-p-ai 'взошло (о солнце)'.

В двух первых глаголах а- и ē представляют собой, по-видимому, не тематические гласные, а модификаторы — см. 3.1.2.; не исключено, что в предпоследнем случае ('следить') на самом деле имеет место а-основа: возможно, что -u- первого слога здесь < -a- под влиянием корневого -u- следующего слога, т. е. thučurēj-aŋ < th-a-č-urēj-aŋ etc. (где th- — преверб); в таком случае произведенное в представленной выше записи выделение элемента thu- в качестве модификатора неверно.

Легко заметить, что все эти глаголы аффигируют ПМ, причем последний везде имеет сибилантную (или аффрикатную) репрезентацию. Представляется поэтому вероятным, что в этих глаголах, как и в глаголах с е-основой, имеет место историческая *V_x-основа. Фонетические особенности форм этих глаголов обусловили, однако, нулевую рефлексацию *V_x. В формах презенса-футурума в позиции после *s тематический гласный здесь выпал точно так же, как в аналогичных формах глаголов а- и е-типов (см. выше); в формах претерита и императива его утрата была обусловлена, вероятно, позицией после гласного модификатора (в первых пяти случаях) или (в последнем случае) специ-

фической позицией между сибилантом модификатора и дентальным сонантом претеритно-императивного показателя (т. е. $u-l-(\check{c})-ik-(\eta) < *u-V-r_1(\check{z})-ik(-a\eta)$ etc.; $a\check{s}-n-ai < *as-V-n-ai$).

Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что $*V_x$ в коттском на самом деле не $> a$, а $> a/e/\emptyset$, причем a и e находятся в квантитативном (или акцентном?) распределении.

Уточнение коттской рефлексии $*V_x$ позволяет уточнить его реконструкцию.

В коттском встречаются случаи внутрипарадигматического чередования a/e в корнях. По крайней мере в двух из них a и e соотносятся так же, как a и e , отражающие $*V_x$, т. е. налицо краткий a и долгий e . Приведем здесь эти случаи.

ba-ra-j-aŋ 'я это делаю'	eš-taj-aŋ 'я (это) кладу'
ba-ra-u 'ты это делаешь'	eš-ta-u 'ты (это) кладешь'
ba-ra 'он это делает'	eš-ta 'он (это) кладет'
ba-rē-n-toŋ 'мы это делаем'	eš-tē-n-toŋ 'мы (это) кладем'
ba-rē-t-n-oŋ 'вы это делаете'	eš-tēt-n-oŋ 'вы (это) кладете'
ba-rē-t-n 'они это делают'	eš-te-t-n 'они (это) кладут'

В первом случае (корень 'делать') чередование a/e возникло, очевидно, на месте праенисейского $*e$ — ср. кет. $bēdā$, юг. $bēt$ 'делать', а во втором случае (корень 'класть') нужно, вероятно, восстанавливать праенисейский $*ä$, учитывая кет.-юг. da 'класть' (кет. $da-b-da$, юг. $d'-ab-da$ 'я это кладу')³².

³² Таким образом, есть основания для гипотезы о том, что праенисейские $*e$ и $*ä$ дают в коттском не e (см. [Старостин 1982, 186]), а a/e с квантитативным (акцентным?) распределением. То обстоятельство, что в [Старостин 1982] для коттского предполагается переход праенисейских $*ä$ и $*e$ только в e , обусловлено ударной позицией/долготой их рефлекса во всех анализируемых там коттских примерах: налицо либо позиция в односложном слове, либо в первом слоге, для которого отмечена долгота — см. [Старостин 1982: 186], ср. также пе. $*qāŋa$ 'коршун' > асс. $kēŋa-$ в $kēŋa-fui$ 'сова' [Старостин 1995: 257], где e записан как ударный (ассанский язык, насколько можно судить по имеющимся данным, был

Принимая во внимание приведенные факты, мы можем сказать, что, в то время как кетско-югский рефлекс $*V_x$ однозначно указывает на $*i$ (см. [Старостин 1982, 186—189]), в коттском $*V_x$ отражается так, как если бы это был $*e$ или $*ä$. Заметим, что своеобразным подтверждением исторической переднерядности коттского рефлекса $*V_x$ является то, что даже в тех глаголах, где $*V_x > a$, при комбинации тематического гласного с последующим j претеритно-императивного показателя вместо ожидаемого (и присутствующего в а/о- и о/а-глаголах) сочетания а- j мы наблюдаем i (< $*äj$ или $*ej?$) — см. в данном разделе историческую интерпретацию различного поведения коттских тематических гласных в глаголах с претеритно-императивным j .

Оба языка, таким образом, указывают на переднерядный, однако наблюдается несоответствие в подъеме. Можно было бы предполагать смену подъема в одном из языков, однако объяснить ее мы пока не в состоянии. С другой стороны, представляется вполне вероятным, что перед нами результат обобщения в кетско-югском и коттском двух разных ступеней старого аблаута (соответственно $*i$ и $*e \sim *ä$) — ср. наличие аблаута у другого праенисейского тематического гласного ($*a/o$). Окончательные выводы, таким образом, будут следующими.

В ПЕ существовало два типа глагольных основ. Оба типа характеризовались тематическими гласными — вокалическими маркерами, представленными по-разному в разных группах форм (т. е. подверженными чередованию типа аблаутного). Один маркер был представлен в виде $*a$ в презенсе-футуруме и императиве и в виде $*o$ в претерите, а в отношении другого можно предполагать, что он был представлен гласными $*e \sim *ä$ и $*i$ (с неясным распределением), причем данные маркеры имели различные морфотактические и позиционные характеристики (см. выше). Можно, таким образом, говорить о праенисейских те-

весьма близок к коттскому или — что даже вероятнее — представлял собой один из его диалектов).

матических маркерах *а/о и *е/і или * ä/і (второй из них мы для краткости будем в дальнейшем по-прежнему обозначать как *V_x).

В кетско-югском *а/о-тип сохранился как таковой, а в *V_x-типе обобщился *і, который затем редуцировался и выпал в безударных слогах (см. 3.1.1.), что привело к преобразованию данного типа в атематический.

В коттском праенисейская система была модифицирована в гораздо большей степени вследствие сильного дробления рефлексов маркеров обоих типов. В *а/о-типе произошла лабиализация *а презенсно-футурумных форм в тех глаголах, где он находился в позиции перед аффиксами, репрезентованными губным глайдом, и, по-видимому, делабиализация *о претеритных форм в тех глаголах, где он находился в анлауте в открытом слоге перед сонантом, а в тех случаях, где эти позиционные условия отсутствовали, сохранилась старая аблаутная структура. В *V_x-типе обобщился неузкий гласный (*е или *ä), который затем > ∅ в ряде специфических позиций, а в остальных случаях > а/е с квантитативным (или акцентным?) распределением. В результате *а/о-тип дал здесь о/а-, а- и а/о-типы, а *V_x-тип — ∅-, а- и е-типы (оба типа, таким образом, частично совпали в а-типе). Рефлексы *а/о-типа в коттском характеризуются долготой, а рефлексы *V_x-типа — краткостью (чем обусловлены синхронно необъяснимые количественные различия в а-типе, имеющем двойное происхождение)³³.

³³ Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих языках рефлексы *V_x в подавляющем большинстве случаев выпадают перед гласным. Не исключено, что в этой позиции (по крайней мере в каких-то случаях) уже в ПЕ *V_x > ∅. Такое развитие могло иметь место, в частности, перед *і рефлексивного показателя (см. Приложение 1), т. е., е. г., пе. *е-і-ден-ді ~ *ä-і-ден-ді ~ *і-і-ден-ді 'я лягу' > ПЕ *і-ден-ді > котт. і-tēn-aŋ 'id.', кет. d-di-di-tŋ, юг. d-d'ie-d-dē 'я спрячусь'). В этом случае неверны кетско-югские и коттские реконструкции типа *di-i-di-duk (см. 4.1.1.) и *a-i-g-rap-aŋ (см. 4.1.2.) с тематическими *а и *і перед рефлексивным показателем.

**5. ДИСТРИБУЦИЯ ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ
В РЯДУ КОСВЕННОГО ОБЪЕКТА В КЕТСКО-ЮГСКОМ
(ряды *ba/a*, *ba/bu* и *bo/o*, *bo/bu*)**

Обратимся теперь к проблеме исторической интерпретации противопоставления иллиабиальной и лабиальной разновидностей в кетско-югском косвеннообъектном ряду (см. 2.1.1.)

Следует обратить внимание на некоторые данные кетско-югско-коттского сравнения.

В шести случаях кетско-югские парадигмы с косвеннообъектным рядом обнаруживают в коттском соответствия, позволяющие говорить о непосредственном общем праенисейском источнике:

кет.	юг.	КОТТ.
d-a-t-oŋ (< *du-a-t-a-oŋ >)	d-a-t-oŋ	[a] th-ā-ŋ (< *a th-a-oŋ >)
‘он его видит’	‘он его видит’	‘он [ero] видит’
d-a-t-o-l-oŋ	d-a-t-ɔ-r-oŋ	[a] th-o-l-ōŋ
‘он его видел’	‘он его видел’	‘он [ero] видел’
кет.	юг.	КОТТ.
a-k-a-b-de (< *a-k-a-b-i-de >)	a-g-a-b-de	[a] h-ō-ti
‘он это слышит’	‘он это слышит’	‘он слышит’
a-k-o-b-i-l-de	a-g-ɔ-b-i-r-de	[a] h-ō-l-a-ti
‘он это слышал’	‘он это слышал’	‘он слышал’
кет.	юг.	
d-a-s-s-i-bil (< *du-a-t-i-s-i-bil >)		[a] th-a-ča-pil
‘он его догонит’		‘он [ero] догонит’
d-a-t-i-n-bil (< *du-a-t-i-n-V-bil >)		[a] th-a-l-a-pil
‘он его догнал’		‘он [ero] догнал’
a-t-n-il (< *a-t-ŋ-il < *a-t-i-n-gil < *a-t-i-n-bil > >)		[a] th-a-l-pil
‘догони его’		‘догони [ero]’

кет.	юг.	котт.
a-ki-s-sal (< *a-k-i-s-i-sar >)	a-k-sār	a h-a-čāgal
‘он переночует’	‘он переночует’	‘он ночует’
a-k-i-n-sal	a-g-i-n-sār	a h-a-l-a-čāgal
‘он переночевал’	‘он переночевал’	‘он ночевал’
		h-a-l-čāgal ‘ночуй’
кет.	юг.	
d-es-o-k-uj = [des'oʊuj]		ač-ā-'ā-x
‘он его зовет’		‘он его зовет’
d-es-o-k-o-l-ij = [des'oʊulij]		ač-ā-'ā-l-ax
‘он его звал’		‘он его звал’
es-o-k-a-d-ij = [es'oʊārij] (< *es-o-k-		ač-ā-'ā-l-č-e
a-r-d'-/i/j) ‘зови его’		‘зови его’
кет.	юг.	котт.
bo-k-a-tn = [boʊätn]	bɔ-(g)-a-de	ɲ-a-i-tean (< *aɲ-a-i-
‘я иду’	‘я иду’	tean ³⁴) ‘я хочу’
bo-k-o-n-din	bɔ-(g)-ɔ-r-de / bɔ-(g)-	
= [boʊondin] ‘я шел’	ɔ-n-de ‘я шел’	

К соотношению ‘идти’ — ‘хотеть’ ср. использование форм глагола ‘идти’ в конструкциях с деидеративным значением в кетском (е. г., isas o-k-a-tn ‘он есть хочет’ — см. [Крейнович 1968а, 99]); по всей видимости, в данном случае мы имеем дело с глаголом ‘идти’, у которого еще на праенисейском уровне развилось модальное значение (приблизительный аналог чему находим, например, в английском to be going в значении ‘намереваться’). В коттском значение ‘идти’ у этого глагола не сохранилось — вероятно, в связи с появлением нового глагола с этим значением

³⁴ См. 2.1.2., сноска.

(котт. eäxējaŋ ‘я иду’); возможно также, что оно не зафиксировано (что представляется оправданным предположить ввиду явной лакунарности кастреновских записей).

Обращают на себя внимание два последних случая (‘звать’ и ‘идти/хотеть’), где в кетско-югском налицо лабиальная разновидность. В обоих этих случаях, как и в четырех других, этимологически отождествляются, кроме актантных показателей, корни (причем в случае ‘звать’ этимологически связаны, очевидно, как ядра, так и модификаторы) и маркеры основы, что делает оправданным непосредственное выведение сравниваемых парадигм из общего праенисейского источника, однако как в том, так и в другом случае, в отличие от предыдущих, в коттском отсутствует соответствие кетско-югскому велярному превербу (о соответствиях превербов см. Приложение 3). Каким образом в данном случае должно быть интерпретировано несоответствие превербных характеристик?

Разумеется, нельзя исключить возможность морфологического преобразования в кетско-югском или коттском. Было бы, однако, опрометчиво пренебрегать возможностями фонетического объяснения. Рассмотрим эти возможности.

Если предположить, что превербная структура в кетско-югском исконна, то на основании кетско-югского велярного преверба для праенисейского однозначно восстанавливается преверб *k (см. Приложение 3). Можно ли предполагать для этого преверба нулевую рефлексацию в коттском?

Стандартно в тех случаях, где в коттском имеется рефлекс праенисейского превербного *k, этим рефлексом является h (см. Приложение 3). Ограничиваясь материалом, приводимым у Шифнера, можно было бы сказать, что во всех этих случаях преверб находится в абсолютном начале словоформы, в соответствии с чем и наблюдается рефлексация *k, закономерная для анлаута (см. [Старостин 1982: 160]), а для другой позиции, а именно для позиции после объектного показателя, которая налицо в случаях ‘звать’ и ‘идти/хотеть’, не исключена регулярная

рефлексация *k в виде Ø. Из архивных материалов нам, однако, известно, что после объектных показателей также имеет место рефлекс h: ср. такие записи форм глагола 'ночевать' (в котором налицо преверб h < ПЕ *k), как ajeŋ hačāgal 'я ночую', u hačāgal 'ты ночуешь', ujoa hačāgal 'он ночует' и т. п. — см. 2.1.2. Причина этого в том, что в коттском позиция после объектного показателя является анлаутной, так как коттские объектные показатели представляют собой клитики (см. указанный раздел). Если же допустить, что в двух рассматриваемых случаях объектные показатели по какой-то причине не носили клитического характера, обуславливая инлаутную позицию преверба (что будет сильной натяжкой), то и в этом случае обосновать гипотезу о нулевой рефлексации *k не удастся: в интервокальной позиции (которая должна была бы иметь место после объектных показателей 2-го и 3-го л. sg., т. е. в формах типа ač-ū-'ā-x 'он тебя зовет', ač-ā-'ā-x 'он его зовет') ПЕ *k в коттском всегда отражается в виде -k-/-g-, но ни в коем случае не в виде Ø/' (см. [Старостин 1982: 160]), а для тех форм, где преверб должен был бы находиться после велярного носового (т. е. для форм с объектными показателями pl. и 1-го л. sg., е. г. ač-āŋ-ā-x 'он меня зовет', ŋ-a-i-teap 'я хочу', ač-ōŋ-ā-x 'он нас зовет') аналогичным образом не будет убедительным предположение о развитии типа *aŋ-k-a-j-teap > *aŋ-g-a-j-teap > *aŋ-ŋ-a-j-teap > *aŋ-a-j-teap, так как имеется по крайней мере один наглядный пример на сохранение в коттском кластера *-ŋk-: котт. kankoi, konkoj 'горло' < ПЕ *gə(n)kəŋ' (или, скорее, *gəŋkəŋ')³⁵ — см. [Старостин 1995: 227].

С другой стороны, естественным представляется объяснение, согласно которому исконная структура отражена как раз в коттских рефлексах рассматриваемых праенисейских парадигм, т. е.

³⁵ Вряд ли будет оправданной альтернативная интерпретация данного коттского слова как заимствования из камасинского konko 'ключица' (по-видимому, < урал. *k8nkz 'горло', см. [Дыбо 1996, 18]) — прежде всего из-за наличия в коттском слове ауслатного j.

последние не имели преверба, а наблюдаемый в кетско-югских рефлексах *-ү- (> кет. -ү-, юг. (g)), синхронно анализирующийся как преверб, исторически является не превербом, а эпентезой, устраняющей зияние в старых формах типа *d-es-o-o-r-ij³⁶.

Если гипотеза о вторичности превербной структуры в случаях 'звать' и 'идти/хотеть' верна, то оказывается, что илабиальная и лабиальная разновидности (по крайней мере в пределах данного класса случаев) дополнительно распределены — первая имеет место в превербных, а вторая — в беспревербных глаголах. В таком случае можно предполагать, что *o* и *u* лабиальной разновидности представляют собой результат пракетско-югской лабиализации исконных **a* и **i* (> *a*, *i* илабиальной разновидности) в беспревербной структуре.

Какие причины может иметь эта лабиализация? Можно заметить, что оба глагола, в которых она произошла, содержат тематический маркер *a/o*. Учитывая это, можно предполагать, что первоначально **a* > **o*, **i* > **u* в формах претерита ввиду позиции непосредственно перед тематическим гласным в ступени *o* (т. е. *d-es-a-o-r-ij 'он его звал' > *d-es-o-o-r-ij, *d-es-i-o-r-ij 'он ее звал' > *d-es-u-o-r-ij etc.), а затем лабиальная огласовка распространилась в показатель 3-го л. pl. и далее в формы презенса-футурума и императива.

Заметим, что гипотезу, обратную предложенной, т. е. предположение об исконности лабиального варианта *i*, соответственно, делабиализации **o* > **a*, **u* > *i* перед превербом нельзя принять прежде всего потому, что она не выглядит правдоподобной в фонетическом отношении (укажем хотя бы на то обстоятельство, что, в то время как предположение о лабиализации **i* > **u*

³⁶ Имеются основания предполагать, что разбиение зияний (по крайней мере каких-то из них) с помощью гамматической эпентезы было для кетско-югского закономерным: ср. регулярное появление *-ү- на стыке гласного субъектного показателя и гласного **a*, репрезентующего показатель 3-го л. sg. м. кл. прямого объекта, е. г. кет. [du-ү-a-tet], юг. [du-(g)-a-tet'] 'он его бьет' < *кет.-юг. [du-ү-a-tet'] (при фонологическом облике *du-a-tad').

оправдано в силу отсутствия в кетско-югском *ü, результатом делабиализации *u должно было бы быть скорее *i, чем *i).

Вышеизложенное делает возможной гипотезу, согласно которой кетско-югские *o и *u лабиальной разновидности регулярно < *a и *i в беспревербной структуре с тематическим *a/o.

Действительно, лабиальная разновидность не сочетается ни с какими превербами, кроме преверба, репрезентованного велярным (см. 2.1.1.), который исторически может быть эпентезой, устраняющей зияние в исконной беспревербной структуре (см. выше). С другой стороны, закреплённости лабиального варианта за структурой, характеризующейся наличием *a/o, не наблюдается: существует большое количество глаголов с лабиальной разновидностью, имеющих историческую *i-основу (атематических), е. г. d-un-o-k-s-i-bed 'он его испачкает'. Можно, однако, предполагать, что структура, фигурирующая в этих глаголах, представляет собой инновацию, которая возникла в связи с переходом сочетания лабиальной разновидности с велярным, первоначально имевшего место только в а/о-глаголах, в ранг продуктивного морфонологического типа³⁷.

³⁷ Результатом вторичной деривации являются, несомненно, также те а/о-глаголы, в которых между следующим за косвеннообъектными показателями лабиальной разновидности велярным превербом и тематическим гласным располагается еще один преверб (как правило, d или t), т. е., е. г., такие, как d-o-k-d-a-b-do 'он его выдалбливает', o-k-t-a-b-a-tuŋŋ 'он висит (в колыбели)' etc. В пользу гипотезы о вторичном характере структур, в которых лабиальная разновидность появляется при отсутствии предполагаемых нами фонетических условий ее возникновения, говорит очевидная производность многих из тех глаголов, в которых представлены такие структуры (d-i-bo-k-s-i-bes 'он меня приведет' ← d-ik-s-i-bes 'он придет'; d-bo-k-t-a-j-ga 'он меня уводит' ← d-t-a-j-ga 'он ходит'; d-bo-k-sa-qa 'он меня продаст' ← du-ja-qa 'он торгует'; d-bo-k-b-a-dis 'он меня ругает' ← du-b-a-dis 'он бранится'; o-k-s-i-bej 'его несет ветром' ← biŋ-s-i-bej 'дует ветер' и др.), равно как и тот факт, что ни один из этих глаголов не имеет соответствий в котском. Отметим, что тип, характеризующийся сочетанием лабиальной разновидности с велярным, действительно очень продуктивен (чем и объясняется массовое проникновение этого сочетания в те структуры, где оно из-

Имеются, таким образом, основания утверждать, что первоначально в кетско-югском косвеннообъектные показатели 1-го л. sg. и 3-го л. sg. м. кл. и pl. имели только огласовку *a*, а косвеннообъектный показатель 3-го л. sg. ж. кл. — только огласовку *i*. Следовательно, мы можем восстановить для соответствующих праенисейских показателей **a* (с учетом огласовки *a* в коттских рефлексах — см. 2.2.2.) и */*i*/.

Интерпретация, предлагаемая нами, имеет один существенный недостаток: она основана на единичных примерах, а отсутствие контрпримеров (окончательно удостовериться в котором, впрочем, можно будет только после дополнительной проверки кетского и югского материала) может быть случайным, имея причиной скудость коттских данных. Тем не менее, наша гипотеза все же в большей степени основана на фактах и, как кажется, более правдоподобна, нежели те гипотезы, согласно которым распределение лабиальной и иллабиальной огласовок или, согласно традиционному обозначению, рядов *bo/o* и *bo/bu* с одной стороны и рядов *ba/a* и *ba/bu* с другой, имеет семантический принцип. Г. К. Вернер, например, считает, что в семантически одноактантных глаголах ряды *bo/o* и *bo/bu* фигурируют в тех случаях, когда обозначается действие, носящее «центробежный» характер, а ряды *ba/a* и *ba/bu* — при «центростремительной» направленности действия (е. г. *d-ataj-bo-k-s-a* 'я скачусь с горы', *o-k-a-tu* 'он идет' с одной стороны и *d-ba-t-ok* 'я вздрогну', *a-ki-s-sal* 'он переночует' с другой), тогда как в семантически двухактантных (субъектно-объектных) глаголах показатели с лабиальными гласными маркируют действие в интересах объекта, а показатели с иллабиальными гласными — действие в интересах субъекта, е. г. *d-bo-k-b-i-taŋ* 'он меня обвенчает', *d-et-bo-k-s-uŋo* 'он меня лечит', но *d-ba-s-s-i-bil* 'он меня догонит', *d-ba-t-a-b-*

начально отсутствовало): именно этот тип (а не иллабиальная разновидность) налицо в большинстве тех случаев, когда мы наблюдаем деривацию с участием показателей косвенного объекта.

tad ‘он ко мне пристаёт’; предполагается, что исторически вторая ситуация (т. е. противопоставление рядов с *o* и *u* и рядов с *a* и *i* в тех глаголах, где референтом соответствующих показателей является объект) производна от первой (при которой аналогичное противопоставление имеет место там, где референтом этих показателей является субъект): на более раннем этапе развития системы оппозиция между рассматриваемыми рядами (показатели которых, по Г. К. Вернеру, первоначально были маркерами агенса) отражала противопоставление соответственно центробежной и центростремительной версий, и лишь позднее в тех (исторически вторичных) случаях, где эти ряды используются для маркировки объекта, данная оппозиция была перетолкована в соответствии с другой версионной категорией, значениями которой являются соответственно объектная и субъектная версии, или действие в интересах объекта vs. действие в интересах субъекта (Nicht-Subjektversion и Subjektversion) — см. [Вернер 1982; Вернер 1990а: 225—228; Werner 1994: 110, 113—114, 157]. Г. К. Вернер критикует Э. И. Белимова и В. Г. Шабаева, которые, также придерживаясь мнения о семантической дистрибуции этих рядов, полагают, что лабиальный ряд закреплен за глаголами динамического действия, а иллабиальный — за глаголами статического действия [Белимов 1986: 22—24; Шабаев 1984], и опровергает эту гипотезу контрпримерами. С неменьшим успехом, однако, может быть опровергнута и гипотеза самого Г. К. Вернера. Так, например, неясно, почему в случае глаголов ‘протрезветь’ (e-o-k-s-daɣ ‘он протрезвет’) и ‘висеть (в колыбели)’ (o-k-t-a-b-a-tuɟuɟ ‘он висит (в колыбели)’) речь должна идти о центробежности, а в случае глагола ‘убегать’ (d-ej-ba-t-a-ɟut ‘я убегаю’) — о центростремительности (коль скоро центробежность понимается как направленность действия от активного актанта или из того места, где он находится, вовне, а центростремительность — как сконцентрированность действия на активном актанте или на том месте, откуда оно исходит, согласно определению в [Werner 1994: 110]); семантика многих глаголов вообще

индифферентна по отношению к постулируемым Г. К. Вернером категориям, и с точки зрения их значений может быть истолкована по-разному. Кроме того, формальная категория, в рамках которой противопоставляются лабиальная и иллабиальная разновидности, является сугубо селективной, т. е. случаи наличия обеих разновидностей в одном и том же глаголе, по которым можно было бы проследить реальные семантические различия, отсутствуют. Все это говорит о ненадежности подобных построений³⁸. Чрезвычайно важно также то обстоятельство, что ни одна из семантических гипотез в принципе не может объяснить, почему показатели иллабиальной разновидности могут сочетаться со всеми превербами, а показатели лабиальной разновидности — только с велярным превербом, тогда как наша гипотеза это объясняет: в отличие от иллабиальной разновидности, лабиальная возникла в беспревербной структуре, а единственный преверб, с которым она сочетается, исторически представляет собой закономерную гамматическую эпентезу на стыке гласных (см. выше).

6. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАЕНИСЕЙСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЪЕКТА. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

Теперь мы можем вернуться к проблемам реконструкции системы праенисейских объектных показателей, отмеченным в конце пункта 2.2.2.

Имеется шесть случаев непосредственного отражения в кетско-югском и коттском праенисейских парадигм с рядом а҃/*а/*∅

³⁸ По-видимому, вышеизложенная гипотеза о наличии в енисейском глаголе центробежной и нецентробежной версий возникла у Г. К. Вернера в связи с идеей о наличии в енисейских языках специфических признаков активного строя, выделенных Г. А. Климовым [Климов 1972; 1977; 1983]. Раннепраенисейский, несомненно, был активным языком, однако основанием для такого вывода в действительности служат совсем другие факты (см.8.2.).

(см. предыдущий раздел), а также шесть случаев, в которых речь, по-видимому, должна идти о непосредственной рефлексии праенисейских парадигм с рядом $*?/*w'$ (> некорреферентный подряд кетско-югского прямообъектного ряда, коттский ряд $?/b'$) — см. 4.2., сближения 18—22, а также сближение глаголов со значением 'тянуть'. Сравнивая эти классы случаев, мы видим, что ряды $a\eta/*a/*\emptyset$ и $*?/*w'$ были дополнительно распределены по структурным разновидностям основы: первый выступал перед превербом и/или тематическим маркером $*a/o$, а второй — в случае отсутствия в структуре основы этих элементов (причем для форм с показателем вещного класса $*w'$ восстанавливается тематический гласный $*V_x$). На это можно было бы возразить, что материал данных сближений слишком мал для того, чтобы устанавливать дистрибуционные закономерности; с другой стороны — в кетско-югском имеется масса случаев, где рефлекс ряда $*?/*w'$, т. е. некорреферентный подряд прямообъектного ряда, появляется при в сочетании как с превербами, так и с тематическим $*a/o$. Тем не менее, данное распределение, на наш взгляд, все же должно быть принято для ПЕ с учетом данных, устанавливаемых при фронтальном анализе кетско-югской и коттской систем. В коттском появление объектного b' , являющегося членом не полностью зафиксированного ряда $?/b' < *?/*w'$, в структурах с превербами и тематическим $*a/o$ не отмечено (действительно, во всех глаголах, где наблюдается этот показатель, отсутствуют превербы и восстанавливается не $*a/o$, а $*V_x$ — см. 4.2.)³⁹, причем количество глаголов с b' достаточно для того, чтобы не считать это случайностью (более широкие дистрибуционные возможности соответствующего ряда в кетско-югском вполне мож-

³⁹ Подчеркнем, что речь идет именно о ряде $?/b — *w'$, восстанавливаемый для коттских парадигм o/a -типа, регулярно сочетается с $*a/o$ и часто — с превербами, но здесь он не противопоставлялся никаким другим объектным показателям, что подтверждается прямыми кетско-югскими соответствиями некоторых из этих парадигм — см. 4.2., сближения 4—8.

но объяснить как инновацию). Что же касается рефлексов ряда *aŋ/*a/*∅, то по крайней мере кетско-югский косвеннообъектный ряд встречается только в структурах с а/о и превербами (ситуация в коттском не совсем ясна из-за неполноты записей).

Теперь мы можем предложить реконструкцию структуры одушевленнообъектных форм праенисейских парадигм с рядом *?/*w'.

Объект в этих формах маркировался клитическими показателями, тождественными показателям ряда *aŋ/*a/*∅ (таким образом, ряд *?/*w' представлял собой ряд, который можно обозначить как *aŋ/*a/*w'). Кроме того, эти формы, по-видимому, аффигировали тематический маркер *V_x (ср. наличие этого маркера в соответствующих вещнообъектных формах), которому в формах презенса-футурума предшествовала ПМ (ср. то наблюдение относительно условий, имплицитующих аффиксацию ПМ, которое сделано в 4.2.), представленная, ввиду анлаутной позиции, морфом *j (см. 3.2.).

Остатки такой структуры в кетско-югских некорреферентно-прямообъектных парадигмах сохранились прежде всего в неперетитных формах 3-го лица объекта, где в качестве объектных показателей sg. м. кл., sg. ж. кл. и pl. выступают соответственно *a*, *i* и *aŋ*, а в формах презенса-футурума за показателями sg. следует *j*; что касается рефлекса *V_x (которым, как мы знаем, в кетско-югском является *i), то он здесь (как и во многих других контекстах — см. 4.1.1.) выпал ввиду безударной позиции (т. е., е. g., d-a-j-s 'он его оденет' < *d-a-j-i-s etc.). Отметим, что в кетско-югском прямообъектном ряду (как и в кетско-югском косвеннообъектном ряду, восходящем к праенисейскому ряду *aŋ/*a/*∅) старыми одушевленнообъектными показателями был утрачен клитический статус.

Та же структура налицо в отдельных коттских и аринских формах.

М. А. Кастреном записаны следующие формы сложного глагола со значением 'ранить': higtuaa d'арајаŋ 'я его раню', higtuaa alарајаŋ 'я его ранил', higtuaa ala 'рань его'. Элемент higtuaa

здесь, несомненно, должен члениться как *higtuu-a*, где *higtuu* — модификатор, а *a* — клитический показатель 3-го л. м. кл. объекта < ПЕ *а (он, судя по записи, имеет энклитический статус, фонетически примыкая к модификатору — см. 2.1.2.), а (d)'а- в (d')a(l)(a)(p)a(jaŋ) восходит к *(j)V_x- (*j > d' ввиду анлаутной позиции), где *j — ПМ в йотовой репрезентации.

Аналогичным образом должна, по-видимому, анализироваться аринская форма *ajete*, переведенная как 'бью', но на самом деле означающая, скорее всего, 'я его бью'. Эта форма, очевидно, точно соответствует кетско-югской прямообъектной форме *di-a-j-tad' (> *di-a-tad > кет. di-a-tad, юг. di-(g)a-tet') 'я его бью' (заметим, что *V_x после j сохраняется в аринском в виде *e*).

Структура, представленная в большинстве кетско-югских некорреферентно-прямообъектных форм 1-го и 2-го л., представляет собой результат перестройки по образцу соответствующих рефлексивных (корреферентно-объектных) форм (которые, в свою очередь, возникли в результате модификации старого рефлексивного ряда под влиянием объектного и субъектного рядов — см. Приложение 1), т. е., е. г., *du-di-s* 'он меня оденет', *d-i-l-di-s* (<*du-i-r-di-s) 'он меня одел', *du-daŋ-s* 'он нас оденет', *d-i-l-daŋ-s* (<*du-i-r-dVŋ-s) 'он нас одел' появились на месте старых *du-ba-j-i-s, *du-ba-i-r-V-s, *du-dVŋ-j-i-s, *du-dVŋ-i-r-V-s соответственно по аналогии с *di-di-s* 'я оденусь', *d-i-l-di-s* 'я оделся', *di-daŋ-s(-in)* 'мы оденемся', *d-i-l-daŋ-s(-in)* 'мы оделись'. Причины такой аналогизации ясны: кетско-югские формы типа *du-ba-j-i-s были структурно тождественны рефлексивным в том смысле, что в этих формах, как и в рефлексивных, объектные показатели располагались не перед превербом и не перед маркером *a/o, тогда как аналогичные формы парадигм с рефлексом праенисейского ряда *aŋ/*a/*∅, т. е. формы типа *du-ba-t-a-oŋ (> d-ba-t-oŋ) 'он меня видит', не обладали таким признаком, чем и объясняется сохранение в этих формах старой структуры — см. выше определение дистрибуционных характеристик соответствующих праенисейских рядов. Представляется вероятным, что ука-

занная перестройка началась с тех случаев, в которых рефлексивные и нерефлексивные формы объединялись в одной парадигме (ср. выше пример с глаголом 'одевать(ся)').

Структура кетско-югских претеритных форм 3-го л. некорреферентного прямого объекта одушевленного класса также сформировалась вследствие вторичных аналогических изменений (хотя эти формы и не были перестроены по образцу рефлексивных)⁴⁰. Гласный *а в показателях *sg. м. кл.* и *pl.* был заменен на *о* в результате контаминации с маркером спряжения *а/о*. Следствием влияния тематических форм является, вероятно, и возникновение варианта *idu* у показателя *sg. ж. кл.*: нам кажется возможным предположить, что *и* здесь представляет собой результат сужения **о* (которое, как можно думать, было обусловлено безударной позицией). Что касается элемента *-d-* в показателе *sg. ж. кл.* (в единичных случаях — также *м. кл.*), то он, вероятно, может быть сопоставлен с **d-*, восстанавливаемым в праенисейских актантажных показателях и местоимениях 3-го л. (см. 8.1.), хотя утверждать этого с уверенностью мы не можем; причины редупликации *-d-* в ряде глаголов (давшей вариант *did*) неясны.

Синхронное описание морфонологии кетских некорреферентно-прямообъектных показателей 3-го л. см. в Приложении 4.

Как видим, судьба большинства кетско-югских одушевленно-объектных форм, противопоставленных вещнообъектным формам с показателем *b'*, в целом оказывается довольно нетривиальной, однако почти все восстанавливаемые процессы находят относительно простые объяснения.

⁴⁰ Отсутствие перестройки по образцу рефлексивных форм в формах 3-го л. некорреферентного прямого объекта объясняется тем, что при различении возвратного и невозвратного объекта противопоставление рефлексивных и нерефлексивных показателей в 3-м лице необходимо (тогда как в 1-м и 2-м лицах различие между рефлексивными и нерефлексивными формами может достигаться за счет различных комбинаций субъектных показателей с объектными, что и наблюдается в кетско-югском).

После вышеописанной перестройки ряда *aŋ/*a/*w' стали появляться глаголы, характеризующиеся аффиксацией превербов в позиции перед показателями, возникшими в результате этой перестройки. Аналогичным образом слева от новых объектных показателей стал аффиговаться тематический маркер a/o. Так появились формы типа d-k-a-d-taŋ 'он меня втащит', d-k-o-n-di-taŋ 'он меня втащил' d-k-a-j-taŋ 'он его втащит' d-k-o-n-taŋ 'он его втащил' и т. п. Заметим, что для форм 3-го л. объекта, где сохранились, хотя и в частично измененном виде, старые объектные показатели, это означало появление преверба в позиции перед историческими клитиками (!), ставшее возможным вследствие утраты клитического статуса (см. выше).

Объектный ряд, возникший в результате частичной перестройки старого ряда *aŋ/*a/*w' по образцу рефлексивного, в новой системе был интегрирован с последним в единый ряд (внутри которого различаются два подряда), трактуемый в нашем описании как ряд прямого объекта — основной предпосылкой такого объединения явилось тождество порядковых характеристик показателей этих рядов, обусловленное прежде всего общностью позиции после преверба.

Заметим, что известная порядковая неоднородность некоррелятивно-прямообъектного ряда (см. 1.6.) объясняется именно различным происхождением его показателей: показатели 3-го л. одушевленного объекта здесь располагаются левее маркеров претерита-императива, так как восходят к клитическим объектным показателям, первоначально локализовавшимся только в абсолютном начале словоформы (и, соответственно, неспособным занимать позицию после каких-либо аффиксов), а позиция показателей 1-го — 2-го л. после маркеров претерита-императива обусловлена тем, что эти показатели возникли по аналогии с рефлексивными (занимавшими эту позицию уже в праенисейском — см., например, 4.2., сближения 23—24).

Имеется по крайней мере один случай, в котором при наличии формальных признаков некоррелятивно-прямообъект-

ного ряда в 3-м л. засвидетельствованы формы 1-го и 2-го л., демонстрирующие отсутствие перестройки по рефлексивному образцу. Это глагол 'забывать', лишенный превербов и имеющий в большинстве форм атематическую структуру, но принимающий в 1-м л. sg. показатель *ba* (наряду с *di*) и демонстрирующий расположение показателей 1-го — 2-го лица перед показателями претерита-императива, а не после них: *en-di-suk* 'я забуду', *en-d(-)a-j-suk* 'он забудет', *en-d(-)o-n-suk* 'он забыл', *en-d-i-j-suk* 'она забудет', *en-d-idu-n-suk* 'она забыла' (в этих формах налицо некорректно-прямообъектное спряжение), но *en-ba-suk* 'я забуду', *en-b(-)o-n-suk* 'я забуду', *en-ku-n-suk* 'ты забыл', где наблюдается старый тип объектного спряжения (с показателем *ba* в 1 л. и препозицией объектных показателей по отношению к показателям претерита-императива). Не исключено, что сохранение старой структуры форм 1-го — 2-го л. здесь связано с тем, что первоначально в этом глаголе все же был *а/о-тип (ср. его наличие в претеритных формах мн. числа, е. г., *en-daŋ-o-n-suk* 'мы забыли' и, возможно, в форме *en-b(-)o-n-suk* 'я забуду', где исторически -о- может быть тематическим маркером в претеритной ступени, а также в коттском соответствии этого глагола: *ēp-eŋ-a-i-še* 'я забуду', *ēp-uŋ-u-i-še* < **ēp-aŋ-o-j-V-še* 'я забыл') — см. выше об условиях аналогической перестройки. В таком случае присутствие здесь структуры без а/о (обусловившей перестройку в 3-го л. и частично в 1-м л. ед. ч.) вторично (колебания тематических характеристик по крайней мере в кетско-югском — феномен, требующий отдельного изучения). Этот случай, несмотря на всю его запутанность, ценен тем, что он демонстрирует наличие старого объектного показателя (*ba*) в беспревербной структуре.

Если вышеизложенная гипотеза относительно облика одушевленнообъектных форм парадигм с рядом *?/*w' верна, то можно сказать, что для ПЕ восстанавливается единый ряд объектных показателей, имевший, однако, два показателя объекта класса вещей, *∅ и *w', дополнительно распределенных по структурным разновидностям основы: *∅ выступал в преверб-

ных глаголах и в глаголах *а/о-типа, а *w' — в беспревербных глаголах *V_x-типа (с точки зрения синхронного описания праенисейского глагола *∅ и *w' можно было бы, вероятно, рассматривать как два морфа одной морфемы)⁴¹. В кетско-югском имела место обусловленная аналогическими факторами перестройка одушевленнообъектных форм в беспревербных глаголах *V_x-ти-

⁴¹ Возможно, впрочем, что дистрибуция *∅ и *w' должна быть уточнена. В единичных кетско-югских парадигмах, характеризующихся беспревербной атематической структурой и имеющих некорреферентно-прямообъектное спряжение, ожидаемый b' в вещнообъектных формах отсутствует, причем на его месте налицо ПМ (е. г. кет. d-ha-s-a 'я это режу', ср. d-ha-d(-)a-j-a 'я его режу'), а в коттском среди глаголов, отражающих беспревербную структуру с *V_x и имеющих ПМ (наблюдаемую или восстанавливаемую), но не b', мы находим транзитивные, е. г. котт. akju-š-thi-aŋ < *akju-s-V_x-ti-aŋ 'я (это) ломаю', šum-a-ši-aŋ < */s/um(-)a-s-V_x-či-aŋ 'я (это) оторву' (см.4.2.), которые выглядят в записях как не имеющие объектного спряжения, но для которых нельзя исключить его наличие, если учесть, что одушевленнообъектные формы могли быть не зафиксированы Кастреном (ср. ситуацию с b'-глаголами в коттских записях и со всеми субъектно-объектными глаголами, имеющими вещнообъектные формы, в кетских и югских — см. 2.1.2.), а зафиксированные формы с ПМ могут являться на самом деле вещнообъектными формами, аналогичными только что указанным кетско-югским. Это может свидетельствовать о том, что для праенисейской беспревербной структуры с *V_x было возможно появление не только *w', но и нулевого маркера вещного объекта (при котором вещнообъектные формы, подобно одушевленнообъектным, получали ПМ согласно правилу — см. 4.2.), причем *w' и ∅ находились в дополнительном лексическом распределении (судя прежде всего по тому, что при достаточно большом объеме кетско-югского материала мы почти не встречаем здесь появления нуля и b в одном и том же глаголе), т. е. дистрибуция нуля и *w' была не дополнительной морфологической, а включенной лексико-морфологической (в таком случае их, естественно, уже нельзя рассматривать как экспоненты одной и той же морфемы). Что касается скудости соответствующих кетско-югских данных (парадигмы с отсутствием b' при некорреферентно-прямообъектном спряжении исчисляются единицами), то характер этого факта амбивалентен: с одной стороны, это может быть аргументом против того, чтобы принимать данную структуру в расчет при историческом исследовании, с другой — такая немногочисленность как раз может говорить о реликтовости, архаичности этого феномена.

па, что дало систему с двумя объектными рядами (тогда как судьба одушевленнообъектных форм парадигм с *w' в коттском нам почти неизвестна из-за неполной фиксации этих парадигм). Такой вывод предполагает, разумеется, гипотезу о том, что семантическое различие между кетско-югскими объектными рядами вторично (эта гипотеза хорошо согласуется с тем обстоятельством, что указанное различие выражено нечетко, и его постулирование, будучи продиктовано прежде всего требованиями формализованного описания, носит условный характер).

Таким образом, окончательные результаты реконструкции праенисейских объектных показателей можно представить в следующем виде:

1-е л. sg. *aŋ/*ŋa
 pl. *ʒVŋ
 2-е л. sg. */k/u
 pl. */k/Vŋ
 3-е л. sg. м. кл. *a
 ж. кл. *i
 pl. *aŋ
 вещ. кл. *∅/*w'

В отношении праенисейских субъектно-объектных парадигм нужно отметить, что, судя как по кетско-югскому, так и по коттскому, они, по-видимому, не содержали вещносубъектных форм (что вполне понятно, так как субъект переходного глагола стандартно может являться только одушевленным). В частности, как в кетско-югском, так и в коттском отсутствуют случаи, на основании которых можно было бы предполагать наличие в ПЕ форм, характеризовавшихся одновременной аффиксацией показателя вещного субъекта *w и показателя вещного объекта *w' (несомненно, связанных исторически — см. 8.2.).

Основываясь на изложенных выше поправках к описанию коттских объектных показателей, анализе кетско-коттских соот-

ветствий и результатах реконструкции, мы можем сказать, что праенисейский глагол располагал хорошо развитой системой выражения объекта (хотя все соответствующие маркеры, за исключением показателя вещного объекта *w', являлись клитиками — см. 2.2.2.). Трудно поэтому согласиться с утверждением о некоей «необязательности» или спорадичности выражения объекта в праенисейском глаголе [Старостин 1995: 151—152]. Эта гипотеза основана прежде всего на представлении о «дефектности» выражения объекта в коттском, а именно об отсутствии одушевленнообъектных показателей в глаголах с рефлексом вещнообъектного *w и спорадичности их появления в остальных семантически объектных глаголах, тогда как более пристальное изучение материалов Кастрена заставляет считать первый феномен результатом неполноты записи, а второй — следствием специфической некорректности в отражении форм (являющейся, в конечном счете, опять-таки вариантом неполноты), которая имеет причиной клитический характер данных морфем (см. подробный разбор и последовательную аргументацию в 2.1.2.). Несмотря на осторожный подход к материалу, автор не учел, что, при всей ценности и информативности кастреновских записей по коттскому глаголу, они все же являются весьма лакунарными, вследствие чего их ни в коем случае нельзя считать исчерпывающим представлением системы и использовать картину, получаемую в результате их некритического прочтения, в качестве основы для реконструкции — и это прежде всего относится к фиксации объектного спряжения в субъектно-объектных глаголах⁴² (хотя в целом Г. С. Старостин, по-видимому, не был склонен к переоценке этих записей, сделав, например, спра-

⁴² Прийти к такому выводу заставляют не только соображения, возникающие при внутреннем анализе данного источника, но и неполнота фиксации субъектно-объектных парадигм в записях Кастрена по кетскому и югскому глаголу, хорошо видная при их сравнении с соответствующим материалом, известным нам по более поздним собраниям и полевой работе.

ведливое замечание об ограниченности их объема). Это было вызвано, по-видимому, убеждением в особой важности коттского материала и определенной установкой на «коттоцентричность», в появлении которых сыграла роль полемика с Г. К. Вернером, придерживающимся гипотезы о большей архаичности кетского и не всегда учитывающим коттские данные.

Хотелось бы подчеркнуть, что в ПЕ, судя по всему, не существовало формальных правил, которые бы предписывали (обязательное) сопровождение объектных показателей какими-либо специальными элементами. Эта ситуация полностью сохранилась в коттском, где объектные показатели в одних глаголах сопровождаются последующими превербами, а в других не сопровождаются. Что касается кетско-югского морфотактического правила, согласно которому показатели косвеннообъектного ряда, являющегося прямым (не претерпевшим существенных перестроек) рефлексом праенисейского объектного ряда, всегда сопровождаются превербами, то оно, как следует из вышеизложенного, носит вторичный характер, представляя собой чисто кетско-югский феномен и будучи результатом специфических изменений в старых беспревербных структурах с объектным спряжением: в структуре с тематическим $*i < ПЕ *V_x$ произошла перестройка, приведшая к образованию нового ряда (см. выше), а в структуре с тематическим гласным $*a/o$, где старые объектные показатели полностью сохранились, дав косвеннообъектный ряд, возникла гамматическая эпентеза, неотличимая от интервокальной репрезентации преверба k и анализирующаяся на синхронном уровне как этот преверб (подробное обоснование см. в 5.). Показательно, что для ПЕ с надежностью восстанавливается два конкретных глагола, лишенных преверба, но имеющих объектное спряжение — см. 4.2., сближение 10, а также пункт 5, случай 'идти/хотеть'.

Трудно согласиться с предложенной в [Старостин Г. 1995] гипотезой о существовании в праенисейском глаголе особых элементов $*k$ и $*t$ (для их обозначения автором используется термин «подставка»), регулярно сопровождавших объектные пока-

затели и даже составлявших с ними некую атрибутивную конструкцию (где объектные показатели играли роль формально зависимых определяющих), а первоначально (при отсутствии «нынешних» объектных показателей) вообще являвшихся маркерами объекта [Старостин Г. 1995: 152]. Эта гипотеза основана на том, что в кетско-югском наиболее частотными из превербов, фигурирующих при наличии косвеннообъектных показателей, являются *k* и *t* (в [Решетников — Старостин 1995] они даже были выделены в особый класс «дативных детерминативов»), а также на том, что в коттских субъектно-объектных глаголах объектные показатели во многих случаях сопровождаются морфемой *th*, которой автор, вслед за Г. К. Вернером, считающим ее показателем каузатива, отводит особый грамматический статус (определяемый как выражение направленности действия на объект), отделяя ее от превербов [Старостин Г. 1995: 126—127]. Что касается высокой частотности велярного преверба в глаголах с косвеннообъектными показателями в кетско-югском, то ее вряд ли можно рассматривать как отражение каких-либо старых закономерностей: она имеет причиной, во-первых, регулярное появление гамматической эпентезы, синхронно анализирующей как преверб, в исторически беспревербных (субъектно-)объектных парадигмах с *а/о-основой, во-вторых — очевидную продуктивность морфонологического типа, характеризующегося сочетанием косвеннообъектных показателей лабиальной разновидности с велярным (см. 5). Коттское *th*, во-первых, появляется далеко не во всех глаголах с объектным спряжением (наличие в коттском субъектно-объектных глаголов, не имеющих этого форманта, было отмечено самим автором), во-вторых, даже в том случае, если элемент *th* ввиду его частотности (а также наличия некоторого количества минимальных пар, в которых транзитивным формам с *th* противопоставлены интранзитивные формы без *th*) действительно должен быть признан особым формантом (существующим наряду с омонимичным превербом?) — например, маркером переходности — и занять отдель-

ное место в синхронном описании, то исторически он все равно представляет собой преверб. Высокая частотность преверба *t как в кетско-югском, так и в коттском действительно заслуживает внимания: можно сделать вывод о его высокой частотности в ПЕ, однако у нас нет никаких оснований считать, что его отсутствие в глаголах с объектным спряжением было для ПЕ спортивным: в коттском количество субъектно-объектных глаголов, не имеющих th, действительно меньше, чем количество субъектно-объектных глаголов, его аффилирующих, но ср. хотя бы обилие кетско-югских глаголов *a/o-типа с косвеннообъектными показателями лабиальной разновидности, в которых, по всей видимости, отражена старая беспревербная структура (см. 5).

Показательно, что стремление отделить превербы от «подставки» повлекло за собой такую неточность, как постулирование последовательности «модификатор (или преверб) + показатель объекта + „подставка“...» при построении порядковой схемы праенисейской глагольной словоформы: очевидно, что элементы, условно обозначаемые согласно используемой Г. С. Старостиным и нами терминологии как превербы, располагались после объектных показателей, а не перед ними: ср. такую позицию в коттском, а также постпозицию превербов по отношению к показателям кетско-югского косвеннообъектного ряда — примеры см., в частности, в 4.2. (что касается препозиции превербов по отношению к некореферентным показателям кетско-югского прямообъектного ряда, то она не информативна, так как этот ряд возник в результате частичной перестройки по образцу рефлексивного — см. выше).

7. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ПРАЕНИСЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

Большинство праенисейских глагольных классов восстанавливается на основе сравнения глагольных парадигм, все элементы которых отождествляются как этимологически связанные

(такие случаи наиболее надежны, так как они практически исключают гипотезу о том, что перед нами результат параллельного развития в языках-потомках, и имплицитно реконструируют конкретные праенисейские парадигмы); в единичных случаях, однако, основанием для реконструкции служат глаголы, отражающие одну и ту же морфологическую структуру, но содержащие этимологически не связанные лексические морфемы.

В качестве «основного» признака при выделении праенисейских парадигматических классов мы сочли целесообразным выбрать актантную структуру, т. е. тип спряжения, определяющийся наличием тех или иных рядов актантных показателей. По этому признаку различаются четыре основных класса глаголов, а именно субъектные, объектные, субъектно-объектные и рефлексивные глаголы; внутри этих классов можно выделить подклассы по признакам типа основы и наличия/отсутствия преверба (классификация, таким образом, будет строиться по принципу, который можно определить как некую «иерархию» селективных категорий).

В классификации не учитывается разделение глаголов на простые (однокорневые или «ядерные») и сложные (ядерно-модификаторные); следует, однако, иметь в виду, что глаголы каждого из выделяемых классов могли, по-видимому, быть как простыми, так и сложными.

Ниже следует обзор классов.

(I) Субъектные глаголы

(Ia) Беспревербные глаголы *а/о-типа.

Восстанавливаются две конкретные парадигмы такой структуры, а именно парадигмы глаголов 'смеяться' и 'проводить день' — см. 4.2., сближения 1 и 2.

(Ib) Беспревербные глаголы *V_x-типа.

Наличие в ПЕ данного класса с надежностью устанавливается по парадигмам 'лаять', 'мерзнуть' и 'плакать' — см. 4.2., сближения 11—13; сюда же — глагол 'умереть' (см. класс е) в том же пункте).

(Ic) Превербные глаголы *V_x-типа.

Конкретные парадигмы такой структуры не восстаналиваются; их наличие, однако, можно предполагать на основании отдельных кетско-югских и коттских парадигм соответствующей структуры: ср., е. г., кет. d-ti-s-un 'он ползет', d-ti-l-un 'он полз' — котт. d'-a-ši-aŋ (< *[ʒ]-V-s-V_x-ċi-aŋ) 'я наряжусь', d'-a-l-a-ši-aŋ (< *[ʒ]-V_x-r₁-V-ċi-aŋ) 'я нарядился', d'-a-l-ši (< *[ʒ]-V_x-r₁-ċi) 'нарядись' (см. 4.2.).

Возможно, что в ПЕ существовал формальный запрет на появление в превербных парадигмах *V_x-типа показателя вещного субъекта *w — если в кетско-югском некоторое количество соответствующих случаев имеется (е. г., ki-b-doŋ 'это стоит', ki-b-il-doŋ 'это стояло'), то в коттском формы, которые можно было бы интерпретировать как отражающие такую структуру, как будто бы отсутствуют (хотя степень релевантности этого факта, как и в других подобных случаях, не очень высока ввиду малой выборки коттского материала).

(II) Объектные глаголы

(IIa) Беспревербные глаголы *a/o-типа.

Реконструируется одна конкретная парадигма такой структуры, а именно парадигма глагола, рефлекс которого имеют значения 'идти' и 'хотеть' в кетском и 'хотеть' в коттском — см. 5.

(IIb) Превербные глаголы *V_x-типа.

Данный класс представлен глаголом 'ночевать' — см. 4.2., сближение 17.

(III) Субъектно-объектные глаголы

(IIIa) Беспревербные глаголы *a/o-типа.

Представителем данного класса является глагол 'звать' — см. 4.2., сближение 10, а также 5.

(IIIb) Превербные глаголы *а/о-типа.

Для ПЕ с надежностью восстанавливается один глагол такой структуры — это глагол 'видеть', см. 4.2., сближение 3.

(IIIc) Беспревербные глаголы *V_x-типа.

Данный класс представлен парадигмами глаголов 'находить', 'делать', 'бить/толочь' и 'мять/тереть', 'налить/вылить' (см. 4.2., сближения 18—22) и 'тянуть' (см. там же класс е). В этом классе (в отличие от классов (IIIa), (IIIb) и (IIId)) вещный объект маркировался не нулевым показателем, а показателем *w' — см. пункт б.

(IIId) Превербные глаголы *V_x-типа.

Конкретных парадигм такой структуры восстанавливается три — это парадигмы глаголов 'купить/платить', 'догнать' и 'закрывать', см. 4.2., сближения 14—16.

Выделяется еще два особых класса праенисейских глаголов *а/о-типа, формально являющихся субъектно-объектными; обозначим их как классы (III') и (III'').

Глаголы класса (III') имели стандартное субъектное спряжение, а полное объектное спряжение в них, по-видимому, отсутствовало, однако они аффиговали маркер вещного объекта *w' в позиции после тематического *а/о. Данный класс представлен парадигмами глаголов 'стрелять', 'царапать', 'пить', 'повернуть/вертеть' и 'вытирать/чистить' — см. 4.2., сближения 4—8; в данном классе можно выделить подклассы (III'a) и (III'b), объединяющие соответственно беспревербные ('царапать', 'пить', 'вертеть', 'вытирать/чистить') и превербные ('стрелять') глаголы.

Класс (III'') представлен всего одной конкретной парадигмой — это парадигма глагола 'слышать', см. 4.2., сближение 9. Здесь имеет место полное объектное спряжение, а из субъектных показателей присутствует только показатель субъекта вещного класса *w, располагающийся после тематического гласного (ср. позицию *w' в предыдущем классе).

(IV) Рефлексивные глаголы

(IVa) Беспревербные глаголы *V_x-типа.

О наличии в ПЕ этого класса свидетельствуют парадигмы глаголов 'сесть' и 'лечь' — см. 4.2., сближения 23 и 24.

(IVb) Превербные глаголы *V_x-типа.

Конкретные парадигмы этого класса в реконструкции отсутствуют; соответствующая структура, однако, представлена рядом глаголов в кетско-югском и одним глаголом в коттском: ср., е. г., кет. d-ki-d-tin 'я скачусь', d-ki-sa-tin 'он скатится', d-ki-l-d-tin 'я скатился', d-ki-l-a-tin 'он скатился' и котт. th-i-gaj-aŋ 'я останусь', thī-a-gaj 'он останется', th-a-l-i-gaj-aŋ 'я остался'.

Имеется ряд случаев, на основании которых можно предполагать наличие в ПЕ еще нескольких классов, однако эти случаи менее надежны, и здесь мы на них останавливаться не будем.

В представленной выше системе парадигматических классов, как легко заметить, имеется некоторое количество «пустых клеток»: отсутствуют субъектные и объектные превербные глаголы *a/o-типа, объектные беспревербные глаголы *V_x-типа и рефлексивные глаголы *a/o-типа. Соответствия всех недостающих разновидностей, однако, имеются в кетско-югском; не исключено, что эти разновидности существовали и в коттском, но не были зафиксированы. В любом случае можно сделать вывод, что обилие структурных разновидностей, характеризующее, в частности, кетско-югский глагол, имело место уже в праенисейском.

8. АНАЛИЗ РЕКОНСТРУИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ И ДАЛЬНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

8.0. Представляется очевидным, что глагольная система, восстанавливаемая для ПЕ периода распада, сама является результатом ряда существенных преобразований и инноваций. На это указывают, в частности, такие ее черты, как обилие пара-

дигматических классов (см. 6.) и десемантизованность некоторых морфем (см. прежде всего 3.2. и Приложение 3). Сравнительный анализ ряда элементов этой системы, а также ее сравнение с другими грамматическими системами праенисейского языка позволяет высказать (с учетом типологических соображений) ряд гипотез относительно происхождения некоторых глагольных морфем и частично реконструировать более раннее состояние праенисейского глагола (это состояние можно условно назвать раннеенисейским). Нижеследующие разделы посвящены темам, эффективнее всего поддающимся разработке и с нашей точки зрения наиболее важным, а именно предыстории актантных показателей и реконструкции раннеенисейской системы парадигматических классов.

8.1. В литературе уже неоднократно отмечалось, что субъектно-объектные показатели в енисейских языках имеют местоименное происхождение. Все соответствующие наблюдения, однако, основывались, как правило, на сравнении субъектно-объектных показателей и местоимений одного и того же языка, тогда как последовательный анализ межъязыковых соответствий, наблюдающихся внутри каждой из двух систем, фактически не производился. Представляется, между тем, несомненным, что местоименная система и система субъектно-объектных показателей были достаточно четко отделены друг от друга уже в древнейший период, и их сравнение, таким образом, должно осуществляться на уровне праязыковых реконструкций.

Значительным шагом вперед является поэтому анализ соответствий между субъектно-объектными показателями и личными местоимениями, представленный в [Старостин Г. 1995: 160—162]: этот анализ, будучи произведен с более или менее последовательным учетом результатов реконструкции праенисейского состояния обеих систем, привел к вполне определенным и обобщающим выводам относительно местоименного происхождения глагольных маркеров субъекта и объекта. Однако получение не-

сколько иных, нежели в указанной работе, результатов реконструкции субъектно-объектных показателей (см. прежде всего 2.2.1.), а также ряд представляющихся нам необходимыми поправок и дополнений к реконструкции системы личных местоимений заставляют нас рассмотреть вопрос о соотношении обеих систем еще раз.

Для личных местоимений 1-го и 2-го л. sg. восстанавливается противопоставление двух основ, а именно прямой основы (основы непритяжательных форм) и косвенной основы (основы притяжательных форм).

В 1-м л. sg. прямая основа однозначно восстанавливается в виде *аз (по кет., юг. ad, котт. ai, ар. aj, пумп. ad).

В притяжательных формах 1-го л. sg. кетско-югский имеет основу ab- (кет., юг. ab-is 'мой', ср. также именной притяжательный префикс 1-го л. sg. (a)b-) при an- в коттском (котт. an-še 'мой'). Для ПЕ здесь нужно, по-видимому, реконструировать дублиеты *(a)b-/*aŋ- (с предположением о вторичной девеляризации -ŋ- > -n- в перед -š- в коттской притяжательной форме), восходящие к одному прототипу: *b < *m < *ŋ в результате анлаутной деназализации — см. [Старостин 1982, 228—229; Старостин 1995, 176] (кетско-югское ab, как можно предполагать, представляет собой либо метатезу из исконного *ba, либо — что менее вероятно — сочетание старого b (<*bV?) с протетическим элементом неясного происхождения).

Во 2-м л. sg. восстанавливается *(a)u в качестве прямой основы и *uk- в качестве косвенной: рефлексами первой являются кет., юг. u, котт., ар. au и пумп. ue, а рефлексами второй — кет.-юг. uk- (кет. uk-is, юг. ug-is 'твой', ср. также именной притяжательный префикс 2-го л. sg. k-)⁴³. В коттском старая косвенная основа вытеснилась прямой (котт. au-še 'твой').

⁴³ В [Дульзон 1968: 102] утверждается, что прямая форма кетского местоимения 2-го л. sg. может быть представлена также в виде uk (т. е. выглядеть аналогично косвенной). Однако как в [Вернер 1977], так и в [Вернер 1993] форма со

В рл. 1-го и 2-го л. противопоставление прямой и косвенной основ отсутствует: здесь восстанавливаются только формы */a/зVŋ 'мы' (> кет. əŋŋ, юг. əŋŋ, котт. ajoŋ, асс. ajuŋ, ар. aiŋ, пумп. adiŋ) и *VkVŋ 'вы' (> кет. əkŋ, юг. əkŋ/kəkŋ, ар. aŋ, пумп. ajaŋ; котт. auoŋ представляет собой результат вторичного образования от au 'ты' — см. [Старостин 1982: 206]); исходя из системных соображений, можно предполагать, что такая ситуация является вторичной и представляет собой результат совпадения старых прямых и косвенных форм.

В третьем лице можно восстановить местоимения *w/u/ для sg. и *w/u/ŋ для pl. Эти формы отражены соответственно в кет., юг. bu, котт. u- (в формах u-j-u 'он' и u-j-a, ср. также указательные местоимения u-j-ō 'тот' и u-n-a 'та'; развитие *w- > ∅ объясняется, вероятно, позицией перед губным гласным) и в кет. buŋ, юг. bēŋ, котт. un- в (un-iaŋ 'они'; ср. также асс. ba-ŋi 'он')⁴⁴.

Необходимо упомянуть, что восстанавливаются также местоименные элементы 3-го л. м. кл. -(d)u и ж. кл. -(d)a (> кет., юг. -t /<*-du/, -da в указательных местоимениях типа кет. qa-t 'тот', qa-da 'та', котт. -u, -a в u-j-u 'он', u-j-a 'она', i-n'-u 'этот', i-n'-a 'эта'; ср. также ар. и котт. диал. ха-tu 'он') и, по-видимому, м. кл. *(d)a, ж. кл. *(d)i (непосредственные рефлексы этих элементов представлены только в севернокетских a-da 'его (gen.)', i-di 'ее (gen.)',

значением 'ты' выглядит только как u; с такой же ситуацией мы встретились и во время сбора кетского материала от носителей в с. Келлог. Это наводит нас на мысль, что утверждение А. П. Дульзона некоректно; заметим, что в любом случае (даже если uk действительно может выступать как прямая форма) изначальное противопоставление u и uk как соответственно прямой и косвенной форм устанавливается с надежностью (т. к. u несомненно выступает только как прямая форма).

⁴⁴ Вопреки [Werner 1994: 116], [Старостин 1995: 294] и [Старостин Г.1995: 160], сюда не относится ар. au: такого местоимения 3-го л. в аринском, по-видимому, вообще не существовало; его появление в литературе по енисейским языкам имеет причиной некорректный перевод аринского au ахупку 'ты стоишь' как 'он стоит', фигурирующий в материалах Г. Ф. Миллера (см. 2.2.1.).

а также в притяжательных префиксах 3-го л. sg. м. кл. da- и ж. кл. di-). Судя по функциям рефлексов этих элементов, *(d)u и *(d)a были прямыми формами, а *(d) и *(d)i — косвенными.

Таким образом, сравнительная таблица личных местоимений и субъектно-объектных показателей будет выглядеть следующим образом:

	Показатели субъекта	Показатели объекта	Личные местоимения	
			Прямая форма	Косвенная форма
Sg. 1-е л.	*di	*aŋ/*ba	*aʒ	*aŋ/*(a)b
2-е л.	*(k)u	*(k)u	*(a)u	*uk
3-е л. м. кл.	*du	*a	*w/u/, *(d)u	*(d)a
ж. кл.	*də	*i	*w/u/, *(d)a	*(d)i
Pl. 1-е л.	*dVŋ	*ʒVŋ	*/a/ʒVŋ	*/a/ʒVŋ
2-е л.	*(k)Vŋ	*(k)Vŋ	*VkVŋ	*VkVŋ
3-е л.	*/dVŋ/	*aŋ	*w/u/ŋ	?

Если результаты, представленные в этой таблице, верны, то можно с уверенностью утверждать, что показатели субъекта происходят из прямых форм личных местоимений, а показатели объекта — из косвенных (это хорошо видно по формам 1-го и 3-го л. sg.).

*d- в показателях субъекта 1-го л., вероятно, < *ʒ- (ср. соответствующие местоименные формы); представляется вероятным, что первоначально *ʒ- > *d- только в показателе pl. под влиянием предшествовавшего ему суффикса pl. -(V)n, о реконструкции которого см. в 2.2.1. (поскольку для ПЕ не восстанавливается случаев сочетания *nʒ, вполне можно предполагать, что это сочетание регулярно > *nd), а наличие *d- в показателе sg. представляет собой результат аналогии.

Данные языков-потомков не позволяют однозначно реконструировать облик показателей 2-го л субъекта и объекта (см.

2.2.1. и 2.2.2.). Установив происхождение субъектно-объектных показателей, мы можем предполагать, что показатели субъекта имели вид *u и *V₁, а показатели объекта — вид *ku и *kV₁ — ср. соответственно прямую и косвенную формы личного местоимения 2-го л. sg. (что касается pl., то здесь, вероятно, в глагольных показателях сохранилось старое различие прямой и косвенной форм, утраченное в местоимениях). Соответственно, наличие только варианта с велярным в кетско-югском и только варианта без велярного в коттском представляет собой результат вторичного обобщения (в кетско-югском старые субъектные показатели вытеснились объектными, а в коттском имел место обратный процесс).

8.2. Реконструируемая для ПЕ периода распада система глагольных парадигматических классов (см. 7.) явно инновационна. Она, как нам представляется, возникла в результате довольно сильного разрушения и усложнения системы, характеризовавшей праенисейский глагол в более ранний период. Основные черты этой системы (и, соответственно, некоторые процессы, вследствие которых сформировалось позднепраенисейское состояние), как кажется, могут быть со значительной долей вероятности реконструированы.

Первоначально, вероятно, в системе присутствовали только субъектные глаголы *a/o-типа (т. е. составляющие класс (Ia) в позднепраенисейском) и (беспревербные) субъектные глаголы *V_x-типа (см. позднепраенисейский класс (Ib)), характеризовавшиеся противопоставлением показателей *w и *j. Первые обозначали активное действие, а вторые — состояние или переход из одного состояния в другое. Таким образом, имела место система, которую с точки зрения контенсивной типологии можно охарактеризовать как активную.

Показатель *j в глаголах состояния являлся, по-видимому, маркером одушевленного пациенса, тогда как *w маркировал неодушевленный пациенс.

Если данная гипотеза верна, то элементы *a/o и *V_x первоначально являлись не маркерами основы, а маркерами соответственно активности и инактивности.

Возможно, что уже в самый ранний период существовал также тип, отражением которого является рефлексивный тип в позднепраенисейском (см. класс (IV)). Несомненной представляется связь глаголов этого типа с глаголами состояния: ср. фигурировавший в последних показатель *j с элементом *j в рефлексивных показателях 3-го л.; заслуживает внимания также то обстоятельство, что в классе рефлексивных глаголов с надежностью восстанавливаются только глаголы *V_x-типа. Оправданным кажется предположение о том, что праенисейские рефлексивные глаголы возникли на базе глаголов состояния и первоначально обозначали не просто действие, совершаемое над собой, а приведение себя в какое-либо состояние (заметим, что именно такая семантика налицо в тех рефлексивных глаголах, которые непосредственно реконструируются для ПЕ, а именно в глаголах 'сесть' и 'лечь').

Модификация старой системы была связана с переходом к номинативному типу, т. е. с утратой грамматической оппозиции между агенсом и пациенсом в одноактантном предикате и формированием оппозиции субъекта и объекта.

В определенный период показатель *j перестал маркировать одушевленный пациент (что было связано с переходом роли актантных маркеров к морфемам местоименного происхождения), и по типу, характеризовавшемуся наличием элемента *V_x и показателя *j, стали образовываться интранзитивные глаголы с субъектом-агенсом, а также транзитивные глаголы. Так возникли, в частности, глаголы типа 'лаять' и 'плакать' (см. 4.2., сближения 11 и 13), а также классы (Ic) и (III_d). Глаголы, характеризовавшиеся наличием элемента *a/o, также разделились на транзитивные и интранзитивные. В итоге тип с *j и *V_x и тип с *a/o превратились в лексически распределенные типы, индифферентные по отношению к актантной структуре. Утрата показа-

телем *j старой семантики привела к превращению его в пустую морфему; аналогичным образом нарушение дополнительной дистрибуции элементов *a/o и *V_x по семантическим классам обусловила принятие этими морфемами чисто «строительной», асемантической функции, которую представляется корректным определить как маркировку основы. При всем этом сохранился и старый тип глаголов состояния, характеризовавшийся наличием элемента *V_x и объединением в одной парадигме *j и *w. Конкретные парадигмы этой разновидности, относящиеся к классу (Ib), не восстанавливаются из-за скудости коттских данных, однако она наглядно представлена кетско-югскими парадигмами типа кет. du-j-qol 'он излечится' — bim-b-i-qol 'это заживет' и коттским глаголом, преведенным как 'поспевать' (см. 3.1.2., сноска): d'-a-p-i-j-aŋ 'я [успею]' — b-a-pi 'это поспеет'. В новой системе *w в качестве маркера вещного субъекта вступил в парадигматическое противопоставление уже не с лишенным семантики j, а с новыми одушевленносубъектными показателями местоименного происхождения.

Аффиксация превербных элементов слева от *j обуславливала его переход в *s (см. классы (Ic) и (III d)). Данное явление имеет, вероятно, чисто фонетическое объяснение: можно предполагать, что первоначально в позиции перед ПМ превербы имели вид С (гласный, отделяющий превербный согласный от ПМ, является, соответственно, эпентетическим), и *j подвергался оглушению и дальнейшей ассибиляции под влиянием непосредственно предшествовавшего ему превербного согласного, т. е., е. г., *a tV-s-V_x-/b/i/l/-du 'он его догонит' (> кет. d-a-s-s-i-bil, котт. [a] th-a-ča-pil) < *a t-s-V_x-/b/i/l/-du < *a *t-x'-V_x-/b/i/l/-du < a *t-j-V_x-/b/i/l/-du (ср. [Старостин Г. 1995: 155]; переход *j > s отнесен здесь, однако, к кетско-югскому периоду, что, по всей видимости, неверно). Имеется по крайней мере один наглядный пример, в котором для праенисейского превербного глагола с *s налицо «производящий» глагол с *j (сохранившийся, правда, только в кетском): *-tV-s-V_x-wēž-, представленное в образован-

ном с помощью модификатора *gi'ž 'цена' (> кет. ki'd, юг. ki't', котт. ki, см. [Старостин 1995: 227]) сложном глаголе *gi'ž-tV-s-V_x-wēž- (*gi'ž-tV-s-V_x-wēž-du > кет.-юг. *du-kid'-ti-s-i-bed' > кет. d-kit-ti-s-bed 'он это купит', котт. ki-th-a-ča-pa < ki-tha-č-a-pa 'он платит') ← *j-V_x-wēž- > кет. du-j-bed 'он сделает', ср. у Е. А. Крейновича ай дужсет 'что он сделает?' [Крейнович 1968а: 144].

Особый интерес представляет позднепраенисейский класс субъектно-объектных беспревербных глаголов *V_x-типа (см. класс (IIIc)), которые характеризовались маркировкой вещного объекта с помощью показателя *w' и, вероятно, аффиксацией ПМ в одушевленнообъектных формах (см. 6.). Глаголы этого класса, несомненно, также возникли на базе старых глаголов состояния, причем вещнообъектный показатель *w' здесь восходит к показателю вещного субъекта *w. Представляется вероятным, что первоначально все глаголы данного класса представляли собой каузативные соответствия глаголов состояния, будучи образованы непосредственно от последних и являясь членами пар типа кет. aŋ-(k)(-i)-b-ta 'это висит' — d-aŋ-(k)(-i)-b-ta 'я это повешу', и лишь на позднем этапе развития системы данный класс пополнился глаголами, формально не соотносящимися с глаголами состояния (типа 'мять', 'бить', 'находить' и т. п.).

Обращает на себя внимание наблюдающаяся в классе (IIIc) элиминация вещнообъектного показателя *w' из форм императива. Какую-либо семантическую мотивировку данного явления представить себе довольно трудно. По-видимому, объяснение здесь должно быть следующим. Отсутствием в императиве характеризуется субъектное *w в глаголах состояния — ввиду отсутствия соответствующих форм, имеющего элементарные семантические причины: неодушевленный субъект не может выступать в роли адресата просьбы или приказа (кроме того, даже если представить себе вещнообъектную императивную форму, то показатель вещного субъекта в ней все равно будет отсутствовать согласно общему правилу элиминации субъектных показателей в императиве — см. 2.2.1.). В классе (IIIc), несмотря на

иное, нежели в глаголах состояния, грамматическое значение *w, было сохранено формальное правило, согласно которому *w не может выступать в императиве (т. е. соотношение типа котт. b-a-čej 'он это трет' — a-l-čej 'три это' (вместо ожидаемого соотношения типа b-a-čej — *b-a-l-čej) имело образцом соотношение типа котт. b-a-ri 'это поспеет' — a-n-ri 'успей').

Классы (III') и (III'') явно имеют позднее происхождение: они, по-видимому, представляют собой результат добавления маркера *a/o в исконную структуру с *V_x, демонстрируя дериваты конструкций, имеющих место в вещнообъектных формах парадигм класса (IIIc) и вещноsubjектных формах парадигм класса (Ib) (т. е., е. г., пе. *p-a-w-V-däq-du 'он стреляет' /> кет. d-H-a-b-daq, котт. f-ō-tek/ = *p-a-w-V_x-däq-du). Аналогичным образом должна анализироваться структура с тематическим *a/o перед пустой морфемой в йотовой репрезентации, представленная кетско-югскими глаголами типа 'ходить' (кет. d-t-a-j-ga 'он ходит') и коттским глаголом 'забывать' (еп-ең-а-і-še 'я забуду') — см. 3.1.1., 3.1.2., 4.2.: она появилась в результате подстройки *a/o в структуру типа той, которая характеризует одушевленноsubjектные формы парадигм класса (Ib). Подобные процессы хорошо видны, например, по тем случаям, когда в одних языках-потомках налицо производная, а в другом — старая производящая структура, е. г. кет.-юг. *du-t-a-χot 'он лежит' (> кет. du-t-a-qot, юг. du-t-a-xot) < *du-t-a-j-χot (см. 3.1.1.) < *du-t-a-j-i-χot ← *du-j-i-χot = котт. d'-āt < *j-a-Rat 'он лежит' (ср. котт. mon d'agat 'он не спит' в записи Г. Ф. Миллера, а также асс. jahatan и ар. aqodoj < *j-a-qod-aј 'я сплю' в записях mon jahatan и bon aqodoj 'я не сплю'; о падении начального j в аринском см. [Старостин 1982: 159]) < пе. *j-V_x-χot-du 'он лежит'.

Если вышеизложенные представления об истории праенисейских парадигматических классов верны, то можно сделать вывод, что наиболее серьезные изменения енисейская глагольная система претерпела до распада праязыка.

Приложение 1

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ПРАЕНИСЕЙСКОМ

Праенисейское рефлексивное спряжение реконструируется на основании соответствия кореферентного подряда кетско-югского прямообъектного ряда коттскому рефлексивному ряду (см. [Старостин Г. 1995: 129—130; 156—157]); установить такое соответствие позволяют тождество показателей 3-го л. в указанных рядах, а также позиционная и семантическая корреляция между этими рядами:

	кет.	котт.
1-е л. sg.	d(i)	i
pl.	daŋ	i
2-е л. sg.	ku	i/oŋ
pl.	kaŋ	i/oŋ
3-е л. sg.	ja/sa/a	d'a/a
pl.	jaŋ/saŋ/aŋ	d'aŋ/aŋ

(См. также 2.1.1. и 2.1.2.).

Соответствующий праенисейский ряд имел, по-видимому, следующий вид:

1-е —2-е л. *i
 3-е л. sg. *ja/*a
 pl. *jaŋ/*aŋ

В 3-м л. варианты *ja и *jaŋ (> кет.-юг. ja, jaŋ, котт. d'a, d'aŋ) выступали в формах презенса-футурума, а варианты *a и *aŋ (> кет.-юг. a, aŋ, котт. a, aŋ) — в формах претерита. Презенсно-футурумные варианты a и aŋ (в двух случаях a > ē и aŋ > ēŋ в результате ассимиляции с ē предшествующего слога) в позиции после проверба/модификатора в коттском (см. 2.1.2.), очевидно, < *ja, *jaŋ в результате падения *j.

Старый показатель 1-го—2-го л. в кетско-югском вытеснился соответствующими показателями, перенесенными из субъектного ряда (см. 2.1.1. и 2.2.1.); в отношении 1-го л. pl. и 2-го л. в равной мере возможна гипотеза о влиянии объектного ряда (см. 2.1.1. и 2.2.2.). В 3-м л. в презенсно-футурумных формах претербных и модификаторных парадигм на месте старых вариантов с -j- возникли варианты с -s- — очевидно, под влиянием претербных и модификаторных форм с сибилантной реперезентацией ПМ (см. 3.1.1.), хотя в претербных сохранились и варианты с -j- — см. Приложение 4.

Единственной модификацией, произошедшей в коттском, было появление в 1-м и 2-м л. pl. варианта oŋ наряду со старым i (зафиксированным лишь в одном глаголе) — ср. oŋ-ej-an-toŋ ‘мы рождаемся’, но th-i-gaj-en-toŋ ‘мы останемся’ (при этом i в 1-м и 2-м л. pl. регулярно сохраняется в формах с пассивным значением, формально близких к рефлексивным). Эту модификацию нужно, по-видимому, рассматривать как позднее преобразование по аналогии с объектным рядом (см. 2.1.2., 2.2.2.) — ср. вытеснение рефлексивных показателей показателями других рядов в кетско-югском.

В целом можно констатировать, что, в отличие от праенисейского субъектного ряда, праенисейский рефлексивный ряд хорошо сохранился в коттском и подвергся существенным модификациям в кетско-югском.

Приложение 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДИКАТИВИЗАТОРОВ

(личных показателей, оформлявших именной и наречный предикат)

	кет.	котт.	ПЕ
1-е л. sg.	di	taŋ	*d/i/
pl.	daŋ (юг. dāŋ)	toŋ	*dVŋ
2-е л. sg.	ku	u	*/k/u
pl.	kaŋ (юг. kāŋ)	oŋ	*/k/Vŋ
3-е л. sg. м. кл.	du	tu	*du
ж. кл.	da	ta	*da
pl.	aŋ (юг. ēŋ)	iaŋ	*/a/ŋ
вещ. кл.	am (юг. ε)	a	*Vm

Данный ряд был почти полностью тождествен субъектному (см. 2.2.1.); исторически эти ряды представляют собой, по-видимому, один и тот же ряд (различия — речь идет прежде всего о показателе 3-го л. pl. — носят, вероятно, вторичный характер), который восходит к прямым формам местоимений — см. 8.1. (иначе [Старостин Г. 1995: 148—150; 153—154; 160—162].

Сравнение с местоименной системой заставляет предположить, что *d- в показателях 1-го л. < *z- — вероятно, в конечном счете по фонетическим причинам: сначала только в показателе pl. под влиянием предшествующего *-n, принадлежащего суффиксу мн. числа, с последующим аналогическим распространением в показатель sg. (см. 8.1.); впрочем, в предикативной конструкции праенисейское имя, в отличие от глагола, могло не иметь такого суффикса, так как

он отражен лишь в кетско-югском, отсутствуя в коттском: ср. кет. *qe-ku* ‘ты большой’, *qe-ŋ-kaŋ* ‘вы большие’, но котт. *raŋ-u* ‘ты богатый’, *raŋ-oŋ* ‘вы богатые’ (к тому же в имени, в отличие от глагола, суффикс мн. числа не был однотипным: наряду с **(V)ŋ* имелся — видимо, фонетически распределенный по отношению к нему — велярный вариант **(V)ŋ*) — не исключено поэтому, что восстанавливаемые для этого ряда показатели 1-го л. с дентальным смычным должны считаться распространенными из глагольного субъектного ряда. Коттский показатель 1-го л. sg. *taŋ* развился, вероятно, на месте старого **d/i/* под влиянием *aŋ*, выступавшего в качестве аналогичного субъектного показателя в глаголе (см. 2.1.2.) и появившегося, в свою очередь, в результате вытеснения исконного субъектного **di* соответствующим объектным показателем (см. 2.2.1., 2.2.2.). Интересно отметить, что в предикативизаторе сохранился старый зубной, тогда как в глаголе показатель 1-го л. sg. был целиком изменен по аналогии с объектным. Не совсем ясен праенисейский показатель 3-го л. мн. ч. — результат распространения соответствующего объектного показателя (см. 2.2.2.)? (ср. предполагаемое нами распространение объектного показателя 1-го л. sg. в субъектный ряд в коттском); в любом случае неясны здесь соответствия гласных (кет. *aŋ* ~ юг. *ēŋ* ~ котт. *iaŋ*). О связи субъектного (по Г. С. Старостину — объектного) показателя **w* с наблюдающимся в предикативизаторном ряду **m* (**w* закономерно < **m* в начале слова на праенисейском уровне) см. [Старостин Г. 1995: 153—154]. Не вполне понятно исчезновение **m* в коттском (как и в югском, хотя здесь известны примеры по крайней мере на падение ауслутного -n: ср. кет. *d-t-a-di-tŋ* ‘я лягу’ ~ юг. *d-t-a-d-dē* ‘id.’ < кет.-юг. **d-t-a-di-den*).

Приложение 3

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕВЕРБОВ

Среди основообразующих элементов в кетско-югском и коттском, как было указано, фигурируют однофонемные морфемы, лишенные эксплицитной семантики, которые мы условно обозначаем термином «преверб» (подробнее о них см. [Решетников — Старостин 1995: 100—101] и [Старостин Г. 1995: 141]). Соответствующий класс морфем с надежностью восстанавливается для ПЕ. Опыт реконструкции праенисейских превербов уже предпринимался — см. [Старостин Г. 1995: 168—169]; здесь мы намерены привести лишь некоторые дополнительные данные и указать на возможности реконструкции, не учтенные в этой работе.

Инвентарь превербов, существование которых в ПЕ не подлежит сомнению, восстанавливается в следующем виде:

*k (> кет., юг. k(i), котт. h)

*P (> кет. H(i), юг. f, котт. p/f)

*t (>кет., юг. t(i), котт. th)

В [Старостин Г. 1995] приводятся пары этимологически тождественных парадигм, на материале которых с надежностью реконструируются эти превербы: преверб *k устанавливается по сближению глаголов со значением 'ночевать' (см. 4.2., сближение 17), преверб *р — по глаголу 'стрелять', а преверб *t — по глаголам 'видеть' и 'догнать' — см. 4.2., сближения 17, 4, 3 и 15 соответственно (в качестве сближений, удостоверяющих наличие в ПЕ превербов *k и *р, в указанной работе приводятся также пары кет. di-k-a-qut 'я поднимусь в гору' — котт. h-e-'üt-aŋ 'я влезу' и кет. d-h-a-d-tas 'я встану' — котт. f-a-l-taj-aŋ 'я встал', члены которых, вероятно, действительно восходят к общему источнику, но соответствуют друг другу не совсем точно). Мы можем дополнить этот перечень еще двумя примерами: преверб *k фигурировал, по всей видимости, также в праенисейском глаголе 'слышать', а преверб *t — в глаголе 'купить/платить' (см. 4.2., сближения 9 и 14 соответственно).

Утверждается также, что для ПЕ могут быть (с меньшей долей вероятности ввиду отсутствия конкретных сближений) реконструированы превербы *з и *с̣. Наличие первого предполагается на основании кетского преверба d и коттского преверба d', а наличие второго — на основании редкого югского преверба č и засвидетельствованного в одном случае коттского преверба č̣. Можно, однако, предложить альтернативное решение. Если учесть, что кетскому превербу d в югском соответствует d' (ср. кет. d-d-a-b-da 'я кладу' — котт. d-d'-a-b-da 'id.'), то можно предположить, что они восходят к праенисейскому превербу *з, рефлексом которого может быть также коттский преверб č̣ — см. [Старостин 1982: 157].

Не исключено, что в ПЕ существовал также преверб *χ, давший преверб q(i) в кетском, но совпавший с превербом h < *k в коттском (см. о развитии праенисейских *k и *χ в [Старостин 1982: 160, 167]).

Приложение 4

МОРФОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В КЕТСКОМ

Все кетско-югские показатели одушевленного субъекта (далее в данном разделе для них будет использоваться сокращенное обозначение ПОС), кроме показателя ж. кл., подвержены варьированию типа CV/C (di/d, ku/k, du/d). Вариант типа CV (далее полный) и вариант типа C (далее усеченный) распределены

по морфологическим контекстам. По имеющимся у нас данным вырисовывается следующее распределение.

Только полный вариант появляется в формах презенса-футурума в позиции перед показателями прямообъектного ряда (за исключением некорреферентных показателей 3-го лица sg. м. и ж. кл.), а также перед формантом ПМ (см. 3.1.1.), представленным после субъектных показателей морфами *j* и \emptyset , е. г. *du-daŋ-tad* 'он нас бьет', где *daŋ* — показатель 1-го лица pl. прямообъектного ряда, *du-j-ɸo* 'он умрет', *du-∅-dep* 'он плачет', где ядрам *ɸo* и *dep* предшествует ПМ.

Как полный, так и усеченный варианты налицо в формах презенса-футурума в двух случаях:

a) если в следующем слове содержится тематический маркер *a/o*, и при этом в словоформе отсутствует показатель прямообъектного ряда;

b) если непосредственно за субъектным показателем следует некорреферентный показатель 3-го лица sg. м. или ж. кл. прямообъектного ряда.

Полный и усеченный варианты здесь дополнительно распределены по конкретным глаголам (т. е. налицо лексическое распределение), хотя встречаются и случаи свободного варьирования. Примеры: *du-H-a-daŋ* 'он пристаёт', *d-a-j-dor* 'он (это) заткнет', *du-a-dəq* 'он живет', *k-t-a-j-ga* 'ты ходишь', *du-k-a-ɸut* /*d-k-a-j-ɸut* 'он поднимется в гору' (где *-a* — тематический гласный); *du-a-bak* 'он его тянет', *du-bak* 'он её тянет', *du-a-s/d-aj-s* 'он его оденет', *d-ij-s* 'он её оденет' (где *-a(j)*- и *-i(j)*- — показатели sg. соответственно м. и ж. кл. класса прямообъектного ряда).

Во всех остальных случаях встречается только усеченный вариант. Мы не будем перечислять здесь всех соответствующих контекстов, а приведем лишь несколько примеров: *k-to-ba-H-a-tad* 'ты меня схватишь', *d-ik-s-i-bes* 'он придет' (здесь *to* и *ik* — модификаторы), *d-il-bak* 'он меня тянул' (*il* — претеритно-императивный показатель), *d-a-ki-b-daŋ* 'он в него выстрелит' (*-a* — показатель косвенного объекта), *d-o-l-s* 'он его одел', *d-b-in-tad* 'он это истолок' (*-o-*, *-b-* — показатели 3-го лица sg. прямообъектного ряда, но формы не являются презенсно-футурумными); варианты типа **ku-to-ba-H-a-tad*, **du-ik-s-i-bes*, **du-il-di-bak*, **du-a-ki-b-daŋ*, как правило, не встречаются.

Имеются единичные исключения: е. г., в глаголах 'случаться' и 'умереть' полный вариант налицо перед претеритно-императивным показателем: *du-n-o* 'он умер', *du-n-a* 'с ним (некто) случилось' (вместо ожидаемых **d-in-o*, **d-in-a*), а в глаголе 'находить' мы видим полный вариант перед показателем вещ. кл. объекта *b* не только в презенсно-футуруме, но и в претерите: е. г., *du-b-in-bək* 'он это нашёл' (вместо ожидаемого **d-b-in-bək*).

Отметим, что *d* и *k* усеченного варианта имеют сильную тенденцию к исчезновению перед последующим согласным и регулярно исчезают в том случае, ес-

ли этот согласный совпадает с ними по месту и/или способу образования. Однако постулировать их отсутствие на фонологическом уровне было бы неправомерным: е. г., [tajge] 'он ходит' = /d-t-a-j-ga/.

Очевидно, что исторически первичным является полный вариант (на это указывает хотя бы то обстоятельство, что в этом варианте разные показатели содержат разные гласные: ср. -i в 1-м лице и -u во 2-м и 3-м лицах; при вторичном /эпентетическом/ характере V в CV полного варианта ожидалась бы единообразная огласовка), и, следовательно, усеченный вариант возник в результате выпадения (очевидно, с предшествовавшей ему редукцией) i и u полного варианта. Поскольку (судя прежде всего по собранным нами келлогским данным) полный вариант всегда выступает как акцентированный (т. е. налицо формы [dùren'] 'он плачет', [dùväs'] 'он его оденет' etc.), можно думать, что эта редукция была обусловлена отсутствием акцента (т. е. d-il-di-bak < *du-il-di-bak, k-t-a-j-ga < *ku-t-á-j-ga; взаимозаменяемость полного и усеченного вариантов в одной и той же форме является, следовательно, «производным» от акцентного варьирования, е. г. du-k-a-qut / d-k-a-j-qut < *dù-k-a-qut / *du-k-á-j-qut, см. 3.1.1.) — ср. редукцию в форманте bim (см. 2.1.1.). Интересно, что у югских ПОС в тех позициях, где в кетском выступает только усеченный вариант, довольно часто налицо структура Ci, причем не только в показателе 1-го лица, но и в показателях 2-го и 3-го лиц, е. г. юг. di-lubit-ku-a-get 'я люблю тебя/он любит тебя', gi-lubit-ba-a-get 'ты любишь меня' (где lubit — модификатор). По всей видимости, запись i передает здесь ещё сохраняющийся редуцированный (< *i, *u). Таким образом, наличие вариантов CV и C у данных формантов представляет собой (по крайней мере исторически) чисто фонетическое явление.

Установив вышеприведенное распределение, мы можем отказаться от традиционного выделения рядов d/k/d и di/ku/du, впервые предложенного в [Крейнович 1968] и воспроизводимого в большинстве работ, посвященных описанию кетского глагола. Заметим, что неадекватность такого анализа можно показать, даже не зная правил распределения. Он основан на тех парадигмах, где варианты оказываются распределенными по временам (как, например, в простых беспривербных атематических субъектно-прямообъектных парадигмах с кореферентным объектом, е. г., di-d-to 'я сяду в лодку/выйду из лодки', du-j-a-to 'он сядет в лодку/выйдет из лодки', d-in-d-to 'я сел в лодку/вышел из лодки', d-in-a-to 'он сел в лодку/вышел из лодки'), а также, возможно, на тех, где присутствует только усеченный вариант (как, например, в парадигмах, где в качестве правого контекста субъектных показателей выступает модификатор) или только полный вариант (нам известны только две такие парадигмы, а именно упомянутые выше 'случаться' и 'умереть'), не коррелируя с теми случаями, когда варианты распределены внутри группы форм презенса-футурума (е. г., du-a-tad 'он его бьет' и d-

аҗа-tad 'он их бьет', du-k-a-do 'он на это смотрит' и d-ba-k-a-do 'он на меня смотрит'), а также со случаями варьирования типа du-a-s ~ d-a-j-s.

Некоторые особенности ПОС позволяют утверждать, что они относятся к иному разряду морфем, нежели другие форманты кетского глагола.

Обращает на себя внимание вышеуказанная редукция *i и *u. Само по себе явление редукции узких в безударной позиции вполне регулярно для кетского, однако ни в одном классе морфем, кроме рассматриваемого, она не происходит в первом слоге.

Согласный, открывающий следующую за ПОС морфему, ведет себя так, как если бы он находился в анлауте, т. е. бывает представлен анлаутным аллофоном.

Согласный усеченного варианта непосредственно примыкает к согласному, открывающему следующую морфему, в результате чего возникают анлаутные консонантные сочетания (примеры см. выше), обычно нетерпимые в кетском (исключение составляют только недавние русские заимствования).

Для ПОС возможно фонетическое объединение с предшествующим глагольной словоформе словом (это явление было впервые описано Е. А. Крейновичем), е. г. ket də-aqə-s-a 'женщина рубит дрова' может реализовываться как [keŋ'æ aRasa] [Крейнович 1968b: 148].

Перечисленные особенности ПОС (и прежде всего, вероятно, последняя) свидетельствуют о том, что ПОС не имеют аффиксального статуса, т. е., строго говоря, представляют собой отдельные слова. Поскольку, однако, они не являются самостоятельными в акцентном отношении, кажется корректным трактовать их как клитики.

Исходя из данного вывода, мы должны были бы рассматривать те формы, в которых ПОС несут акцент (т. е. такие, как du-daŋ-tad) как специфические сочетания типа «акцентированная клитика + энклиномен» (приписывая энклиноминальный статус морфемным последовательностям, располагающимся справа от ПОС). Нельзя, однако, не обратить внимания на тот факт, что в этих формах следующие за ПОС согласные регулярно бывают представлены инлаутными (интервокальными) аллофонами (е. г., du-k-a-do 'он на это смотрит' = [duŋär'o], где следующая за ПОС du фонема k представлена интервокальным аллофоном -ŋ-); таким образом, постановка акцента на ПОС как бы имплицитно «стирание» словесной границы между ПОС и последующей морфемной цепочкой, и, следовательно, мы должны констатировать, что существуют условия, в которых ПОС утрачивают клитический статус. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться в том, что ранее ПОС были «чистыми» клитиками.

Необходимо, однако, отметить, что, констатируя отсутствие у ПОС фонетического единства с глагольной словоформой, мы ни в коем случае не можем квалифицировать их как самостоятельные грамматические слова. Это невозможно

прежде всего потому, что для ПОС не могут быть постулированы никакие частеречные характеристики (собственно, единственной возможностью в этом плане было бы трактовать их как местоимения, однако такая трактовка, по-видимому, неприемлема, поскольку она имплицитно утверждает о наличии в кетском двух классов местоимений, плеонастических по отношению друг к другу: е. г., нам пришлось бы говорить, что в *ad di-den* 'я плачу', где *ad* — личное местоимение 1-го л. sg. фигурируют два местоимения в одной и той же функции). Кроме того, существенен также тот факт, что ПОС синтаксически несвободны: появление в позиции между ПОС и глагольной словоформой каких-либо элементов, идентифицирующихся как самостоятельные словоформы, невозможно, т. е., е. г., исключена замена *ob-as d-ik-s-i-bes* 'он с отцом придет' (где *obas* — имя в форме комитатива-инструменталя) на **d-ob-as ik-s-i-bes*.

Показатели 3-го лица прямого объекта в кетско-югском также имеют нетривиальную морфонологию. Напомним, что это выглядит так:

3-е л. sg. м. кл. <i>aj/a/o</i>	3-е л. вещ. кл., sg. одуш. кл. <i>ja/sa/a</i>
ж. кл. <i>ij/i/∅/idu/id/did</i>	
pl. <i>aŋ/a/oŋ/aŋ/oŋ/aŋ(i)s</i>	pl. одуш. кл. <i>jaŋ/saŋ/aŋ</i>
вещ. кл. <i>b</i>	

Морфы здесь оказываются распределенными по временам и наклонениям; кроме того, на их выбор влияют также просодика и различия в структуре основы, а в двух случаях налицо лексическое распределение. Опишем соответствующие правила.

1) Некорреферентные показатели 3-го л. sg.

Варианты с *j* (*aj* и *ij*) встречаются в презенсе-футуруме, а в м. кл. и \emptyset в ж. л. — в презенсе-футуруме и императиве, *i* в ж. кл. — в императиве, *o* в м. кл. и *idu/id/did* в ж. кл. — в претерите, причем три варианта в ж. кл. имеют лексическое распределение (при большей частоте первого).

Выбор *aj* или *a* в формах презенса-футурума в м. кл. и соответственно *ij* или \emptyset в презенсе-футуруме и *i* или в императиве в ж. кл. зависит, по-видимому, от акцента: *i* и варианты с *j* обуславливаются ударной позицией, а и \emptyset — безударной. Историческими причинами такой ситуации являются, по-видимому, падение *j* после безударного гласного и (в ж. кл.) последующее стяжение или редукция и выпадение *-i-*, е. г. *du-a-tad* 'он его бьёт' < **du-aj-tad*' (ср. *d-aj-s* 'он его оденет'), *du-∅-tad* 'он её бьёт' < **du-i-tad* < **du-ij-tad*', *d-kas-∅-qos* 'он её возьмёт' < **du-kas-i-χos* < **du-kas-ij-χos* (ср. *d-ij-s* 'он её оденет'), *kas-∅-n-em* 'возьми её' < **kas-i-n-em* (ср. *i-l-s* 'одень её'). Ср. падение *j*, репрезентирующего ПМ, после безударного тематического гласного (см. 3.1.1.).

2) Некорреферентный показатель 3-го л. pl.

аη(a) выступает здесь в презенсе-футуруме и императиве, а оη(o) — в претерите; варианты VηV и Vη (т. е. аηа/оηо и аη/оη) распределены лексически, причем второй очень редок; имеется несколько глаголов, показывающих аη в презенсе-футуруме, но оηо в претерите и аηа в императиве. аη(i)s — крайне редкий презенсно-футурумный вариант; он может сочетаться как с VηV, так и с Vη в претерите и императиве, е. g. d-t-aηs-i 'я их (рыбу) черпаю (из котца)', d-t-oηo-n-i 'я их черпал'⁴⁵, d-Ha-d-aηs-do 'я их разрубаю', d-Ha-d-oη-in-do 'я их разрубил', Ha-d-aη-in-do 'разруби их'⁴⁶.

3) Корреферентные показатели 3-го л.

Варианты а и аη выступают после претеритно-императивных показателей (т. е. фактически во всех претеритных формах, е. g. d-ki-l-a-tiη 'он скатился', d-ki-l-aη-tiη 'они скатились', ki-b-il-a-tiη 'это скатилось'), вариант а — также после показателя субъекта вещ. кл. b (е. g. ki-b-a-tiη 'это скатится'), варианты с j — после ТМ и показателей одушевленного субъекта (е. g. d-a-ja-taη 'он остановится', du-ja-to 'он подвинется'), варианты с s — после провербов и модификаторов (е. g. d-ki-sa-tiη 'он скатится', d-ta-sa-Hil 'он повернется' /где ta — модификатор/), хотя в некоторых идиолектах j налицо и после провербов в том случае, если последние имеют вид Ci (так, наряду с d-ki-s-a-tiη 'он скатится' употребляется также d-ki-ja-tiη).

Можно было бы рассматривать прямообъектные показатели 3-го л. (исключая показатели вещ. кл.) как членимые: действительно, нетрудно выделить здесь элемент j/s, располагающийся в постпозиции к некорреферентным показателям и в препозиции к корреферентным и исчезающий (или представленный нулем?) в претерите. Этот элемент можно было бы рассматривать как специфический «некорреферентно-корреферентный» показатель одушевленного класса, что, очевидно, повлекло бы за собой трактовку элемента a в корреферентных формах не как объектного показателя, а как показателя корреферентности объекта субъекту. Однако в этом, как нам представляется, нет никакой необходимости. Более того, это было бы несколько непоследовательным с точки зрения системы (укажем хотя бы на тот факт, что s во мн. числе в некорреферентном ряду встречается лишь sporadически) и, вероятно, уникальным с точки зрения типологии. Уч-

⁴⁵ Формы императива не засвидетельствованы.

⁴⁶ На самом деле в глаголе 'разрубить' мы, по-видимому, имеем дело с морфами daηis, doη, daη и т. п., т. к. в вещнообъектных формах элемент -d- отсутствует (ср. d-ha-s-do 'я это разрубаю'), и его, таким образом, не удастся трактовать как относящийся к основе. Такой феномен встречается лишь в единичных глаголах.

тем также, что при этом нам пришлось бы постулировать несколько странную дистантную маркировку *pl* в кореферентном ряду. Таким образом, при выделении *j/s* в качестве самостоятельного элемента его можно считать в лучшем случае субморфом. Отметим, что исторически этот элемент, несомненно, не входит в состав актантных показателей (см. б).

ЛИТЕРАТУРА

Белимов 1986 — Белимов Э. И. Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках // Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. Новосибирск, 1986.

Буторин 1995 — Буторин С. С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1995.

Валл — Канакин 1988 — Валл М. Н., Канакин И. А. Категории глагола в кетском языке. Новосибирск, 1988.

Валл — Канакин 1990 — Валл М. Н., Канакин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.

Вернер 1973 — Вернер Г. К. Вопросы членения енисейской языковой общности // Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1973.

Вернер 1974 — Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. № 1. 1974.

Вернер 1977 — Вернер Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977.

Вернер 1980 — Вернер Г. К. Акцентуация глагольных парадигм сымских кетов (югов). // Языки и топонимия. Томск, 1980.

Вернер 1982 — Вернер Г. К. Две серии енисейских глагольных форм в сравнительно-историческом освещении // Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания. Л., 1982.

Вернер 1990a — Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.

Вернер 1990b — Вернер Г. К. Сравнительно-историческая фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.

Вернер 1993 — Вернер Г. К. Кетско-русский и русско-кетский словарь. Спб., 1993.

Гайер 1980 — Гайер Р. С. О значении видо-временных показателей *l'*, *n'* в глаголе кетского языка // Языки и топонимия. Томск, 1980.

- Дульзон 1962 — Дульзон А. П. Кетские наречия XVIII-го в. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 6. Вып. 2. Томск, 1962.
- Дульзон 1968 — Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Дыбо 1996 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Климов 1972 — Климов Г. А. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания. № 4. 1972.
- Климов 1977 — Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов 1983 — Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.
- Крейнович 1968a — Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Крейнович 1968b — Крейнович Е. А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.
- Крейнович 1968c — Крейнович Е. А. Способы действия в глаголе кетского языка // Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.
- Крейнович 1969 — Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов // Кетский сб. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.
- Орел 1995 — Орел В. Э. Семитохамитский, синокавказский, ностратический // Московский лингвистический журнал. 1. 1995.
- Решетников — Старостин 1995 — Решетников К. Р, Старостин Г. С. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сб. Лингвистика. М., 1995.
- Старостин 1982 — Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сб. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. М., 1982.
- Старостин 1995 — Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сб. Лингвистика. М., 1995.
- Старостин Г. 1995 — Старостин Г. С. Морфология коттского глагола и реконструкция праенисейской глагольной системы // Кетский сб. Лингвистика. М., 1995.
- Топоров 1967 — Топоров В. Н. Из этимологии енисейских языков // Этимология 1965. М., 1967.
- Топоров 1968 — Топоров В. Н. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. Аринско-енисейские соответствия // Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.
- Топоров 1977 — Топоров В. Н. Из сравнительно-исторической фонетики енисейских языков: к реконструкции общеенисейского консонантизма // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тез. докл. конф. М., 1977.
- Успенский 1968 — Успенский Б. А. О системе кетского глагола // Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.

Хелимский 1986 — Хелимский Е. А. Архивные материалы XVIII-го в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986.

Шабает 1981 — Шабает В. Г. Некоторые закономерности использования субъектно-объектных аффиксов в кетском языке // Языки и топонимия. Томск, 1981.

Шабает 1983 — Шабает В. Г. Об одном принципе дифференциации личных показателей кетского глагола // Функциональный анализ языковых едениц. М., 1983.

Шабает 1984 — Шабает В. Г. Функциональный анализ системы субъектно-объектных показателей кетского глагола. Автореф. канд. дис. Л., 1984.

Шабает 1986а — Шабает В. Г. Проявление черт активности и эргративности в использовании личных показателей кетского глагола // Палеоазиатские языки. Л., 1986.

Шабает 1986б — Шабает В. Г. Некоторые замечания о рефлексивных формах кетского глагола и типах его спряжения // Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. Новосибирск, 1986.

Шабает 1987 — Шабает В. Г. О двойной маркировке субъекта в составе финитных форм кетского глагола // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987.

Bouda 1957 — Bouda K. Die Sprache der Jenissejer: Genealogische und morphologische Untersuchungen.— *Anthropos*, t. 52, 1957.

Castrén 1858 — Castrén M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. Spb., 1858.

Ramstedt 1907 — Ramstedt G. J. (ber den Ursprung der sogenannten Jenissei-Ostjaken // *Journal de ia Société Finno-Ougrienne*. Vol. 24. № 2. 1907.

Starostin 1991 — Starostin S. A. On the Hypothesis of a Genetic Connection between the Sino-Tibetan Languages and the Yeniseian and North-Caucasian Languages (translation and introduction by William Baxter III) // *Dene-Sino-Caucasian Languages*. Bochum, 1991.

Tailleur 1958 — Tailleur O. G. Un îlot basco-caucasien en Sibirie: les langues ienisseiens // *Orbis*. Vol. 7. № 2. 1958.

Werner 1994 — Werner H. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1994.

Адрес автора: 129128. Россия. Москва.
Будайская ул, д. 7, к. 59.